ПИОНЕР

МАЙ 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

Хороший месяц М А Й!

**Май пришел!
Месяц теплого ветра, зелени, красных знамен, месяц шумных первомайских колонн и великой Победы,
месяц твоего пионерского праздника!
В торжественные дни мая ты повяжешь красный галстук младшим друзьям, октябрятам, и они встанут с тобой в один ряд, в общий пионерский строй! Приглядись, с каким уважением смотрят они на тебя, как жадно ловят каждое твое слово. Чего они ждут от тебя, ты знаешь? Давай спросим у них.**

Говорят ребята из Рыбинска, из 3-го класса «А» 24-й школы.

ЛЕНА СМИРНОВА. Я хочу научиться горнить и барабанить. Я пойду в школу горнистов и барабанщиков. Там самый главный мальчик — Саша Тимохин. Наши вожатые из седьмого класса умеют ходить строем. Это трудно. Вожатые нас учат. Но без барабанов не так хорошо выходит. Я хочу, чтобы у нас было много барабанов.

САША ПАЛКИН. Пионеры играют в интересную игру «Зарница». У них есть разведчики и саперы. Один мальчик рассказывал, командир послал их разминировать поле. Они нашли все мины и выиграли бой. Что у них было минами, я не скажу, а то будет неинтересно. Нас примут в пионеры, и мы тоже сразу станем играть в «Зарницу». Мы уже выбрали разведчиков.

СЕРЕЖА ЛЕБЕДЕВ. Все пионеры смелые. Наши вожатые читали нам книги про пионеров-героев. Наши вожатые тоже смелые. Они потушили в лесу пожар. Шли из похода, увидели — лес горит. Пока пожарники приехали, они все потушили.

ТОМА КУЛИКОВА. У нас уже есть смелые октябрята. Например, Сережа Лебедев. У меня большие мальчики отняли лыжи, а Сережа увидел и отобрал у них одну лыжину, а вторую они сами отдали.

ВАЛЯ МАМОЙЛОВА. Пионеры ходят в дальние походы. За семьдесят километров, даже за восемьдесят. Я тоже хочу спать в палатке и вечером сидеть у костра. Вечером костер ярче.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
Пионерской организации
имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Издательство «Правда»

1968 г.

ИРА ГОЛУБЕВА. Я уже ходила в клуб интернациональной дружбы. Там ребята переписываются с мальчиками и девочками из других республик и других стран. Я сказала нашим вожатым: «Мы тоже хотим переписываться». И вот недавно к нам пришел большой пакет, а в нем — задание: написать в город Киев и подружиться с ребятами из 3-го класса «А» 24-й школы. Еще выучить украинские песни, танцы, стихи. И тогда мы будем на пионерском фестивале украинцами. Вожатые обещали нам сшить костюмы.

КОЛЯ РОДИОНОВ. Я из второго класса, можно, я тоже скажу? Прошлым летом я первый раз был в пионерском лагере. Там устроили карнавал. Мой брат захотел нарядиться старухой. Одна девочка говорит: «Выбирай, что тебе из моих платьев пригодится». Раньше нам вожатые говорили, что пионеры помогают друг другу, но я-то сам не видел. Пришел я в свою палату, а за окном одна девочка маленькая сидит и ревет. Она хотела быть Буратино, а белая кофточка у нее испачкалась. Я вытащил свою рубашку и дал ей.

ВИТЯ РЕМИЗОВ. У наших пионеров значки «Турист СССР». У них в классе хранится туристский кубок. Они его получили на слете. Второй раз! Они говорят, что никому его не отдадут, только нам, когда станем хорошими туристами.

В большой пионерской семье 24-й рыбинской школы младшим живется радостно. Старшие чувствуют себя их добрыми друзьями.

ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ ВАМ, РЕБЯТА ИЗ 24-й ШКОЛЫ РЫБИНСКА!

ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ ТЕБЕ, НАШ МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ, ПИОНЕР С МАЯ 1968 ГОДА!

Эдуард КОРПАЧЕВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

ФЛАГ РЫБАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПОВЕСТЬ

1

В потемках летней ночи, когда лодка тайно скользила, обмакивая тихие весла в рыбные воды Князь-озера, Вовке Звездочетову представилось, что все пространство заполнено глубокой водой, что не стало земли на Земле. И что бесконечным будет их поход на бесшумной лодке, ему представилось, и что долго будет стоять дегтярная ночь, и что никакая изба на сомкнув-

шемся с водою берегу в Селивановке не брызнет из окон светом, и что вообще никогда не достигнут они запретного берега, где селивановские держат деревянный флот и где приспущен в эту пору на мачте бело-голубой флаг, который и должен похитить он, Вовка Звездочетов.

«Прощайте, мои родные, батя и мама, и вы, ребята, прощайте!» — сказал он мысленно еще вечером, еще на своем берегу, еще находясь на пирсе вблизи рыбозавода, хотя и не верил в свою неудачу, но ведь всегда разведчики перед любым заданием как бы подводят жизненный итог, и прощальный их взгляд остро запечатлевает все, что отныне станет воспоминанием. Да только Вовка Звездочетов не понравился самому себе в эту минуту, когда малодушно подумал о неудаче, и снова стал таким, каким всегда был в свои тринадцать лет,— бесстрашным, умеющим сровняться с землей или потонуть в озере на минуту-другую, если надо, и, когда отчалила лодка, он уже чувствовал себя готовым ко всем испытаниям.

Вовке Звездочетову не терпелось вступить на берег неприятеля.

Ах, как ясно был различим флаг за пять голубых верст, разделяющих оба берега, если смотреть в полевой бинокль! Он трепетал и жил на мачте, бело-голубой флаг, а кругом на берегу были шалаши, где спали все лето селивановские, а на воде покачивались плоскодонки и челны. И хотя у них, у рыбозаводских, были такие же челны и лодки и такой же бело-голубой флаг осенял их становище, но похитить неприятельский флаг необходимо, чтобы неприятели прибыли на поклон и признали свою зависимость и взамен флага подарили половину своего деревянного флота. Не должно развеваться двум одинаковым флагам над бескрайним, канувшим в зеленый охват лесов Князь-озером, потому что главное селение на озере — рыбозавод и потому что им, рыбозаводским ребятам, принадлежит право поднимать и опускать бело-голубой флаг своей рыбацкой республики.

И как только пошла, пошла по черному сукну воды лодка, как только остались позади пирс, рыбозавод, освещенный навес, ледник, Вовка Звездочетов уселся на самом носу лодки, уже как бы не принадлежа себе, уже способный на риск, и все в нем заиграло, все захотело той опасной минуты, когда придется красться во мраке по чужому берегу, замирать, и снова красться, и до боли в ушах воображать, какой переполох случится, какой гам, если селивановские будут начеку.

Сокрытая теменью лодка скользила бесконечно, как бы впадая из ночи в ночь, и постепенно вся земля заполнялась водой, а Вовке Звездочетову не терпелось ступить на берег неприятеля, и он щурился во тьме, он оглядывался назад, на дружков, на адмирала своего Антошку Чалина — их фигурки были безмолвны, лишь двигались руки, макая весла, макая весла.

— Ты что-нибудь видишь, Звездочет? — спросил вполголоса Антошка Чалин.

— Я ничего не вижу,— охотно отозвался он на это имя — Звездочет, которое и ему самому нравилось и было интереснее настоящего имени. — Я ничего не вижу, но улавливаю по запаху, что неприятели недалеко. Они жгли костер, пекли рыбу — вы чувствуете?

И едва он сказал это, как с тугим хлопаньем крыльев поднялась где-то на берегу, в кустах, ночная птица и полетела, шальная, над водой, и лодка замерла, а Звездочет быстро сбросил штаны и рубаху, остался в плавках, опустил ноги за борт, в теплую воду.

— Вы одежку мою не потеряйте,— шепнул он, шаря рукой и почему-то пожимая чью-то ладонь.

— Нашел о чем говорить! — подосадовал Антошка Чалин, и Звездочету сразу стало совестно слов своих, будто и вправду он думал лишь об одежде, а не о задании, не о флаге, не о появлении своем на селивановском берегу, среди неприятелей; он перевесился за борт и лег на воду, как большая рыба-верховодка, и поплыл, поплыл, зная, что ребята ждать его будут, фонариком помигивать, звать и сразу руки ему подадут, чтоб он ухватился за их руки.

Но это потом, если все удастся, а пока Звездочет разгребал под водой воду, приближался к берегу, зорко, но все же напрасно всматривался вперед и вдруг различил остро взошедшую к небу мачту, представил приспущенный флаг у подножия мачты и нетерпеливо выпрямился в воде, задевая ногами мягкую донную жижу, а потом пошел, пошел, и вода была Звездочету по плечи, по грудь, по колени.

Звездочет стоял перед селивановскими ребятами в одних плавках...

О эта обманчивая тишина, когда кажется, будто спят селивановские в своих шалашах и будто никого нет на этом берегу, только птица пролетела с криком, а так никого, никого. Но повсюду у селивановских были посты, и был пост у мачты, и так прекрасно жить тревожной жизнью, ожидая нападения чужаков, какой-нибудь беды, заговора, и охранять свой флот, свой лагерь, и поочередно выходить на дежурство, стоять заспанному, подрагивать телом, робеть при внезапных криках птиц, словно это не крики птиц, а сигналы неприятелей. Да ведь и у них, рыбозаводских, такие же бессонные посты, и всякое случалось ночью, пробовали селивановские подходить впотьмах и к их лагерю, но были рассеяны, а вот теперь надо сорвать белоголубой флаг, чтоб дерзостью своей доказать превосходство над селивановскими.

Из воды Звездочет выкатился на берег, как волна, потом лежал на земле, как

бревнышко, потом приник всем телом к стволу ивы, как бы сам обрастая корою, и ничего этого, никаких превращений не заметил часовой, расхаживавший у мачты и смертельно хотевший спать, наверное. Звездочет сам не знал, долго ли он деревенел на этом берегу, долго ли присматривался к размеренности шагов часового, прислушивался к его сокрушительным зевкам, к чьему-то сонному бормотанию, похрапыванию, смешку, доносившемуся из шалашей, и прояснялся тем временем план: броситься к мачте, сорвать бело-голубое полотно, опять рвануться в заросли лозы, потом по воде, по воде, а уж будут свои ребята фонариком помигивать, звать, и поджидать будут, и руки протянут, и тут же мотор заведут — эгей, догоняйте, пижоны!

А сонный флаг свисал на мачте у самой земли. Звездочет ощущал, как щекотно рукам его, как не терпится им поскорее взять прохладное полотнище. Наверное, немного поспешил он, потому что часовой едва отошел от мачты, как Звездочет уже отделился от корявого ствола и жадно задергал полотнище на крепкой, как проволока, бечеве.

И не повезло Звездочету!

Он дергал полотнище, комкал и дергал, оно же не поддавалось, и тут часовой изумленно и тихо воскликнул: «А!» — точно облили его водой, а потом крикнул пронзительным голосом, от которого могли пробудиться все птицы, все звери, все люди, и бросился на Звездочета, обвил его ноги беспощадными тисками, и Звездочет никак не мог освободиться из тисков. И вот уже в одно мгновение пришел в движение стан неприятеля, точно у них не спали, готовили засаду, и замелькали чьи-то фигуры, кто-то навалился на Звездочета так, что вздохнуть было трудно, и панический говор слышался, возгласы, и фонарики уже отовсюду били, и кто-то взахлеб кричал:

— Звездочет! Звездочета поймали!

2

Все пропало, он в плену, и флаг по-прежнему щелкает под ветром на мачте, и теперь позор всем рыбозаводским: он в плену, в плену!

С этой ранящей мыслью Звездочет пробудился, попробовал вскочить, но все еще был связан ремнями по рукам и ногам, и тогда селивановские с добродушным смешком вынесли его из шалаша, как куклу, развязали, и он рывком подхватился и слепо, щуря глаза от стыда, обвел селивановских, никого не выделяя, никого не узнавая. Ах, надо было ночью бежать, если не удалось сорвать флаг, надо было бежать, ломиться через кусты по чужому берегу, миновать Селивановку, а потом всю ночь идти вокруг озера, во тьме различать незнакомые рыбацкие избы и забираться на деревья, чтоб сверху следить, не обнаружится ли вдали бессонная лампочка под навесом рыбозавода!

Селивановские обступили его тесно, дышали разгоряченно прямо в лицо, так что Звездочет чувствовал их ненасытное любопытство. И когда он снова посмотрел на них — на предводителя селивановских, курчавого Багратиона, на толстого белокурого Стаса, на других, которых не знал по имени, и на девочку, вовсе не знакомую, глядевшую на него с сожалением,— то подавил тяжкий вздох и словно бы примирился с мыслью, что он тут пленник, что с ним могут поступить, как захотят, и что все на этом берегу против него: первобытные шалаши, и флот, и сухо щелкающий на ветру бело-голубой флаг. Он опять взглянул в чужие лица, и сладкая боль родилась в груди оттого, что селивановские стоят и замышляют что-то и каждый, наверное, хочет стукнуть его, лишь девочка с по-взрослому причесанными волосами, такая незнакомая, нездешняя, сочувствовала ему. Может, девочка думала, что он по-настоящему попал в плен, что селивановские — тоже настоящие враги, что будут они держать его в плену всю жизнь? И тут же Звездочет утешил себя тем, что все это игра и все это не по-настоящему, и, побарывая позор своего пленения, так и сказал, с вызовом поглядывая на Багратиона:

— Ну и что? Все равно ведь отпустите!

— Вроде бы неприлично разговаривать с

голым королем,— насмешливо сказал своим селивановским Багратион, так что селивановские дружно захохотали, а Багратион распорядился:—Выдайте ему одежду.

И словно лишь сейчас Звездочет обнаружил, что он стоит перед селивановскими в одних плавках, как и пустился в ночное плавание, и с тоскою посмотрел на озеро, на ртутный блеск его, на обширные воды, где ночью свои ребята ожидали его возвращения, да не судьба. Может, и не захотел бы Звездочет облачаться в чужую одежду, но ему настойчиво помогали, он оказался в тенниске с узорами глобусов, в замусоленных штанах, странный самому себе и все же не изменивший себе — такой же подтянутый, ловкий, большеглазый, готовый и теперь, как всегда, на риск, на побег, на все.

Но вот его подтолкнули и повели к ближней, отставшей от деревни избе, и, как только вошли в сумрак смуглых бревен, где был, наверное, штаб селивановских и где проворная бабка управлялась с ухватом у пламенной печи, ало позевывавшей и делавшей бабку краснокожей, Багратион сказал, едва селивановские расселись по лавкам:

— Расскажите, как были заброшены сюда?

И эта строгость, с какою спрашивал Багратион, эта сухость обращения поразили Звездочета, он тут же представил себя в ловушке, среди неприятелей, представил, как будут издеваться над ним и даже, наверное, пытать, чтобы он во всем признался, и мысль о предстоящих мучениях почему-то была сладка.

— Ничего я вам не скажу,— произнес Звездочет ровным голосом.— Хоть станете мучить, а не скажу.

И странно — слова его понравились Багратиону, потому что Багратион ухмыльнулся довольно, а потом опустил книзу глаза, точно устыдился чего-то, точно боль причинил ему, Звездочету.

Девочка же смотрела на него с постоянным сочувствием, как бы дразня своей жалостью. Звездочет хмурился, косился на ее ноги в туфельках с загнутыми носами и слушал недобрую тишину, и в этой недоброй тишине прозвучал недобро голос толстого Стаса:

— А что — вот и будем мучить. Подвесим за ноги, пока не заговоришь.

И когда он сказал это, Звездочет вздрогнул, тут же догадываясь, что ночью, когда его поймали и скрутили, этот кровожадный Стас, конечно же, уперся ему так больно коленкой в спину, и теперь Звездочету даже захотелось пыток, о которых упомянул Стас, и пускай бы мучили его неприятели, он бы все равно оставался гордым. Звездочет презрительно посмотрел на толстого белокурого Стаса. Но все же верить всерьез во все это никак не хотелось. Звездочет глянул в окно, из которого видно было озеро, и его так потянуло к своим, рыбозаводским, ступить на пирс потянуло, увидеть повсюду мережи на колках, подле рыбаков постоять, поглядеть, как взвешивают пудовую щуку!

— Ничего я вам не скажу, вы меня и так отпустите,— сказал он, успокоенный тем, что скоро, скоро появится на пирсе рыбозавода.— Зачем я вам?

— А это вопрос чести. Мы тебя пленили, это наша заслуга. И флаг свой уберегли. Пускай-ка теперь ваши на поклон приплывут,— немного заносчиво ответил Багратион.

В его словах не было угрозы, но понимал Звездочет, какая им честь держать пленника под своим флагом. И, снова переживая позор свой, он процедил дерзко, вовсе не желая выглядеть покоренным:

— Охота вам будет кормить меня даром?

— А мы не даром,— готовно отозвался Багратион.— Вот Юля,— он повел глазами на девочку,— она тут новенькая, вчера приехала из города. У нее работа на осень. По алгебре. Тебе и поручаем подтянуть, ты же мировой математик.

Да, живешь на том берегу, а знают о тебе и на этом, знают, что ты мировой математик, потому что твой отец Викентий Васильевич преподает математику в школе. Но только сейчас Звездочету подумалось, что умный предводитель Багратион замыслил особое, утонченное наказание, чтобы он, Звездочет, пленник, не сумевший похитить флаг, сидел на чужом берегу день, два или пять с какой-то дурой, с какой-то девчонкой и забывал, что он мальчишка, разведчик, воин отряда рыбозаводских. О, как испепеляюще глянул Звездочет на Юлю! А у нее, девчонки с по-взрослому причесанной головой, было все то же сочувствие во взгляде, и он захотел, чтобы обиделась она и отказалась от его помощи, и потому спросил у Багратиона:

— А как она — не очень тупая?

— Нормальная девчонка,— отвечал Багратион.— Вот соберемся и решим, принимать или нет ее в наш отряд.

Звездочет надеялся, что Юля после слов его топнет плоским каблучком или губы надует, как это умеют делать ее сверстницы, но она с любопытством, с откровенной улыбкой посматривала на него, точно повеселили ее слова пленника. И то, что она не разобиделась, смутило Звездочета и подсказало ему, что девочка эта взрослее своих лет.

А Багратион опять сделался строгим и снова произнес с подчеркнутой сухостью, как и вначале, едва они зашли в избу:

— Вам надлежит не выходить отсюда. У вас будет время для размышлений.

— Расскажите, как вы были заброшены сюда? — сказал Багратион.

И, повернувшись к краснокожей бабке, которую он назвал Степанидой Степановной, распорядившись, чтобы накормила она пленника, Багратион обратился к селивановским, и голос его был тревожен:

— Всем по местам. Рыбозаводские попытаются выручить лазутчика. Всем быть на постах!

3

Теперь сиди в избе, поглядывай на зарево в печи, на красноликую бабку, помышляй о побеге и представляй, как там, на своем берегу, рыбозаводские снаряжают лодки и готовятся в поход, готовятся налететь с озера и смять неприятельский флот. Какая битва может разгореться на воде, как будут сталкиваться лодки и трещать весла, как будут вопить из воды потерпевшие крушение!

И Звездочет мысленно торопил тот час, когда начнется сражение, и решал, что в этой заварухе он сможет сорвать неприятельский флаг, его бодрила эта мысль, и он похаживал нетерпеливо и выглядывал на порог, и каждый раз, когда он подступал к порогу и видел охранника Стаса, краснокожая бабка сторожко замирала и следила за ним.

— Ну, куда я сбегу? — говорил он бабке.— Лучше дайте я вам помогу, Степанида Степановна.

— Иди, иди, лазутчик,— с усмешкой отвечала озаренная печным огнем бабка.— Еще яду подсыплешь.

И хотя знал он, что бабка шутит, но его раздражали ее слова, словно он и вправду был ворог, и он уж решил не заговаривать с ней, сел к темному столу, задумался о печальной своей доле, так что даже не расслышал, как ласково окликнула она его:

— Есть будешь, лазутчик?

Не расслышал он бабкиных слов, и краснокожая Степанида Степановна с платочком, повязанным так, что это еще более делало ее похожей на индейскую старуху, подступилась к нему и вновь повторила:

— Поешь, поешь, хлопчик. И не переживай...

Звездочет принялся есть, тем более что даром есть хлеб он не собирался и почти примирился с той мыслью, что придется натаскивать по математике эту приезжую ленивую девочку. И когда эта девочка, Юля, вошла в избу, он с полным ртом, молча показал ей на стол, чтоб она тоже садилась, ела,— еда поможет усвоить ей математику.

Юля опять смотрела на него с сочувствием, поправляла свою взрослую прическу, и Звездочет застеснялся теперь, оставшись

наедине, ее пристального взгляда и спросил поспешно:

— А ты откуда?

— Из Гомеля,— ответила она весело, будто Гомель был самым веселым на свете городом.— Только не думай, помогать мне не надо. Я алгебру знаю.

— Ну да! — порадовался он.— А почему же работа на осень?

— Учительницу я не любила. А она меня возненавидела. Не нравилась мне она, какая-то неискренняя. Вот и получилось...

— Что ж, ну и прекрасно! — с воодушевлением сказал Звездочет.— Мне, знаешь, не до занятий... Сидеть под охраной, а там наши думают обо мне...

Ему на миг стало жалко самого себя, пленного, подумалось об отце, о матери, как отец, Викентий Васильевич, узнав о его исчезновении, воскликнул с досадой: «Не везет благородному воину!» Но не потому подосадовал отец, что он, Звездочет, остался без сна, а потому, что не удалась его вылазка, сорвалась. Был отец когда-то мальчишкой, был партизанским связным и понимал, что такое война, что такое флаг, что такое честь и доблесть.

И лучше бы не пожалел он себя, потому что в глазах Юли теперь было такое сочувствие, которое, казалось, разоружало его, Звездочета, и делало беспомощным.

— Я тебе помогу бежать, помогу,— зашептала она, оглядываясь на краснокожую бабку.— Я не пойду в их отряд, я лучше с вами буду, с рыбозаводскими.

— Я тебе помогу бежать, помогу!..

А Звездочету еще печальнее стало, и, пока нашептывала Юля, он подумал с подозрением, не подослана ли она к нему селивановскими, это насторожило его, он долго смотрел в ее откровенные глаза, смотрел прямо и долго, пока вновь не поверил ее глазам и голосу, а потом тяжко вздохнул:

— Да ведь пустяк отсюда бежать. А я задание не выполнил.

— Я помогу тебе выполнить! — горячо шепнула Юля, как бы упрашивая не отказываться от ее помощи.

Звездочет еще некоторое время колебался, посматривал на нее с сомнением, но не мог обидеть ее в такую минуту, когда она открыто предлагала свою помощь, когда глаза ее были смелы и доверчивы.

— Ладно,— вполголоса произнес он.— Я придумаю что-нибудь. И ты мне понадобишься.

— Спасибо, Звездочет!

— А ты знаешь, что тебе грозит, если нас поймают? Слыхала слова кровожадного Стаса?

— Слыхала. Только я вовремя смоюсь в Гомель.

— Ну, а с чего ты вызвалась помочь мне?

— Да это же риск! Ты один, кругом неприятели, и тут у тебя помощница... Нет, Звездочет, я знаю, какой это риск! — сказала она с заблестевшими глазами.

Так они и переговаривались, таясь от бабки, и не был Звездочет одинок на чужом берегу, и еще не все пропало. Со двора заглядывали в распахнутую дверь квохчущие куры с желтыми попискивающими цыплятами, заглянул и толстый Стас, увидел их сидящих за разговором и успокоился, ухмыльнулся, а на дворе затянул для устрашения пиратскую песню:

— Шестнадцать человек
на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо — и бутылка рому!

Потом в раскрытую дверь влетело перышко, порозовевшее в сполохах угасающей печи, и, пока оно, покачиваясь, втягивалось в жаркий, арбузно-красный зев печи, Звездочет успел различить, как там, на берегу, среди привычных, монотонных звуков волны, всплескивавшей и как бы закипавшей на песке, усилился говор, возбужденный, точно рожденный чьим-то появлением. Он вздрогнул, вы-

прямился, подумал о своих рыбозаводских ребятах и кивнул головой Юле, чтоб выбежала она и проверила, кто там.

И когда вернулась Юля, когда сказала беспечно, что высадился на берегу какой-то учитель, Звездочет улыбнулся широко и бросился вон из избы, и краснокожая бабка не успела преградить дорогу, а толстый Стас понесся следом с запоздалым криком:

— Стой! Стой!

4

Ведь точно так, как теперь, он вылетел из хаты и оставил позади неуклюжего Стаса, он мог бы в любой миг бежать, запутывать свой след в кустарниках, уходить от преследователей, уносить свои ноги.

— Но только я успею унести свои ноги. Успею,— говорил он уже потом, когда они с отцом вышагивали по чужому берегу, а чуть в стороне, подобострастно поглядывая на отца, брел охранник Стас.

Был когда-то отец мальчишкой, партизанским связным, а теперь он был взрослым, пожилым человеком с лысинкой и сединой, теперь он был школьный учитель и приехал сюда, в Селивановку, читать лекцию.

— Я бы на твоем месте, Звездочет, использовал все возможности,— тихо внушил ему отец.

— Правильно!—согласился Звездочет.— Мне виднее, как поступить. А бежать успею. Успею!

И, воодушевленный поддержкой отца, Звездочет продирался сквозь заросли, обламывая ветви, и представлял, как там нынче не спали дома, как пошли в ночь отец и мать к шалашам, где тоже не спали Антошка Чалин и другие, как там их задержали властным окриком, а потом провели в шалаш, поведали о неудаче; они сами слышали, что Звездочета пленили, да не могли прийти на выручку, бесполезно было идти в сражение на одной лодке. «Теперь вы, Викентий Васильевич, разведайте, что с сыном, вас не тронут, ведь вы учитель, вы нейтральное лицо»,— просили, наверное, ребята. И тут отца как раз вызвали по телефону в Селивановку, отец собрался с утра на моторной лодке.

И все же, как ни старался отец скрыть досаду, чувствовал Звездочет, что ему досадно видеть сына под охраной толстого Стаса, на чужом берегу, подавленного и скучного, и Звездочет не смотрел ему в глаза, а смотрел по сторонам, и представал отчетливо перед ним лагерь селивановских: шалаши, лодки, груды угасших углей от ночных костров, связки вяленой рыбы и постреливающий на ветерке бело-голубой флаг.

— Поешь, поешь, хлопчик. И не переживай...

Когда посматривал Звездочет на этот флаг, он чувствовал, как замирал позади и сопел толстый Стас, а, кроме Стаса, было еще немало охранников, которые выдавали себя неосторожным шагом, выглядывали отовсюду из кустов.

Так они вышли с отцом к неприятельскому стану, по песку прошествовали мимо селивановских, делавших вид, что не замечают их, и все же напряженно следивших за ними, как будто они, Звездочет и отец, помогли выведать какую-то самую сокровенную тайну. А им, Звездочету и отцу, было тягостно на чужом берегу, в неласковом таком окружении.

— Ты иди. Тебе пора,— сказал он отцу, потому что дальше было бы невыносимо видеть, как страдает отец, хотя и пытается выглядеть безразличным.

И все-таки отец вместе с ним зашел в избу. Печь уже не горела, только дышала вкусными запахами, и Степанида Степановна уже не выглядела краснокожей, а просто темнолицей, с бурыми, древними руками. Здесь же сидела и Юля, посмотревшая на них, когда они вошли, так проникновенно, словно знала о тех словах, какими они успели переброситься.

А селивановские были настороже и сразу же заявились в избу ватагой; их предводитель Багратион вежливо стал спрашивать у Викентия Васильевича, нравится ли ему тут, а Викентий Васильевич отвечал, что в гостях хорошо, а дома лучше, и селивановские театрально потупляли взор, наигранно смущаясь, и более других был Звездочету неприятен в эти минуты Стас, который лез вперед, заискивающе посматривая на отца. Казалось, он готов был пригорбиться, лишь бы заметил отец его преданный взгляд. Он, этот неуклюжий, полный Стас, понимал, что пленение Звездочета не столь уж серьезно по сравнению с учебой, с занятиями, когда Викентий Васильевич будет неподкупно строг.

Но вот отец весело повел глазами на всех, поднялся, руку ему, Звездочету, протянул, и хотя пожатие отцовской руки было знакомым, твердым, Звездочету стало невыносимо больно от этого как бы прощального рукопожатия.

5

Все происшедшее вставало перед Звездочетом сызнова и вставало беспощадно: как отец на прощание руку жал и смотрел со значением, как он старался выглядеть веселым, понимающим законы мальчишеской игры, а все-таки выглядел смущенным, выглядел отцом пленника. И вот теперь, страдая не только за себя, а и за отца, вдруг потерявшего власть над своими селивановскими учениками, над отличниками и двоечниками, Звездочет чувствовал в себе ту особую злость, которая делала его неутомимым и бесстрашным; и такой, готовый на все, готовый на любой риск, он уже искал выхода из плена, он уже преодолевал мысленно всякие препятствия и флаг неприятельский уносил на груди. И не понимал Звездочет, зачем ему жить дальше, если он задания не выполнит,— зачем ему жить дальше с поруганной честью?

А Стас не покидал избы, все вертелся вокруг стола, все поглядывал преданным, двусмысленным каким-то взглядом, точно был готов услужить ему, Звездочету. Легко было сманить Стаса на свою сторону, легко было бежать, но бежать с поруганной честью Звездочет не хотел, потому что был разведчиком, воином лагеря рыбозаводских, сыном партизана.

Ему лишь совестно становилось за Стаса, искавшего при встрече с отцом и сейчас снисхождения для себя в будущем, и не терпелось Звездочету распрощаться с толстым охранником, и Юля, тоже презиравшая охранника, вытурила его наконец:

— Иди, иди, жирный, соблазняй мух на дворе.

И как только вышел Стас, она зашептала Звездочету:

— Послушай, у меня есть такой план — мы их всех проведем! Тебе нужен бело-голубой флаг? Сошьем! А что, не смейся. Голубого атласу у меня хватит, я хотела из него кое-что сделать — ну, не жалко. А белой материи легче всего достать. Я за ночь сошью бело-голубой флаг, поверь, Звездочет!

Не ожидал он такого великодушия от Юли, от нездешней девочки с взрослой прической, и растерянно улыбнулся, а она, поощренная его улыбкой, принялась доказывать, что новый флаг будет вовсе не хуже флага селивановских и что можно бежать назавтра, что она готова бежать с ним, что хотела бы пожить на рыбозаводе, где пирс, и рыбацкие катера, и мережи на колках, и на траве блестят чешуйки, как вечная роса.

Ему непонятно было, как не жалко ей употребить на флаг красивый голубой атлас, из него ведь можно будет сшить коечто, но вот получится флаг, и на груди своей он доставит флаг в лагерь рыбозаводских, там ахать станут и удивляться,

Звездочет тихо погрузился вниз, с открытыми глазами вошел во мрак, разгребая черноту.

трогать руками и размышлять, как бы позорнее обойтись с этим трофейным флагом, а когда наутро в бинокль различат, что на мачте селивановских вновь затрепетало бело-голубое полотнище, он скажет, что второго, запасного флага захватить он пока не успел,— и ребята похлопают его

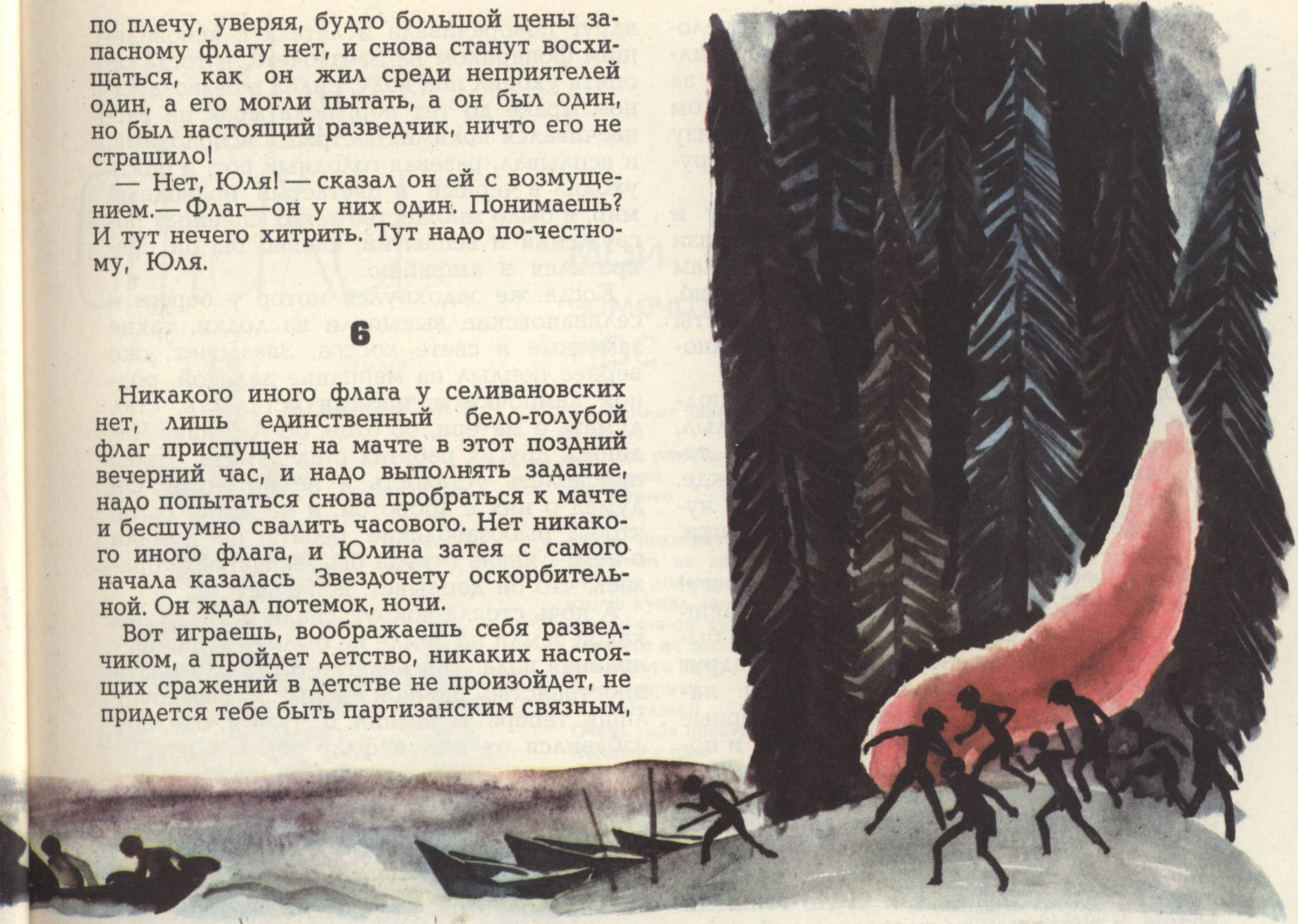
по плечу, уверяя, будто большой цены запасному флагу нет, и снова станут восхищаться, как он жил среди неприятелей один, а его могли пытать, а он был один, но был настоящий разведчик, ничто его не страшило!

— Нет, Юля! — сказал он ей с возмущением.— Флаг—он у них один. Понимаешь? И тут нечего хитрить. Тут надо по-честному, Юля.

6

Никакого иного флага у селивановских нет, лишь единственный бело-голубой флаг приспущен на мачте в этот поздний вечерний час, и надо выполнять задание, надо попытаться снова пробраться к мачте и бесшумно свалить часового. Нет никакого иного флага, и Юлина затея с самого начала казалась Звездочету оскорбительной. Он ждал потемок, ночи.

Вот играешь, воображаешь себя разведчиком, а пройдет детство, никаких настоящих сражений в детстве не произойдет, не придется тебе быть партизанским связным,

и все-таки потом, в далекие, скучные взрослые годы, вспомнится, как шел на рисковое дело, как хотелось выстоять до конца, вытерпеть позор пленения и вернуться в свой лагерь честным, испытанным разведчиком...

Стас по-прежнему охранял его у двери, слышно было, как он ходил у крыльца, окликал кого-то, а бабка Степанида Степановна спала, и Звездочет решил, что самое время исполнять свой план. Он мог бы выйти в дверь, Стас не помыкал бы теперь им, как утром, но можно было выйти и в окно, и вот он, поднявшись с жесткой лавки, осторожно потянулся к окну, распахнул его в огород, в запахи укропа, в стрекот кузнечиков, во тьму.

— Кто там? — настиг его спокойный, недреманный голос Степаниды Степановны, и Звездочет, помедлив, соскользнул с подоконника на пол, смело прошел к двери, потом вернулся и со стола набрал в карманы яблок на дорогу, вышел на крыльцо и сказал охраннику:

— А погодка, Стас, а? Прекрасная погодка! Давай прогуляемся.

— Вдвоем? — спросил Стас.— Вроде нельзя тебе...

— Пустяки. Никуда я не сбегу. Ну куда я сбегу ночью? Айда на берег. Даже можем выкупаться перед сном.

— Не знаю, Звездочет, не имею права...

— А я вот отцу, Викентию Васильевичу, скажу насчет тебя. Так, мол, и так, батя, не притесняй Стаса. Если захочешь вызвать, сначала погляди на него с намеком, и если он возьмется рукой за левую мочку,— значит, не вызывай. Вот будет тебе жизнь!

— Не врешь, Звездочет? — заговорщически шепнул Стас.— Правду говоришь?

— Устрою, Стас. А бежать я мог бы и в окно. Айда!

И они побрели в темноте к берегу, ребят уже не видно было, лишь где-то в стороне перекликались постовые, угас и огонь вечернего костра, остался запах выжженной земли, и так легко было представить, что ты на своем берегу, среди своих,— ведь вот и запахи знакомые, и груда пепла на траве, и те же кусты, вербы, та же ночь... Ах, непереносимо томиться среди неприятелей, надо действовать, действовать, и Звездочет, как бы изменяя прежнему плану, стал доставать и незаметно швырять яблоки в воду, поблизости лодок,

звуки получались полные, как будто человек бултыхался там, у лодок, и вот бросился на эти звуки сторож флага, а вслед за ним и Стас. Звездочет неслышным рывком вмиг оказался у флага, потянул его снизу и, ощутив прохладный ком материи в руке, тут же пустился бежать.

— Держи, ребята! — раздалось сразу и со всех сторон, а Звездочет мчался вблизи воды, ветви лозы хлестали по лицу, рукам и ногам, и мог бы он бежать бесконечно, если бы не знал, что где-то недалеко посты селивановских, а вот на воде нет ни одного поста,— не кинуться ли в воду?

Он вбежал в воду по самые плечи и, подняв трофей над головой, поплыл, поплыл, стараясь не выдавать себя всплеском, тяжелый, в набрякшей чужой одежде. И упорная мысль была избавиться от чужой одежды, от чужих штанов и рубашки, а флаг — флаг нужен, нужен!

Какая суматоха поднялась на берегу! Как будто бежали по берегу не мальчишки, а их голоса бежали, потому что не было их видать, селивановских, но вот вдруг вспыхнул костер — и стали видны наполовину красные, наполовину черные мальчишки. А потом и мотор взревел и понес обозленный стрекот по воде, луч фонарика выстрельнул и зашарил вокруг, но Звездочет плыл вдоль берега, вдоль чужого берега, а селивановские направили моторку в глубь озера.

Он плыл неслышно, как будто гонимый водою, и все никак не удавалось избавиться от чужой одежды, потому что надо было поглядывать за лодкой, за ее беспорядочным кружением. Но вот моторка стала притягиваться к берегу, Звездочет насторожился, не зная, куда ему деться от приближающегося ясного ока фонарика. И когда уже нельзя было дольше оставаться на воде, он тихо погрузился вниз, с открытыми глазами вошел во мрак, разгребая черноту, коснулся дна и решил посидеть там, пожить без воздуха сколько можно.

И вскоре ему представилось, будто он долго брел по огненной пустыне, зной пошатывает его и самым бесценным в этом аду будет глоточек, глоточек, глоточек воды...

7

Но все-таки всплыл Звездочет из непроглядного мрака, стал разевать рот и бесшумно глотать воздух, и постепенно проходил тот подводный мираж, и все утвердилось на прежнем месте: берег селивановских, где все еще вскидывался, гневно пылал костер, и свой, далекий берег, где лампочка под навесом рыбозавода мерцала, подобно крошечному фитильку.

А моторка будила ночное озеро и то уходила на безопасное расстояние, то вдруг поворачивала и летела с ясновидящим фонариком на Звездочета, и тогда он опять уходил под воду, сидел в безвоздушном мраке до тех пор, пока мрак не расцвечивался яркими, пестрыми всполохами, и всплывал, разевая голодный рот, и опять уходил в черный и цветастый подводный мир, и было множество таких спешных погружений и всплытий, словно бы он превратился в амфибию.

Когда же задохнулся мотор у берега и селивановские высыпали из лодки, такие заметные в свете костра, Звездочет уже вернее поплыл на мерцание далекой, родной лампочки и, ощутив усталость, стал думать о матери, об отце, об Антошке Чалине и других ребятах стал думать, чтобы преодолеть усталость и не потонуть. Он думал о них с добротой, и не могло быть, чтобы рыбозаводские ребята не думали о нем,— иначе откуда бы уверенность бралась, что он доплывет, доплывет?

А ночь стояла вокруг, спали рыбы, и никакой земли на Земле не было — вода, бескрайняя вода. Так нелегко было одолевать пространство ночной воды, и Звездочет лишь теперь вспомнил о чужой одежде, избавился от нее, а флаг обвязал вокруг пояса.

Казалось, он вовсе не движется, застыл на поверхности озера, далекая лампочка остается далекой, далекие ребята остаются вдали, и никто не придет на помощь, и не надо об этом думать, не надо поддаваться малодушию. И почему-то подумалось ему о Юле, о том, что утром она что-нибудь натворит на берегу селивановских, стащит их моторную лодку и помчится в сторону рыбозавода,— она ведь тоже отчаянная, городская эта девочка с взрослой прической... Может, она и не попытается скрыться на захваченной лодке; но Звездочету хотелось, чтобы так рискованно поступила она и чтобы можно было улыбнуться ей на своем берегу. Он бы даже ей помог по алгебре, если не хватает она, что получила работу на осень.

А берег свой не приближался, не сокращалось пространство тихой воды, и тогда Звездочет лег на спину, звезды стали смотреть на него, их рассыпанный узор утешал Звездочета. Он плыл на спине, держа свое тело на воде едва заметным покачиванием, океан воды был слитен с звездным океаном, а земли на Земле по-прежнему не было. Что ж, Звездочет вновь ложился на грудь, глядел вперед, и далекая земля мерцала, мерцала, мерцала...

Если же Звездочет изнемогал плыть, то опять обращал лицо к засеянному небу, и, когда он так обращал лицо к звездам, флаг, повязанный вокруг пояса, становился ощутимее телу и, как спасательный круг, берег силы Звездочета. ★

НОВЫЕ СТИХИ

Эмма МОШКОВСКАЯ

*

Зимою холодно платкам,
и меховым воротникам,
и шапкам
тоже холодно,
и шубкам
тоже холодно...
И варежки с перчатками
были бы несчастными,
если бы зимою
их не согревали,
если бы зимою
их не надевали!

ТРАМВАЙ

Нерешительный Трамвай
говорит себе:
— Решай:
ехать или же не ехать?
Если ехать, то — давай.
Ехать!
Или подождать?
Что же делать?
Погадать!
Мне не ехать? Ехать? Или...
Пассажиры
выходили.
— Я поеду!
Не поеду.
Нет, поеду я!
Постой...
Ну зачем же я поеду,
если я совсем пустой?!

МОЙ замечательный НОС

Я ничего не знаю.
И вдруг
мой Нос говорит,
что где-то
и у кого-то
что-то
сейчас подгорит!
Я ничего не знаю.
Это Нос доложил:
кто-то купил апельсины
и во-о-о-о-он туда положил!
Я ничего не знаю.
Я в духоте сижу.
Нос говорит:
— Погуляем!
Очень тебя прошу!
Ходишь с ним
и гуляешь.
Он говорит со мной,
Он говорит:
— А знаешь,
пахнет уже весной!

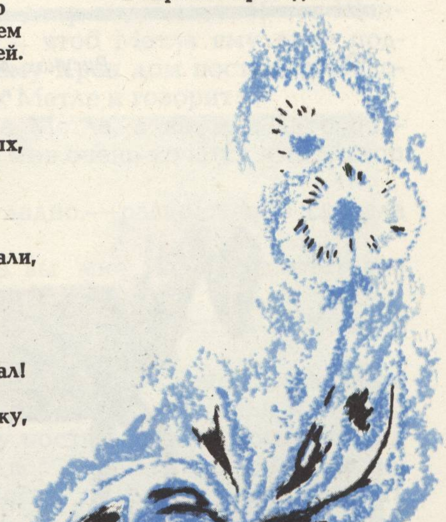
*

Листок из Тетради
однажды исчез...
Листок из Тетради
вырвался в лес!
Он просто умчался в окно
майским днем
с одной Нерешенной Задачей.
Сказал он Задаче:
— Давай мы уйдем!
Я не могу иначе!
И вот среди Листьев Лесных,
Как среди братьев родных,
Листок из Тетради лежал,
и Ветер
Задачу решал.
И Листья шуршали, шуршали,
Решали ее... решали...
И Звезды решали,
и Дождик решал,
и Ежик потом проверять
прибежал!
И взял он Листок в свою
норку,
наверно, ставить пятерку...

ЖУК

Жук
сидел в кармане
на самой глубине.
На глубине,
на самом дне,
и счастлив был вполне.
Темно и тихо было тут,
и тут
сидел он
слаб
и худ...
И вот такого щуплого
Жука
нащупала, нащупала
рука...
И вынула
и кинула
Жука
под облака!
«Конец,—
подумал Жук,—
сейчас раздастся стук!»
Но вдруг
увидел Жук
поля, и лес, и луг!
И оказалось даже,
что он умел летать!
И он воскликнул:
— Боже,
какая благодать!
И загудел он страстно,
он горько загудел:
— Напрасно я, напрасно
в кармане просидел!

Журнал в журнале

КОРАБЛИК

Печатает только тебя

Мечта

Легкий облачный корабль
Плыл по небу синему,
Он на небе оставлял
Дымчатые линии.
Был мечтателен и быстр
Наш кораблик смелый.
На лету он все ловил
Солнечные стрелы.
Мне бы мчаться в этом белом,
В этом быстром корабле!
До чего же захотелось,
Как и он, лететь и мне!
Вдруг растаял мой кораблик,
Превратился в белый пар
И уже пылал на небе
Только солнечный пожар.

Лариса РОЗЕНБЕРГ, 11 лет,
г. Черкассы.

КОНЬ. *Рисунок М. Диверне. 9 лет.*
г. Дижон. Франция.

Грустная слава

РАССКАЗ

Я пишу стихи. Пишу плохо. Но меня хвалят. Пожалуйста, не удивляйтесь, действительно хвалят. Да еще как!

Вот, к примеру, отдыхала я летом в лагере, сочинила там стихотворение, которое начиналось так:

Мы в лагерь приехали,
Здесь мы живем,
Играем, танцуем
И песни поем.

Девчонкам я его показывать не хотела, но они увидели, что я пишу, обступили меня и, подталкивая друг друга локтями, перешептывались:

— Гляди-ка, пишет!.. Свои...

Через некоторое время в лагере был вечер поэзии. Конечно, читались стихи не лагерных поэтов. И вдруг ведущая объявляет:

— А сейчас наша лагерная поэтесса прочтет стихотворение, которое она сочинила совсем недавно.

Признаюсь, я была смущена, но стихотворение прочитала. Все пришли в дикий восторг.

Оказалось, что еще одна девочка пробовала сочинять стихи. Она встала и прочитала такой шедевр:

Стоит диванчик в комнате,
Над ним висит ковер,
В диване есть пружина,
А на ковре узор.

Ее хвалили с не меньшим энтузиазмом, чем меня.

Очень жаль, что часто хвалят за плохие стихи. Мне хочется, чтобы человека хвалили не за то, что он ПИШЕТ, а за то, ЧТО он пишет.

Фая РАЙС, 13 лет,
г. Магнитогорск.

Записка

«Я поехала к тете Ане!
Ключи? — у меня в кармане.
Деньги? — взяла в шкафу.
Тебя сердить не хочу».

Оля АРХАРОВА, 13 лет,
г. Ленинград.

Котенок

Белый маленький котенок
Очень любит спать.
И еще он очень любит
Молоко лакать.

Алла МАНСУРОВА, 10 лет,
г. Наманган.

Морской ветер

Теплый ветер дует с моря—
Он веселый и хороший.
Может он развеять горе.
Разудалый, как Гаврош, он.

Запах моря и селедок
Он приносит к нам
в деревню,
Он приносит запах лодок,
И качает он деревья.

Он приносит запах трубок,
Вертит флюгер он на
крыше.
Вечером он воет в трубах
И свистит тихонько.
Слышишь?

Таня МИХАЙЛОВА, 11 лет,
г. Москва.

Как Щенку построили дом

СКАЗКА

Вот как-то раз родилось у Жучки четыре щенка: два серых и два черных. Один черный Щенок был очень непослушным. И поэтому, как только у него прорезались глазки, он сразу убежал, решив, что он уже большой и самостоятельный.

Ну вот, идет наш Щенок по городу и видит: стоит подъемный Кран. И не так просто стоит, а дом в двенадцать этажей строит. И захотелось Щенку тоже дом заиметь. Подошел к Крану Щенок и говорит:

— Дядя Кран, сделайте, пожалуйста, и мне дом.

— Ладно,— сказал Кран и занялся своими делами.

— А когда вы мне дом построите?— спросил Щенок.

— Если ты мне не будешь мешать, то дом я построю через три дня,— ответил Кран.

— Ладно,— сказал Щенок и пошел своей дорогой.

Шел, шел Щенок и видит: Лопата деревья сажает. И захотелось Щенку заиметь при дворе сад. Подошел Щенок к Лопате и говорит:

— Тетушка Лопата, тетушка Лопата, посадите мне во дворе сад, а то дядя Кран обещал построить дом, а я даже не понимаю, какой может быть дом без сада.

— Ну ладно, так и быть, посажу тебе сад.

— А когда вы мне сад посадите?— спросил Щенок.

— Если ты от меня сейчас отстанешь, то сад я посажу дня через три,— ответила тетушка Лопата.

— Вот хорошо!— сказал Щенок.— Ведь дядя Кран тоже обещал мне через три дня дом построить.

Сказав это, Щенок побежал своей дорогой, прыгая от радости. Бежал, бежал и видит: Метла двор подметает. И тут Щенку захотелось, чтоб Метла ему двор подмела, когда ему Кран дом построит. Подошел Щенок к Метле и говорит:

— Тетушка Метла, а вы мне двор подметете? А то мне очень хочется иметь двор чистый.

— Ладно, ладно,— раздраженно сказала Метла.

— А когда вы мне двор подметете?— спросил Щенок Метлу.

— Через три дня,— ответила Метла, и только тогда ушел Щенок.

Через три дня, как обещали тетушки Метла и Лопата и огромный дядя Кран, наконец Щенку построили дом, посадили сад и подмели двор. Щенок был очень доволен. От радости он забыл даже сказать «спасибо».

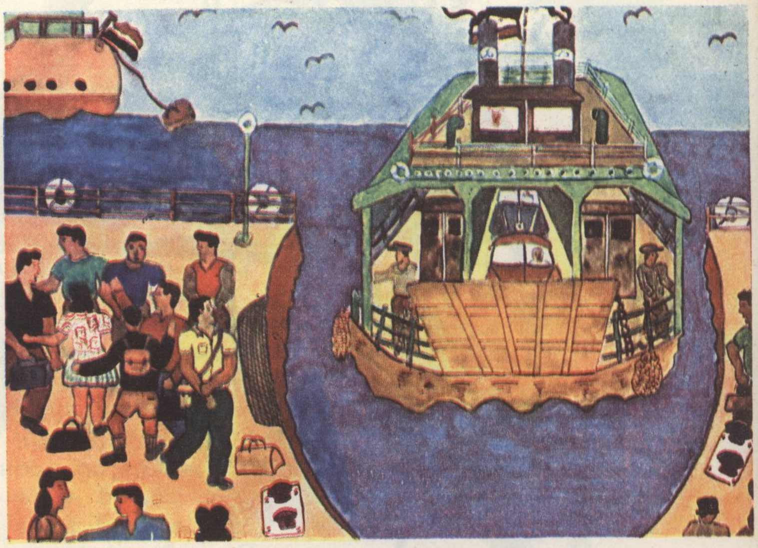
Так Щенку построили дом.

Витя АТРОЩЕНКО, 11 лет,
Якутия, поселок Артык.

*

Ежиха забралась под ель и говорит:
«Когда-то с елочкой мы вровень были.
Вот только не пойму никак —
Или стопталась я,
Или елка вытянулась так?»

Таня МАЛЫГИНА, 15 лет,
деревня Пиренемы,
Архангельской области.

НА ОТДЫХ. *Рисунок Мухаммуда Абди. 9 лет.*
Порт-Саид. ОАР.

БЕСПАРТИЙНЫХ НЕТ!

В один из сумрачных февральских дней сорок четвертого года подводная лодка «С-56», которой я командовал, вышла из Полярного на боевое задание.

Баренцово море встретило нас жестоким зимним штормом.

Февраль здесь самый штормовой месяц. Он и на этот раз словно старается оправдать свою репутацию. Восемь суток подряд ревет буря. Море—как кипящий котел. Ударами волн вдребезги разбиты стекла в ограждении рубки. Смыло за борт ночной прицел. Рулевым-сигнальщикам пришлось привязываться к тумбе перископа. Трудно им наверху, на мостике, в такой шторм.

Ледяные брызги и снежная крупа секут лицо. На одежде ледяной коркой нарастает лед. Так хочется отвернуться, подставить ветру спину, дать отдых глазам! Но нельзя. Сигнальщик даже в такой кромешной тьме не имеет права просмотреть плавающую мину.

Когда наконец погода улучшилась и море стало спокойнее, мы в подводном положении под минными полями приблизились к берегу, на линию неприятельских коммуникаций. Сутки провели в поисках противника. Однако фашистские конвои все не появлялись. А утром нам встретились не те, кого мы искали. Нас обнаружили противолодочные корабли...

Первая серия бомб разорвалась над нами около шести часов утра, через полчаса после того, как мы ушли под воду, чтобы скрыться от предательской иллюминации полярного сияния. И вот уже прошло двенадцать часов, как команда стоит по тревоге в готовности номер один, двенадцать часов под бомбежкой. А ведь в понятие «стоять по тревоге» входит напряженная боевая работа торпедистов, электриков, трюмных, рулевых, акустиков.

Трижды мы пробовали подвсплыть для торпедной атаки. Но видимость плохая, противника в перископ не обнаруживаю. Зато после каждой попытки бомбежка усиливается.

Пытаемся обмануть, сбить с толку преследователей. Пока они нас выслушивают, электромоторы лодки работают самым малым ходом, винты вращаются медленно, почти без шума. Как только сторожевики дают большой ход, устремляясь к нам для новой бомбежки, мы используем их шумы как маскировку: моментально увеличиваем скорость, временами меняем курсы. Игра в жмурки со смертью. И все-таки вражеские корабли не теряют нас.

Чем мы себя демаскируем? Почему не можем оторваться? Соляр и воздух высокого давления за борт не выходят. В этом я убедился, осматривая водную поверхность при всплытии под перископ. На сторожевиках, по-видимому, нет и гидролокаторов. Под импульсами гидролокатора корпус лодки звенит, будто его посыпают дробью или горохом.

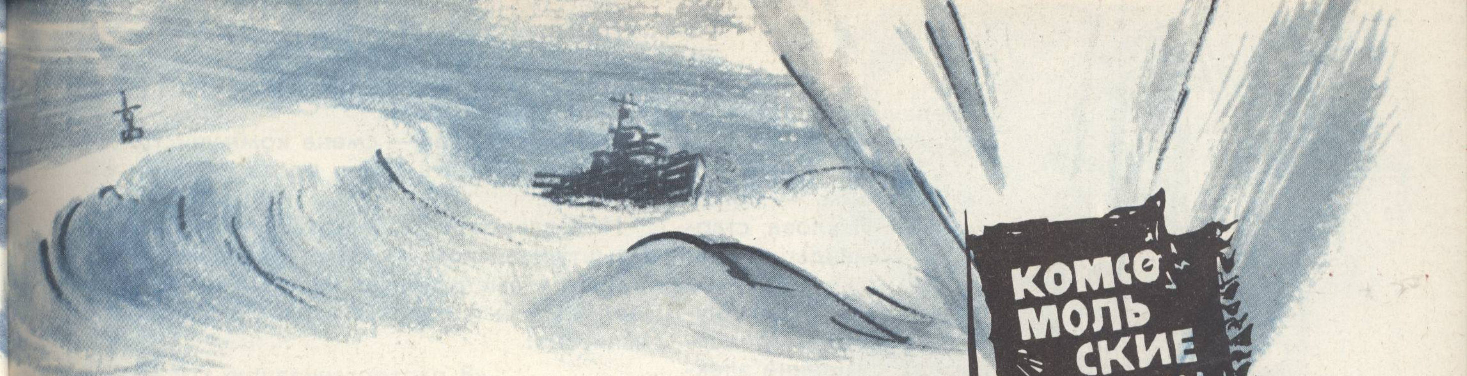
Значит, лодку выдает только шум. Но управление вертикальными и горизонтальными рулями уже переведено на ручное. Помпы и другие механизмы выключены. Остаются два источника шума: винты с вращающими их электромоторами и вентиляторы системы регенерации (восстановления) воздуха.

Смотрю на инженер-механика Шаповалова, он понимает без слов:

— Разрешите, товарищ капитан?

— Да.

— В носу! В корме!

КОМСОМОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ

Герой Советского Союза,
адмирал Г. И. ЩЕДРИН

Рисунок Н. БОРИСОВОЙ

Дождавшись положенных ответов из отсеков, механик отдает команду:

— Выключить машинки регенерации!

Каждому ясно, что это значит для лодки в подводном положении. Человек непрерывно выдыхает углекислоту. Если воздух не очищать, концентрация ее в отсеках начнет расти, и довольно быстро. Примерно на один процент в час. Сперва появляется одышка, слабое головокружение, шум в висках. По мере роста концентрации появляется мышечная слабость. При четырех процентах одышка становится мучительной, руки влажными и холодными, движения затруднены, кровяное давление повышено. При концентрации в шесть процентов человек теряет способность управлять своими действиями.

Все это известно каждому подводнику. Но мы надеемся быстро уйти, а тогда можно будет не только включить регенерацию, но и всплыть и провентилировать лодку.

Действительно, сторожевики начинают нас терять. Бомбы рвутся в стороне, шум винтов затихает. И вдруг доклад акустика:

— Правый борт, курсовой угол тридцать пять градусов — шум винтов миноносцев...

Посыпались бомбы. Началось все сначала.

До полуночи на нас сброшено еще сто двадцать четыре бомбы. Под бомбежкой мы уже восемнадцать часов. Снова и снова меняю курсы, глубину погружения, скорость хода. Прямых попаданий удается избежать, оторваться — нет.

Все тяжелее становится дышать. Мучает одышка, стучит в висках. Свинцом наливается голова. Трудно и совсем не хочется двигаться. Какое-то деревянное равнодушие даже к разрывам бомб—так действует углекислота.

Решаю пройти по отсекам.

Как много, оказывается, нужно сил, чтобы отдраить двери в переборках! За мною идет мичман Ковалев, фельдшер и парторг лодки. Одним оказывает помощь, других подбадривает словом.

Картина, в общем, тяжелая. Не слышно в отсеках шуток, не видно улыбок. У людей на лбу каплями выступил пот, лица красные, дрожат руки. Углекислота!..

Первым потерял сознание матрос Назаров. Ему стало плохо в трюме при осмотре подшипников на линии вала. Потом упали Новиков и Бочанов, тоже при осмотре трюмов. Углекислый газ тяжел, и концентрация его у днища лодки наибольшая. Приказываю всем осматривающим трюмы включаться в легководолазные маски. Такое же распоряжение получает Круглов, несущий вахту в акустической рубке.

Чувствуется, что фашистские корабли нас снова потеряли: беспорядочно рыщут по району, бомбы сбрасывают наугад. Но они все же близко. Дать себя обнаружить — смерти подобно. Запасов электроэнергии осталось немного. Если преследование повторится, лодке его не выдержать. Отдаю приказание высыпать на настил в отсеках известь из патронов регенерации. Это несколько снизит процент углекислоты.

Опять близко взорвалась серия глубинных бомб. Из отсеков поступают доклады, что все в порядке, но доклады какие-то вялые, бесстрастные.

— Углекислоты больше четырех процентов,— говорит мне военфельдшер Ковалев и тут же, переходя с официального тона на доверительный, добавляет:

— Коммунисты держатся, товарищ командир!

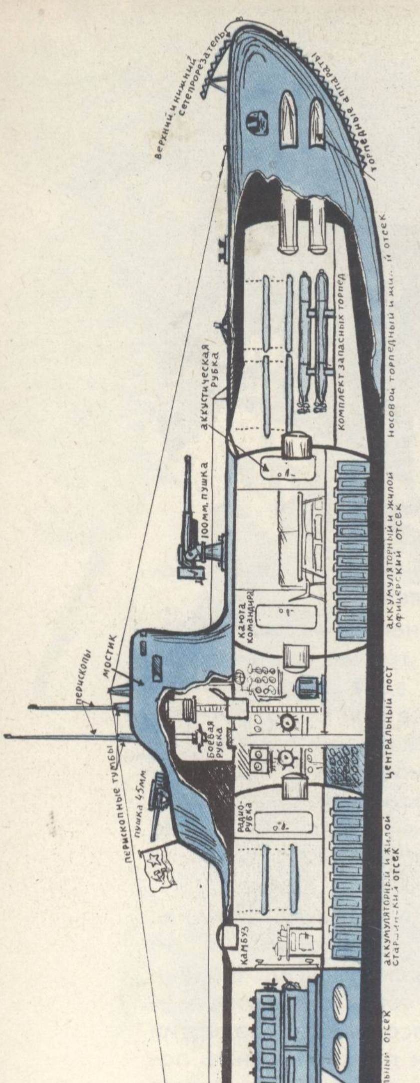
Коммунисты. Вот к кому надо обратиться за поддержкой! Подхожу к переговорным трубам и громко вызываю:

— В носу! В корме!

Стучит кровь в висках, собственный голос кажется чужим, далеким.

Отсеки отвечают безразличными, вялыми «есть».

— Говорит командир корабля. Противник начинает нас терять. Нужно продержаться, не увеличивая шумности. Я знаю, что личный состав устал, выбивается из сил. Разрешаю беспартийным отдохнуть. Коммунистов прошу стоять за себя и за товарищей. Повторяю: коммунистов прошу держаться.

Первым ответил седьмой отсек.

— Беспартийных нет. Вахту стоим. — Голос мичмана Павлова, старшины команды торпедистов, показался мне бодрее, чем был минуту назад. За ним докладывает старшина электриков Боженко:

— Центральный! В шестом стоят по готовности номер один. Вахту несем все. Назаров подает заявление в партию.

— Центральный! Личный состав пятого отсека просит считать всех коммунистами! На вахте будем стоять, сколько потребуется.

Так отсек за отсеком. Боевые посты не оставил ни один человек, не исключая юнги Юры Гладышева, совершающего свой первый боевой поход.

А вот что происходит в центральном посту на моих глазах. Коммунист Игнатьев, старшина отделения рулевых, подошел к приводу носовых горизонтальных рулей, где нес вахту Николаевский:

— Сдавайте вахту. Я заступаю.

— Почему?

— Идите отдыхать.

— Я комсомолец.

— Комсомолец — смена коммунисту. Вот и будете сменять меня, когда немного отдохнете.

Николаевский молча отошел от рулей. На штурманском столике взял лист чистой бумаги и быстро начал писать. Потом подошел ко мне и подал листок. На нем было написано:

«В парторганизацию ПЛ «С-56»
от комсомольца Николаевского.

Заявление.

Прошу принять меня кандидатом в члены Коммунистической партии. Готовлюсь к вступлению давно. Буду примерным воином. Вахту хочу нести вместе с коммунистами.

Николаевский.

28.II.44».

— Товарищ командир! Давно у вас хотел просить рекомендацию. Доверие оправдаю.

С такой же просьбой обратился ко мне и Мамонтов. Обоим рекомендации дал. Написал их тут же, у штурманского стола.

Николаевский подошел к Игнатьеву и сообщил ему, хотя тот отлично сам все видел и слышал:

— В партию заявление подал.

А затем официально:

— Товарищ старшина! Разрешите заступить на вахту у носовых горизонтальных рулей. Глубину держать сорок метров. Управление вручную.

Игнатьев пожал руку подчиненному:

— Заступайте.

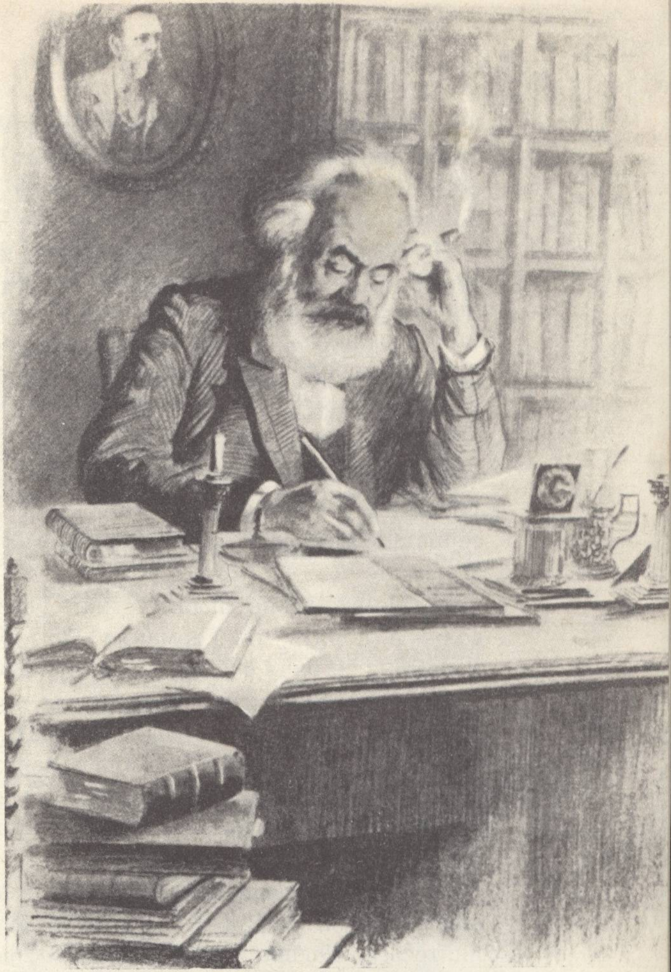
Через шесть часов фашисты, потеряв нас окончательно, ушли к норвежским берегам.

Теперь мы могли всплыть, провентилировать лодку, снова погрузиться, чтобы, отдохнув, продолжать поиск и топить врага.

Схема подводной лодки «С-56» сделана адмиралом Г. И. Щедриным специально для читателей журнала «Пионер».

У перископа «С-56» ее командир Г. И. Щедрин перед торпедной атакой. ▶

Карл Маркс за работой.
Рисунок Н. Жукова.

Н. ГРИГОРЬЕВА

Мы открываем Маркса...

Первое знакомство

Как состоялось мое первое знакомство с Марксом? Стараюсь припомнить. Может быть, на линейке в школьном зале, когда нас принимали в пионеры и на стене висел портрет Карла Маркса? Или позже, в студенческие годы, когда мы ночами просиживали над самой трудной книгой — «Капиталом»? Нет, все-таки не тогда. А именно в школе, в пионерские годы.

Но, чтобы рассказать об этом, придется вспомнить войну, наш 5-й «А», уроки немецкого языка и старенькую учительницу.

Мы учили «Лесного царя» Гёте. В растрепанном учебнике над немецкими были аккуратно расставлены русские слова — плод прилежания предыдущих поколений. Но чужой язык звучал понятнее. Перевод разрушал неведомое очарование мелодии. И звал, звал на помощь жалобный детский голосок: «Майн фатер, майн фатер...».

Да, шла война, и отцы наши бились на фронте, становились героями, гибли от ран. Может, поэтому нам так понятен был зов больного ребенка?

Учительница любила, когда мы декламировали хором. Наперед подсказывая слова, она притопывала в такт ногой, обутой в громадный валенок, а чопорный старик в парике, автор баллады, глядел на все это с картинки из учебника, и ничего не выражало его лицо.

Однажды мы пришли в класс и начали хором: «Вер райтет зо шпет», но голоса Вовки Власова не услышали. Он серьезно смотрел прямо перед собой огромными, в пол-лица глазами и молчал.

Мы знали, что вчера они получили похоронную на отца. Сжав маленькие кулачки — он был самым щуплым в классе, — Вовка заявил, что больше не станет учить немецкий — «принципиально».

Не миновала почтальонша и наш дом. Стыдливо, как бы извиняясь, она подала матери серую бумажку, и по маминому лицу я сразу поняла: отец.

Не сговариваясь, мы всем классом не стали отвечать на уроке немецкого. И тогда Анна Христиановна сказала:

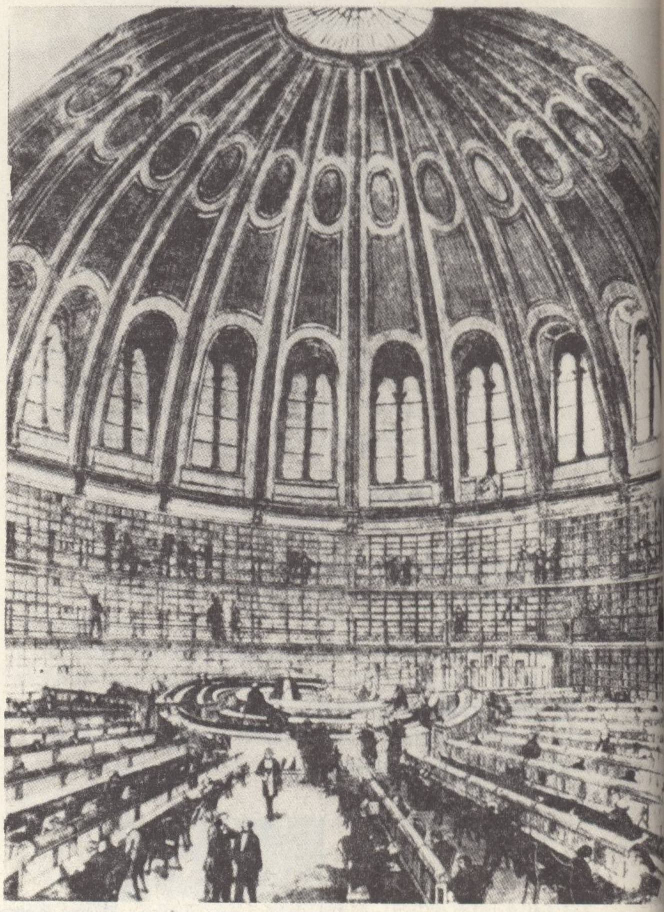
— У меня на фронте убили мужа и сына. Они немцы по национальности, как и я. Но мы **не те** немцы.

Она почти весь урок рассказывала нам о вечной ценности культуры, о революции в Германии и немецком рабочем классе, об интернационализме и солидарности, о Марксе и Тельмане.

— Маркс очень любил стихи Гёте. И вы должны понять, что Германия Гёте, Маркса, Тельмана сегодня с нами — против фашистов.

Так сказала учительница, и мы обрадовались, что можно снова декламировать красивые стихи этого доброго немца в нелепом парике. И по-новому посмотрели на портрет Маркса в том самом зале второго этажа, где нас принимали в пионеры.

Конечно, гораздо позднее мы поймем, что значит лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Только потом узнаем мы науку, в названии которой имя Маркса соседствует с именем Ленина. Но первое знакомство, связанное с гибелью моего отца — русского, отца Вовки — чуваша и немцев — мужа и сына Анны Христиановны, запомнилось навсегда.

Читальный зал Британского музея. Здесь Маркс работал над «Капиталом». Гравюра XIX века.

Если перевернуть бинокль

Вы смотрели когда-нибудь в перевернутый бинокль? В нем все предметы становятся далекими, маленькими, но не теряют четкости. Точно так же, будто в перевернутый бинокль, рассматриваешь макеты зданий или городов. Я думала об этом, когда глядела на макет рабочей комнаты Маркса, выставленный в Музее Маркса и Энгельса в Москве.

Представьте себе просторный светлый кабинет с большим, почти во всю стену окном. Напротив окна — от пола до потолка — шкафы, набитые книгами. Именно набитые: кажется, без системы, без порядка, лишь бы втиснуть массу книг, подшивок, брошюр. А на самом деле? На самом деле тут господствовал порядок, доступный только одному человеку — Марксу. Он сам расставлял книги в такой последовательности, которая нужна была ему для работы. Потому что не признавал книг — предметов роскоши, хвастающих своим переплетом или дорогой бумагой. «Они мои рабы, — говорил Маркс, — и должны служить мне, как я хочу». Книги были его «духовными инструментами» в каждодневной работе за письменным столом. Он с легкостью находил любую в этом кажущемся беспорядке, открывал ее на нужном месте — там, где было отмечено карандашом.

Да, вот за этим столом, заваленным рукописями, брошюрами, рабочими тетрадями с выписками, был закончен «Капитал». Маркс курил сигары, время от времени заглядывал в книги, справлялся с выписками, сделанными в читальне Британского музея, где он занимался. Если надо было обдумать что-нибудь, вставал, прохаживался от камина к окну и обратно, на ковре даже протопталась тропинка. Присаживался к журнальному столику, просматривал свежие газеты. Когда хотелось отдохнуть, ложился на кожаный диван, читал романы Дюма-отца и Вальтера Скотта. Занимался математикой. Здесь же поил чаем молодых революционеров, вел с ними долгие

беседы, объяснял непонятное, радовался, что есть у него последователи. За этим рабочим столом Маркс умер...

Простая обстановка лондонского кабинета: стол, кресло, диван, журнальный столик, шкафы с книгами. Никакой роскоши, ничего лишнего. «Он был одно целое со своей рабочей комнатой», — писал французский социалист Поль Лафарг, муж дочери Маркса — Лауры...

Но теперь нам придется снова перевернуть бинокль, чтобы хоть немного приблизить то время, в которое жил Маркс.

Бой в Сент-Антуанском предместье Парижа в дни революции 1848 года. Литография Дешана.

Революции — локомотивы истории

1848 год. Революционная гроза пронеслась по всем странам Европы. Маркс и Энгельс, авторы «Манифеста Коммунистической партии», предугадали и эту грозу и весь последующий ход событий. Маркс радуется, когда рабочие Берлина выходят на баррикады, приветствует чартистское движение в Англии, читает лекции в кельнском Рабочем союзе, сотрудничает в «Новой Рейнской газете», созданной им вместе с Энгельсом. Его судят «за подстрекательство к мятежу» и высылают из родной страны. Газету закрывают. Но, подобно факелу, грозящему поджечь буржуазное общество, пылают на страницах ее последнего номера, напечатанного красной краской, слова клятвы: отныне главное дело жизни Маркса — освобождение рабочего класса.

Лондон. Незавидна доля политического эмигранта. Приходится терпеть нужду, безденежье, лишения. Но есть счастье в жизни — работа.

Историки и философы, которых изучал Маркс, в сотнях книг не могли дать ответа на вопросы, которые ставила жизнь. Совершенно серьезно они считали, например, что войны возникают из-за плохого характера государей. Может ли история меняться по при-

Арест Маркса в Брюсселе весной 1848 года. Рисунок Н. Жукова.

хоти человека? Маркс уверен, что нет. Не в отдельных личностях дело, а в законах, которые двигают общество. Эти законы от людей не зависят.

Докопаться до них было нелегко. Чтобы их отыскать, вскрыть, «вывернуть наизнанку», надо было не только много знать, но и уметь видеть те процессы, которые скрыто от глаз происходят в общественной жизни.

Марксу это удалось.

Философы до него объясняли мир. Он первый понял, что главное — изменить его к лучшему.

Изменить мир может только один класс — пролетариат, самый угнетаемый, самый нищий. Ему нечего терять, кроме своих цепей. Он и станет могильщиком капитализма, смертный приговор которому подписал Маркс еще в «Манифесте Коммунистической партии». Упорной, тяжелой будет эта борьба за лучший мир. Но «революции — локомотивы истории». Они влекут общество вперед.

Семнадцатилетний Карл написал в гимназическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии»: «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком». Вряд ли он мог думать тогда, что слова эти окажутся пророческими прежде всего по отношению к нему самому. Доктор философии Карл Маркс стал истинно совершенным и великим человеком, потому что он выбрал дорогу борьбы, потому что видел в борьбе за угнетенных и обездоленных свое счастье.

Мавр — отличная лошадь!

Маркс был по природе человеком веселым, обладал чувством юмора, и это привлекало к нему разных людей. Он любил необидные прозвища и был мастером по их изобретению. Все в доме имели прозвища: дочери Женни, Лаура, Элеонора звались не иначе, как Ки-Ки, Какаду, Тусси. Нежно любимая жена, друг, помощница в работе Женни называлась Мэмэ, а няня и экономка, добрый гений семьи Елена Демут, вырастившая детей, — Ним. Энгельсу, который считался членом семьи, потому что был лучшим другом ее на протяжении сорока лет, было дано прозвище Генерал. Самого Маркса звали Мавром — за смуглый цвет лица и густые черные волосы.

Дети были слабостью Мавра. Он не мог ни в чем им отказать. А они рады играть с ним: такого выдумщика было поискать. Он мог разыгрывать настоящие морские сражения в тазу с водой. Пусть корабли были бумажные, баталии проходили по всем правилам морского искусства. Каков же был восторг девочек, когда побежденные кораблики поджигались и с шипением тонули!

Любимой игрой была «кавалерия». Мавр впрягался в повозку из стульев, сажал на плечи младшую, Тусси, и кавалькада с шутками и смехом скакала во весь опор... Если дело было летом, скачки проводились на улице, во время прогулки. Тогда дети седлали Маркса и кого-нибудь из его друзей, мчались вперегонки, и неизменно первым к финишу приходил Мавр. За это он награждался званием «отличная лошадь».

Были и другие прогулки с детьми, о которых ставшие взрослыми Лаура и Элеонора вспоминали с благодарностью. Мавр пересказывал им целые книги, читал наизусть любимых поэтов: Шекспира, Гёте, Гейне. Придумывал сказки. «Еще одну милю сказок», — шутливо просили девочки, и он терпеливо рылся в своей обширной памяти.

Любовь к литературе и языкам, вкус к общественной деятельности — это в дочерях Маркса, ставших пропагандистками его учения, — от постоянного, ненавязчивого, умного воспитания.

*

Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни...

Я повторяю слова Маяковского, проходя по строгим и тихим залам музея. Я будто поднимаюсь со ступеньки на ступеньку. Представляю себе, как молодой Ленин открывает книги Маркса и видит путь России к Октябрю. Представляю, как читает Маркса и Ленина поколение моего отца и социализм в нашей стране становится явью...

Приходит в музей Маркса школьник.

«Помните, что существует еще на земле зло!», — предупреждает его обожженный металл американского самолета, сбитого в небе Вьетнама.

«Боритесь за мир!» — призывает модель памятника жертве Хиросимы — японской девочке Садако Сасаки.

«Рвет цепи рабства черная Африка!» — провозглашают плакаты и фотографии на стене.

Чтобы не было на планете Земля войн и рабства, нищеты и угнетения, мы открываем книги Маркса...

Ганс Рёкле и черт

О том, как Маркс дружил со своими детьми,
как сочинял для них сказки, вы уже знаете.
И вот сейчас рассказ Вильмоса и Ильзе Корн
перенесет вас прямо в семью Маркса,
к его дочерям и маленькому сыну Мушу.
Перенесет как раз в тот момент,
когда девочки, а затем их мать Женни
пересказывают одну из сказок Маркса гостю.
Их гость Джо уже работает.
Это один из тех лондонских фабричных мальчишек,
на защиту которых встали Маркс и Энгельс.

Вильмос и Ильзе КОРН

Рисунки А. БОРИСОВА

Спальня служила одновременно и детской. Между кроватями был втиснут узенький столик. Там за грудой белья сидела Ленхен и штопала. Ки-Ки присела на край кровати и начала:

— Ганс Рекле был игрушечных дел мастером. Он вырезал из дерева всякие игрушки. И так ловко это делал, что с ним никто сравниться не мог. Но он умел не только мастерить игрушки, он был и...

— Машиникусом,— вставил Муш.

Лаура засмеялась. Но Ки-Ки тотчас же поправила брата:

— Механикусом.— И продолжала: — Мастерская Ганса Рекле находилась в самом центре большого города, где жило много бедных людей.

— В Лондоне? — тихо спросил Джо.

— Может быть, и в Лондоне,— немного удивившись, ответила Ки-Ки.— Мы этого не знаем. Ведь это же сказка!

— Ах, сказка! А я-то думал...

— Ганс Рекле жил в глубоком подвале, куда надо было спускаться по длинной лестнице. На решетке у входа сидели две птицы, одну звали Рубин, другую — Сапфир. Они кланялись и говорили «Добро пожаловать», когда к мастеру приходили дети, и «Приходите опять», когда они уходили. Луиза — девушка-швея, и Яков — деревенский парень, иногда помогали Гансу Рекле в работе... Сколько всяких красивых вещиц было у него в подвале! И деревянные человечки, и великаны, и карлики, короли и королевы, мастера и подмастерья, и звери, и птицы... Среди всех этих фигурок сидел черт. Звали его мистером Огненное Копыто. Он умел ворочать глазами и скакать верхом на собственном хвосте. Но больше всех Гансу Рекле нравилась принцесса Вишневый Цветок. Она была как живая.

— Но по-настоящему живыми Ганс Рекле не мог сделать свои игрушки,— прервала рассказчицу Лаура.

— Да,— кивнула головой Ки-Ки и продолжала: — На верстаке рядом с ножом, которым Ганс Рекле вырезал свои фигурки, всегда стоял Петушок Золотой гребешок. Он следил, чтобы мастер не отрезал от колбасы кусочка больше, чем в два пальца шириной...

— Потому что у него никогда не было денег,— пояснил Муш.

— Денег же у него не было потому, что он с бедняков ничего не брал,— сказала Лаура.— А для богачей он не хотел вырезать красивые игрушки.

— Вот почему он никогда не мог уплатить за квартиру хозяину дома...— подсказал еще чей-то голос.

Дети разом обернулись: в дверях стояла Женни Маркс.

— Тебе интересно слушать эту историю? — обратилась она к Джо.— Или ты уже такой большой, что не любишь сказок?

Он мастерил много всяких красивых игрушек и дарил их детям.

— Что вы! Моя сестра тоже рассказывает нам сказки. Вот если бы книжку купить, в которой эта сказка!

— Сказки про Ганса Рекле нет ни в одной книжке,— ответила Лаура.— Ее для нас Мавр сам сочинил. Он рассказывает нам много всяких историй.

— Он их сам придумывает,— гордо добавил Муш.

— Мавр? — Джо вопросительно посмотрел на Женни.

Та поняла его вопрос. Не он первый удивлялся тому, что ее муж сочиняет сказки.

— Да, да,— сказала она.— Еще ребенком Мавр придумывал сказки. Мы ведь знаем друг друга с детства. Вместе росли. А о Гансе Рекле Мавр потому так любит рассказывать, что Ганс хоть и беден, но всегда весел, и еще потому, что он любит детей бедняков и хочет привести их в такую страну, где нет ни голода, ни нужды,— в страну Завтра-и-Послезавтра. Это, конечно, сказочная страна... Но не только сказочная...

— Добро пожаловать, мистер Огненное Копыто!

— У Ганса Рекле была подзорная труба «Куда хочу — туда загляну»,— продолжала сказку Женни Маркс.— И, куда бы он через нее ни заглядывал, он видел все: и что делается за самыми высокими горами, и глубоко-глубоко в недрах гор, и за самыми широкими морями, и глубоко-глубоко на дне морском. Видел он и самое малое и самое великое. Но дорогу в страну Завтра-и-Послезавтра Ганс Рекле еще не нашел.

Он мастерил много всяких красивых игрушек и дарил их детям. И так обеднел в конце концов, что ему уже нечем было платить ни булочнику, ни мяснику.

Тут черт и подумал: «Вот когда я его поймаю». А надо сказать, что вся сила черта заключалась в его кремне «Все спалю, все сожгу». Этим кремнем он мог все сжечь, все уничтожить. Вот почему люди боялись черта.

Однажды он призвал к себе своего любимчика Беса-балбеса и сказал:

— Понимаешь, не боятся меня люди так, как раньше. Что ни день — все новое придумывают. Даже огонь новым способом высекать хотят. Не дьявольским, а электрическим... или как они его там называют. Ганс Рекле трубу себе завел «Куда хочу — туда загляну» и видит через нее дальше, чем я. А какие он вещички мастерит! Вот и пораскинь-ка мозгами, как нам этого Рекле в свои сети поймать.

— Тут, шеф, и чересчур грубо не подойдешь и перетоньшить опасно,— ответил Бес-балбес.— Думаю, его только на смешинке и объедешь.

Черт оседлал свой собственный хвост и въехал на нем прямо в подвал к Гансу Рекле. Там он кремнем «Все спалю, все сожгу» высек одну искру, другую, разбросал вокруг сажу, все вверх дном перевернул. А после этого преспокойно уселся к мастеру на верстак, будто бы он самый безобидный чертик из сказки. Ганс Рекле рассмеялся и сказал:

— Добро пожаловать, мистер Огненное Копыто! Опять на землю прискакали? Чем порадуете?

— Богатством и почестями, мистер Рекле. Золотом и драгоценными камнями, если будешь служить мне.

Но Ганс Рекле ему ответил:

— Трень-брень! Трень-брень! Чертов доход нам не подойдет. Оставь его себе. Вот если бы ты мог сделать так, чтобы все мои игрушки ожили!

Тут черт как пустится скакать на своем хвосте вокруг столба, подпиравшего свод, как надует щеки... Дунул раз, дунул два — и все игрушки ожили. Куклы стали плясать, карета покатилась вверх по стене, а Петушок Золотой гребешок закукарекал: «Кукареку!». Все точь-в-точь, как мечтал Ганс Рекле.

Но черт опять уселся на верстак, закатил глаза и сказал:

— Подпиши контракт! Тогда сам станешь волшебником.

— Не нужно мне твое дьявольское волшебство, мистер Огненное Копыто, а лучше отдай мне свой рог с кремнем «Все спалю, все сожгу». Тогда я подпишу контракт.

Черт испугался. Прикинул так, прикинул эдак, ну и подумал: «А почему бы и не отдать? Ганс Рекле уже старенький, скоро помрет. А когда он помрет, кремень «Все спалю, все сожгу» снова вернется ко мне. И в придачу я получу трубу «Куда хочу — туда загляну» да и остальные распрекрасные вещицы — все, что он тут смастерил». Вот он и сказал Гансу Рекле:

— По рукам! Давай составим параграфы!

Составили. Кремнем «Все спалю, все сожгу» Ганс Рекле теперь может делать все, что пожелает, и столько, сколько пожелает, пока не скажет: «Довольно!» «Это первый параграф»,— начал считать черт. Все, что мастер создает, ему разрешается создавать только один-единственный раз. «Это второй параграф»,— подсчитывал черт. А в третьем параграфе значится: «Когда мастер Рекле скажет «Довольно» и умрет, он тем самым откажется в пользу черта от вечного блаженства, как оно и положено при всяком контракте с дьяволом».

— На это Рекле нельзя соглашаться! — испугался Джо.

Но Женни Маркс возразила:

— О блаженстве после смерти Ганс Рекле не очень-то заботился. Он думал: «Вот если бы мне удалось сделать здесь, на земле, все, что доставляет людям радость, то после смерти мне никакого блаженства не нужно».

Джо, задумавшись, кивнул, а Женни добавила:

— Но в контракте значился еще и четвертый

параграф. Дело в том, что у черта была бабушка. Старенькая-престаренькая. Она только и умела, что болтать вздор, сидя в своем кресле в старинных медных хоромах глубоко под землей. Вот черт и приписал в контракте: «Время от времени из игрушек, которые делает мастер Рекле, черту дозволяется взять одну для своей бабушки».

Когда Ганс Рекле стал подписывать контракт, черт положил свой хвост на верстак и изо всех сил старался, чтобы он от радости не дергался: уж очень черту хотелось обмануть Ганса Рекле.

Но Ганс быстро подписался и тут же сорвал у черта рог с кремнем «Все спалю, все сожгу» и сказал, рассмеявшись:

— Не так-то легко я вам дамся, мистер Огненное Копыто! Никогда вам не услышать от меня словечка: «Довольно»!

А черт прямо на глазах у него растворился в дымке и исчез. Ганс посмотрел ему вслед и так расхохотался, что весь подвал заходил ходуном, вынул кремень из рога и бросил пустой рог вслед черту. Его подхватила летучая мышь и умчалась.

А Ганс Рекле сказал, обращаясь к кремню:

Кремень, кремень «Все спалю»!
Кремень, кремень «Все сожгу»!
Мы тебя переиначим,
Всех чертей с тобой обскачем.

Дьявольский камешек вспыхнул кроваво-красным огнем, изрыгнул пламя, но Ганс Рекле произнес: «Хризантимос!» — и в тот же миг чертов кремень «Все спалю, все сожгу» превратился в волшебный камень «Все закручу, все заверчу». Сияя мягким, ласковым светом, он лежал хрустальным шариком на ладони мастера Рекле. Стоило ему приказать — и принцесса Вишневый Цветок ступила шаг, потом другой и, танцуя, перепрыгнула на полку, оттуда на стол, затем вскочила Гансу на руку. А Петушок Золотой гребешок прокукарекал «Кукареку», клюнул хвостик колбасы и проговорил:

— Никогда не убывай!

Колбаса сразу выросла, и с тех пор, сколько бы от нее ни отрезали, она никогда не убывала.

Гансу Петушок сказал:

— Кукареку! Наедайся досыта!

Ганс Рекле так и сделал. Он наелся досыта, вытер усы и бороду, запер дверь на засов, расправил плечи и проговорил:

— Теперь за работу!

Прошло много-много дней, а подвал все оставался запертым. Подходили к нему Луиза и Яков, стучали-стучали, но никто им не открывал, и они, грустные, уходили.

Как-то вечером Петушок Золотой гребешок подлетел к Гансу, опустился к нему на плечо и спросил:

— Ко-ко-ко! Скажи мне, сколько еще завес осталось перед страной Завтра-и-Послезавтра?

— Теперь уже совсем немного. Помножь семь тысяч на семь и прибавь еще одну.

— Поторапливайся, Ганс Рекле! — сказал ему Петушок. — Луиза шьет день и ночь. У нее уже глаза слипаются. Ее бабушка больна. На полках у них хоть шаром покати.

Прошел еще один день, и снова Петушок прокукарекал:

— Поспешай, Ганс Рекле! Яков хочет уйти. Работы никак не найдет. Уже узелок собирает.

Затем Петушок сунул клюв под крылышко и заснул.

Ровно в полночь в подвале вдруг стало так светло, как никогда до этого не бывало. Петушок испуганно поднял голову и спрашивает:

— Кукареку! Неужели я проспал и на дворе уже утро?

Ганс Рекле рассмеялся, показал на трубу «Куда хочу — туда загляну» и отвечает:

— Это свет из страны Завтра-и-Послезавтра.

И они вместе стали смотреть в страну будущего. Чего они только не увидели! Был там, например, волчок Амарантис. Стоило ему пуститься в пляс, как все больные выздоравливали, слепые прозревали, глухие начинали слышать. В этой стране уже не знали, что такое голод, — ведь там была дудочка «Дождик-лей поскорей». Достаточно было поиграть на дудочке, и тотчас же погода делалась как по заказу. Поэтому поля в этой стране давали по три богатых урожая в год. И еще Петушок и Ганс Рекле увидели в этой стране ларчик с иглой «Шей сама». Игла эта шила столько платьев и туфель, сколько кому надо было.

— Вот такую иглу я сделаю для Луизы, — сказал Ганс Рекле.

Он взял камень «Все закручу, все заверчу» и принялся за работу. Три дня он трудился, а потом позвал птицу Сапфир и велел отнести ларец с иглой Луизе.

С тех пор маленькая швея горя не знала. Игла «Шей сама» все за нее шила. Скоро у бедных детей всей округи было вдоволь и одежды и обуви.

Посмотрел Ганс в трубу «Куда хочу — туда загляну» и увидел, как дети радуются.

— Вот это хорошо! — воскликнул он. — Теперь я смастерю Якову дудочку «Дождик-лей поскорей».

Работа спорилась. Ганс Рекле напевал и насвистывал с утра до ночи и с каждым днем все молодел и молодел: ведь он уже видел, как колосились нивы и на столе бедняков появился белый хлеб.

Прошел еще месяц, и неожиданно в подвал снова вошел черт. На этот раз он был одет франтом.

— Молодой человек, не скажете ли вы, где ваш мастер Рекле? — спросил он, не догадываясь, что сам мастер перед ним: усы и волосы Ганса отливали золотом, как в молодые годы.

— А это я самый и есть! — ответил Ганс Рекле. — Чем могу служить, месье?

— Что случилось? — опешив, спросил черт. — Вы же были глубоким стариком! Или испили живой водицы?

*— Кукареку!
Неужели я
проспал
и на дворе
уже утро?*

— Живой водицы? — рассмеялся Рекле. Он сразу смекнул, кто перед ним.— Может быть, и испил.

— А где вы ее нашли? — стал расспрашивать черт.

— А в стране Завтра-и-Послезавтра.

— Это вы про страну Басен-и-Побасенок, что ли? — переспросил черт с глупым видом: дело в том, что о будущем черт никакого понятия не имел. Он кашлянул и поперхнулся.

— В другой раз зайду,— пробормотал черт и поспешил к выходу.

Перед воротами висела летучая мышь.

— Ты чего тут шпионишь? — набросился черт на нее.

— Меня твоя бабушка прислала! Бабушка велела передать: надо сделать так, чтобы Гансу радость была не в радость и жизнь не в жизнь. Не то он вечно молодым останется.

— Это какая же у него радость? — переспросил черт.

— Его радость — другим радость доставлять,— пропищала мышь и улетела.

— Ишь ты! — буркнул черт.— Стало быть, этот Рекле не пил никакой живой воды! А молодеет оттого, что всяким соплякам подарочки мастерит, вместо того чтобы деньги наживать да богатеть. Не позволю!..

И он тут же превратился в хозяина фабрики, для которого шила Луиза, и подкрался к ее двери. А швея как раз приказывала ларчику с волшебной иглой:

— Живо-живо, начинай! Игла-игла, шей сама!

Черт открыл дверь.

— Игла и ларец мои! — крикнул черт и, прежде чем Луиза опомнилась, забрал ларчик и исчез.

Узнав об этом, Ганс Рекле приказал черту явиться и строго сказал:

— Ты нарушил контракт!

Но черт только ухмыльнулся в ответ, достал свиток и показал на четвертый параграф.

— А что тут написано? Э-э-э! «Время от времени из игрушек, которые делает мастер Рекле, черту дозволяется взять одну для своей бабушки». Ну что ты теперь скажешь?

— Игла «Шей сама» не игрушка! — гневно крикнул Ганс.

— Это ты правильно говоришь. Но ведь у нас в контракте не записано, что игрушка и что не игрушка.

Джо вскочил и прижал кулаки к груди.

— Пусть тогда Рекле смастерит новый ларчик с волшебной иглой для Луизы!

— А этого ему как раз нельзя делать. Ведь в параграфе номер два сказано: «Все, что мастер создает, ему разрешается создавать только один-единственный раз».

— Какой подлый черт! — возмущался Джо.— Пусть тогда Ганс Рекле смастерит какую-нибудь другую волшебную вещь.

— Конечно, смастерит,— сказала Женни.— Но, к сожалению, их все одну за другой может забрать себе черт. Ведь «время от времени» значит всегда, в любое время, когда черту захочется.

Джо всей пятерней взъерошил себе волосы и, растерянно переводя взгляд с одного на другого, спросил:

— А что же дальше?

— Дальше? Дальше мы не знаем,— огорченно ответила Лаура.

Джо был совсем расстроен.

— Как же так? Не может сказка на этом кончаться!

— Она и не кончается на этом,— успокоила его Женни Маркс.— Но мы пока не знаем, что будет дальше, Мавр еще не рассказал нам до конца.

Перевел с немецкого
Вс. РОЗАНОВ

Стихи Душана Радовича

Сангл-бангл-тингл-таг

Дети! Вы слышали о корабле,
самом прекрасном на всей земле?
Этот корабль называется так:
САНГЛБАНГЛТИНГЛТАГ.

В порту, где стоянка больших кораблей,
читайте приказ Министерства морей:
Матросом на борт принимается тот,
кто быстро название произнесет:
САНГЛБАНГЛТИНГЛТАГ.

Ребята! Внимание! Каждый из вас
может попробовать хоть сейчас.
Только учтите,— совсем не пустяк
сказать без запинки
САНГЛБАНГЛТИНГЛТАГ.
Зато кто сумеет быстро сказать
САНГЛБАНГЛТИНГЛТАГ,
может сразу в шлюпку влезать,
может прямо в Африку плыть,
может даже трубку курить
и важничать, как заправский моряк,
на корабле
САНГЛБАНГЛТИНГЛТАГ.

Если семь веселых ребят

Если семь веселых ребят
в семь луж весенних залезть захотят,—
выйдут оттуда
семь поросят.

Если эти семь поросят
залезут потом в семь пекарен подряд,—
семь пекарей белых выйдут назад.

Если семь пекарей смогут зайти
в семь кондитерских по пути,—
семь усатых гвардейцев дверь отворят
и построятся в ряд.

Если семь усатых вояк
на семь чердаков гурьбой поднялись,
усердно облазав каждый чердак,—
семь трубочистов спустятся вниз.

Если семь бабушек чисто-пречисто
вымоют в ванне семь трубочистов,
тут и случится главное чудо —
семь сонных мальчишек выйдут оттуда,
семь сонных мальчишек
в постели нырнут,
устало зевнут
семь
раз
подряд
и заснут.

Лев

Жил да был на свете лев.
Что за лев?
Страшный лев!
Скалил пасть, рассвирепев!
Ой, как страшно!
Ел он — только подавай!
Мог, к примеру, съесть трамвай.
Или облака кусок
проглотить охотно мог.
Ой, как страшно!
Он ходил тремя ногами,
он глядел тремя глазами,
слушал он тремя ушами!
Ой, как страшно!
Зубы острые его
не щадили никого!
Ой, как страшно!
Но однажды,
как ни странно,
льва резинкой стерла Анна...
Ой, как страшно...

Темнота

Ночью так всегда бывает —
ночью тени оживают
и беседы затевают.
Вещи прыгают на полки
и верхом сидят на стуле,
думая, что все уснули.

Только грозный председатель,
круглый черный выключатель,
вдруг промолвит:
— КРАК!
Вдруг рассеет мрак.
И опять на месте брюки,
и опять умолкли звуки,
не слыхать ни ТРРИК,
ни ТРРАК...

...Наступает тишь...
Только дождь стучит по крыше
и скребется мышь...

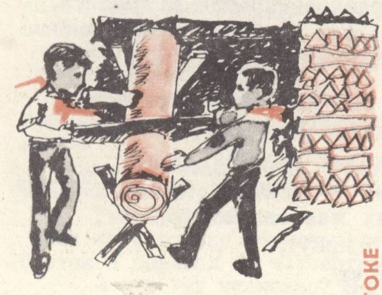
Перевела с сербско-хорватского
Т. МАКАРОВА

Рисунки Б. ЧУПРЫГИНА

Внимание! важное сообщение!

Всем ребятам, кто любит пилить, строгать, мастерить, сообщаем: Совет Министров СССР разрешил промышленным предприятиям передавать школам, домам пионеров, станциям юных техников материалы, которые не нужны уже для производства. Заводы смогут теперь из отходов производства делать детали, слесарные и столярные инструменты, приборы для юных мастеров. Специализированных магазинов станет больше. Желаем вам успеха, юные строители, конструкторы, мастера на все руки!

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Слава и его команда

Однажды утром вышел старый учитель Додин во двор за водой и наколоть дрова. Глядит, а ведра уже полные и дрова наколотые сложены в аккуратную поленницу. На дровах листок из тетради. И на нем написано: «Это сделали Тимур Слава и его команда».

Пошел Додин к своему давнему товарищу, учителю Альчеку. А учитель Альчек показывает ему такой же листок из тетради и говорит: «Вот, нашел его на мешке картошки. Хотел утром копать картошку, а она вся уже в мешки сложена. И в записке сказано: «Это сделали Тимур Слава и его команда».

Живет Тимур Слава и вся его команда в дальневосточном селе Кондон. Понадобится тебе добрый совет, напиши Славе. Запомни адрес: Хабаровский край, село Кондон, школа имени Акима Самара.

В МОЛДАВСКОЙ ССР

Стадион в Рыбнице

Не было в Рыбнице стадиона. А спортсменам из Рыбницкой школы-интерната тесно в школьном зале: негде бегать, негде играть в футбол, негде устроить соревнования. Захотели они сами построить стадион. И увидели, что не смогут. Есть рядом со школой подходящая площадка, но на ней стоят огромные старые, засохшие

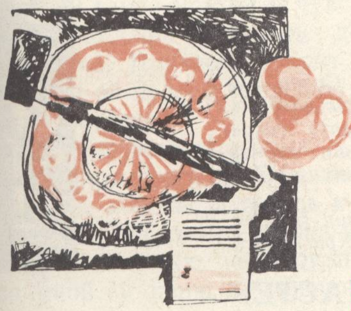
Тише! Идут съемки фильма «Домик над Пахрой». Снимают фильм подольские ребята из киностудии «Светлячок». В фильме они рассказывают о жизни семьи Ульяновых в Подольске, о том, как после сибирской ссылки в Подольск приехал В. И. Ленин...

деревья. Такие деревья вручную не выкорчуешь. Тут нужен бульдозер. А бульдозер где возьмешь!

Пошли ребята к шефам, попросили помощи. Целый месяц вместе со взрослыми строили они стадион. Сделали футбольное поле, беговую дорожку, волейбольную и баскетбольную площадки и, конечно, трибуны для болельщиков.

А недавно на этом стадионе прошли межгородские соревнования по баскетболу среди школьников Молдавской республики.

Так вот: если нет в твоем городе или селе стадиона, вспомни про ребят из города Рыбница...

В ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Старинный топор

Несколько лет назад под городом Валка, на берегу речушки Педеле, ребята нашли изъеденный ржавчиной металлический предмет. Покрутили, повертели его, осмотрели со всех сторон и понесли в школу.

Учительница истории Мирза Репеле сказала, что это топор и ему никак не меньше тысячи лет.

Ребята были поражены. Кто-то вспомнил, что на чердаке его дома лежит старинное литое блюдо. Может быть, тоже историческое!! Кто-то сказал, что на их улице живет человек, который собирает старинные монеты... Однажды на уроке истории пошла по классу из рук в руки пожелтевшая от времени листовка, изданная валкинскими подпольщиками в 1905 году.

И топор, и блюдо, и монеты, и листовка были находками случайными. Но, когда они собрались все вместе, ребятам захотелось еще и еще узнавать историю своего города.

Прошло несколько лет. Теперь в 1-й средней школе города Валка лучший в Латвийской республике школьный краеведческий музей.

Музей имени Веры Волошиной создают ребята из 4-го класса «А» 4-й средней наро-фоминской школы. Музей откроется в дни комсомольского юбилея.

А твой отряд готовит подарок к 50-летию комсомола! Какой!

НА РЯЗАНЩИНЕ

Уникальная библиотека

Есть на Рязанщине поселок Сараи. Знаменит он своей библиотекой. Почти полторы тысячи книг этой библиотеки имеют автографы писателей и общественных деятелей разных стран мира. В Сараи присылают свои книги Шолохов и Твардовский, Корнейчук и Бровка, Лацис и Упит, Долорес Ибаррури и Вальтер Ульбрихт.

Собрали эту библиотеку страстные книголюбы, большие знатоки книг — ребята из села Сараи.

Десять лет работает созданный ими при доме пионеров клуб друзей книги. В клубе устраивают литературные вечера, читательские конференции, выставки недавно вышедших книг.

Теперь в Сараи едут специально, чтобы посмотреть на уникальную библиотеку, познакомиться с ее книгами, поговорить с ее основателями.

Совсем не просто снять собаку, бегущую по следу. Но стоит постараться для товарища, которому так хочется увидеть на фотографии своего пса за работой...
Фото Владика **ОРЕХОВА.** Москва.

Кто быстрее?! Соревнуются ребята из пионерской пожарной команды. Эту команду создали смоленские пожарники. В сосновом бору под Смоленском они учат мальчишек бороться с огнем.

МОЯ ДОРОГА

Дорогая редакция! Я учусь в восьмом классе. Скоро мне придется выбирать профессию. Мне нравится быть парикмахером. Парикмахер ведь почти художник. Он должен сделать такую прическу, чтобы лицо стало красивым. А все наши ребята смеются надо мной, говорят, что это плохая профессия. И я начала колебаться.

Юлия Попова, г. Красноярск.

ЮЛЕ ПОПОВОЙ ОТВЕЧАЕТ МАСТЕР ПАРИКМАХЕРСКОГО ДЕЛА ГАЛИНА АЙВАЗЯН

Когда колеблешься, не знаешь, как поступить, хочется, чтобы кто-то другой, мудрый, взял на себя тяжесть и смелость решения. Иногда это можно. Далеко не всегда. Приходит момент, и ты сам должен во всем разобраться и сам найти ответ на вопрос.

Какой ты выберешь путь, чем станешь заниматься в жизни, — тут ты сама себе хозяйка и судья. Ни я, ни кто другой не вправе сказать категорично: ни о чем не думай, быть парикмахером прекрасно, будь им. Я могу только рассказать тебе, как я работаю, за что люблю свое дело, а ты смотри — подходит ли это тебе, сможешь ли, нравится ли?

Каждый день приходят ко мне женщины. Я должна делать им прически.

— Вот такую, — говорит молоденькая девушка и показывает мне журнал. Со страницы журнала смотрит на меня Софи Лорен. Очаровательная, длинноногая, ни на кого не похожая Софи Лорен.

Перевожу взгляд на свою клиентку. Она тоже по-своему хороша: светлые веселые глаза, нежный румянец... Но рост! Из кресла едва ее видно. И шея коротенькая, и ноги чуть толстоваты... Как сделать ей высокую прическу? Она «задавит» девочку, приземлит ее, а ей, я чувствую, хочется сегодня летать.

На Софи Лорен вечерний туалет, а на моей девочке — измявшаяся за день юбка и простой рабочий свитер... Я понимаю: она только что кончила работу и торопится в клуб или в театр, ей некогда переодеться, но хочется быть модной, красивой, такой, как знаменитая киноактриса.

Я могу сделать ей прическу Софи Лорен, но это будет чужая прическа. Она не украсит девочку, она сделает ее смешной. У меня всего пятнадцать — двадцать минут, пусть полчаса, пока она сидит в моем кресле, и в это короткое время я должна завоевать доверие, убедить, научить и не обидеть. Я уже не просто парикмахер, я — психолог, я — педагог, я — дипломат.

Я мою ей голову и осторожно спрашиваю:

— Когда вы станете снимать свитер, вы не испортите прическу?

— А я уже не буду снимать свитер, — простодушно отвечает девочка.

Я знаю, дорогая моя, что ты не будешь снимать свитер, знаю. Но если я сразу скажу тебе, что к твоему наряду не подходит прическа, о которой ты мечтаешь, ты встанешь на дыбы, заупрямишься. И пока я буду вытирать тебе волосы и накручивать бигуди, я расскажу тебе, как причесывалась Софи Лорен во время работы, как красавица шахиня Ирана попросила меня взглянуть на ее платье, туфли, драгоценности, прежде чем я приступила к ее прическе... Ты должна сама изменить свое решение, я только помогу тебе увидеть себя, понять, что тебе нужно.

И этот разговор и поиски прически — все это хлопотно и долго. Кто-то из клиентов не дождется, сядет к другому мастеру, а у меня план, я заработаю меньше. Но я всегда стараюсь во время работы не думать об этом. И, как ни странно, не было случая, чтобы я не выполнила плана. Клиентки ждут, и после первой встречи приходят ко мне постоянно. Всем нравится внимание, искренняя заинтересованность и хорошая работа.

— Я хотела только к вам, Галя, — доверительно говорит незнакомая пожилая женщина. — Мне нужен добрый совет...

У этой женщины сегодня серебряная свадьба. Ей хочется быть красивой. Не то что красивой — особенной, не такой, как всегда.

Уставшее лицо, измученные волосы на скорую руку стянуты в крошечный пучок — фигу. В такой момент я чувствую себя доктором. Я должна поставить диагноз и сделать операцию. Прическа старит женщину. Отрежу-ка я ей волосы и сделаю скромную изящную укладку.

Это сложная операция. Согласится ли на нее моя клиентка? Всю жизнь она носила длинные волосы, а теперь к старости она обрежет их, не станет ли она уродливой, смешной? Я понимаю, как трудно ей согласиться со мной, и ценю ее доверие. Весь вечер я думаю о ней и утром жду (она обещала зайти). По улыбке я вижу: все в порядке. И в глазах я читаю радость. Ради этого я работаю...

Пятнадцать женщин за смену — пятнадцать улыбок, капризов, настороженных взглядов. Пятнадцать причесок. Для каждой такая, которая украсит ее лицо, гармонирует с ее фигурой, с ее костюмом, подходит к той обстановке, в которой она работает или отдыхает...

В этом моя работа, мои поиски, мое творчество, моя жизнь. И многое, мне думается, зависит не от профессии, а от меня самой. Могу отстоять смену и спешить домой, могу быть художником, мастером.

Может быть, тебе, Юля, приходилось читать рассказы о животных канадского писателя и художника Эрнеста Сетона-Томпсона. Когда-то давно я прочитала и записала его слова. «...Я пошел своей собственной тропой, не зная и не спрашивая никого, была ли это лучшая дорога. Я знал только одно: это была моя дорога». Они очень подходили мне, эти слова, я думала так же.

Теперь пришли ко мне победы на конкурсах, звание мастера парикмахерского дела, кубок и медаль на фестивале в Париже. А начинала я не с похвал и медалей и даже не сразу с причесок. На первых порах я в парикмахерской мыла полы и трясла пеньюары. И не жалею об этом. Надо знать все стороны дела, которое делаешь, и все их любить. И работать, работать, не давая себе поблажек. Мастерство приходит с опытом. Уверенность в себе — со знанием дела.

Евг. ВИНОКУРОВ

ЯЗЫК ПТИЦ

Язык имеют птицы какой-то свой. Пойми,
Нет, собственно, границы меж ними и
людьми.

И жаворонок в дали идет, умно звуча.
Туда, по вертикали, как бы в лапте «свеча».

И в небо, без опаски, — увы, не знаю
слов! —
Голосовые связки уводят соловьев.

Во тьме дремучей чащи ночной клубится
чад,
И, сведущи и зрячи, там филины кричат.

И быль и небылицы болтать привычно им...
Но мы ведь тоже птицы. И мы лететь хотим!
Нас всех — ну кроме, может, каких-нибудь
тупиц —
Тоска по небу гложет еще острей, чем
птиц.

Л. НИКОЛАЕНКО

КАКОЙ Я СЧАСТЛИВЫЙ!

Можно
Деревом родиться,
Лишь при ветре
Шевелиться
И стоять на месте
Сто лет
или двести.
Можно рыбой:
Дом — река,
И бояться рыбака.
Можно птицей,
Пусть синицей;
Можно
Рыжею лисицей,
Можно кошкой,
Даже мышкой
Мог бы я
На свет
родиться.
Я
Родился
Человеком —
Вот какое счастье!

Танцоры из софийского школьного ансамбля готовятся к фестивалю.

В ГОСТЯХ — СТО СТРАН

Корреспондент нашего журнала А. Федотов побывал в Софии и взял интервью у секретаря ЦК комсомола Болгарии ПЕТРА МЛАДЕНОВА. Петр Младенов руководит подготовкой IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

— Добрый день,— сказал наш корреспондент.— Пожалуйста, расскажите, каким будет праздник молодежи в Софии. Вас просят читатели «Пионера»...

— Программа фестиваля такая большая, что коротко о ней не расскажешь,— ответил Петр Младенов.— Тут и торжественное открытие, и шествие с факелами, манифестация против ядерного оружия, и карнавал, конкурс революционных песен, и форум по международной политике, диспуты о правах молодежи, и встреча филателистов, выставки и концерты, спортивные состязания и экскурсии. В день солидарности с героическим народом Вьетнама состоятся митинги, встречи молодых вьетнамцев и американцев. Делегации будут вручать подарки вьетнамским друзьям. Юноши и девушки станут донорами — они отдадут свою кровь для раненых вьетнамских бойцов.

Десять дней, с 28 июля по 6 августа, болгарская столица будет сердцем всей молодой планеты. Здесь соберутся двадцать пять тысяч делегатов и гостей из ста стран!

— Будет ли на фестивале программа для детей?

— Конечно. Ребята разных стран будут участвовать в закладке «Сада международной дружбы» и совершат очень интересное путешествие на теплоходе по Дунаю. В день защиты вьетнамских детей они построятся в колонны, поднимут плакаты протеста, зажгут факелы. Громко зазвучит их призыв: «Свободу и мир детям Вьетнама!»

— Болгарские пионеры уже готовятся к празднику?

— Болгария встретит молодых посланцев планеты радушно, по старому славянскому обычаю: хлебом-солью. Наши пионеры — юные димитровцы — стараются от взрослых не отставать. Они уже делают подарки делегатам, организуют конкурсы, выставки, в том числе выставку рисунков на тему «Я — болгарин». Юные димитровцы из клубов интернациональной дружбы собираются познакомить гостей с успехами нашей родины, красотой ее природы, культурными и историческими памятниками.

Мы уверены, что пионеры и чавдарчата — октябрята — встретят огонь фестиваля букетом прекрасных дел.

Девятый Всемирный

«Как только в Софии поднимется флаг фестиваля,— пишут ребята из маленького городка Банско,— мы со второго этажа нашего дома разбросаем по двору листовки с текстом: «В этот день никто не должен сидеть дома. Все до одного — на праздник!» Потом на эстраде, которую сами построим, покажем концерт, устроим веселые игры, проведем фестивальную лотерею».

Члены школьного фотокружка «Дружба» облазили, кажется, все закоулки Софии.

— Мы готовим альбомы для зарубежных гостей,— объясняют они.— Делегатов из жаркой Африки ждет особый подарок — зимние пейзажи Витоши. Это гора, с которой открывается вид на Софию.

Нет такой дружины в Коларовском районе Софии, где бы не было своего клуба интернациональной дружбы. Откуда только не приходят письма в эти клубы! Из Парижа и Конакри, из Владивостока и Ханоя... Все члены интерклубов увлеченно готовятся к IX фестивалю.

Национальный подготовительный комитет высоко оценил работу ребят. Под торжественные звуки фанфар юным коларовцам недавно было вручено знамя I Всемирного фестиваля молодежи в Праге.

ФАНТОМАС

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунки Г. АЛИМОВА

Посвящаю Коле Прошину.

Вот это картина так картина! Это да! От этой картины можно совсем с ума сойти — точно вам говорю. Ведь если простую картину смотришь, так никакого впечатления. А «Фантомас» — другое дело! Во-первых, тайна! Во-вторых, маска! В-третьих, приключения и драки! И в-четвертых, просто интересно, и все!

И, конечно, все мальчишки, как эту картину посмотрели, все стали играть в Фантомасов. Тут главное — остроумные записки писать и подсовывать в самые неожиданные места. Получается очень здорово. Все, кто такую фантомасовскую записку получает, сразу начинают бояться и дрожать. И даже старухи, которые раньше у подъезда просиживали всю свою сознательную жизнь, сидят все больше дома. Спать ложатся просто с курами. Да оно и понятно, сами подумайте, разве у такой старушки будет хорошее настроение, если она утром прочла у своего почтового ящика такую веселую записочку:

Бириги сваю плету! Она ща как подзарвется.!

Тут уж у самой храброй старушки всякое настроение пропадет, и она сидит целый день на кухне, стережет свою плиту и пять раз в день Мосгаз по телефону вызывает. Это очень смешно. Тут прямо животики надорвешь, когда девчонка из Мосгаза целый день туда-сюда по двору шныряет и все кричит:

— Опять Фантомас разбушевался! У, чтоб вам пропасть!

И тут все ребята пересмеиваются и подмигивают друг другу, и неизвестно откуда с молниеносной быстротой появляются новые фантомасочные записочки, у каждого жильца своя. Например:

Ни выходи ночю на двор. Убью!

Или:

Все про тибя знаш. Боися свайей жены!

А то просто так:

Закажи свои партрет! В белых тапочках.

И хотя это все часто было не смешно и даже просто глупо, все равно у нас во дворе стало как-то потише. Все стали пораньше ложиться спать, а участковый милиционер товарищ Пархомов стал почаще показываться у нас. Он объяснял нам, что наша игра — это игра без всякой цели, без смысла, просто чепуха какая-то, что, наоборот, та игра хороша, где есть людям польза, например, волейбол или городки, потому что «они развивают глазомер и силу удара», а наши записки ничего

не развивают, и никому не нужны, и показывают нашу непроходимую дурость.

— Лучше бы за одеждой своей последили, — говорил товарищ Пархомов. — Вот. Ботинки! — И он показал на Мишкины пыльные ботинки. — Школьник с вечера должен хорошо вычистить их, чтоб утром надевать на свежую голову.

И так продолжалось очень долго, и мы стали понемногу отдыхать от своего Фантомаса и подумали, что теперь уже все! Наигрались! Но не тут-то было! Вдруг у нас разбушевался еще один Фантомас, да как! Просто ужас! А дело в том, что у нас в подъезде живет один старый учитель, он давно на пенсии, он длинный и худющий, все равно как кол из журнала, и палку носит такую же, видно, себе под рост подобрал, к лицу. И мы, конечно, сейчас же его прозвали Кол Единицыч, но потом для скорости стали величать просто Колом.

И вот однажды спускаюсь я с лестницы и вижу на его почтовом ящике рваненькую, кривую записку, читаю:

Кол, А Кол!
Фкалю ф тибе укол!

В этом листке были красным карандашом исправлены все ошибки, и в конце стиха стояла большая красная единица. И аккуратная, четкая приписка:

КОМУ БЫ ТЫ НИ ПИСАЛ, НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ НА ТАКОМ ГРЯЗНОМ, ОБЛЕЗЛОМ ОБРЫВКЕ БУМАГИ.
И ЕЩЕ: СОВЕТУЮ ПОВНИМАТЕЛЬНЕЙ ЗАНЯТЬСЯ ГРАММАТИКОЙ.

Через два дня на двери нашего Кола висел чистый тетрадный листок. На листе коротко и энергично было написано:

Плювал я н Громатику!

Ну, Фантомас проклятый, вот это разбушевался! Хоть еще одну серию начинай снимать. Просто стыд. Одно было приятно: Фантомасова записка была сплошь исчеркана красным карандашом и внизу стояла двойка. Тем же, что и в первый раз, ясным почерком было приписано:

БУМАГА ЗНАЧИТЕЛЬНО ЧИЩЕ. ХВАЛЮ. СОВЕТ: КРОМЕ ЗАУЧИВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРАВИЛ, РАЗВИВАЙ В СЕБЕ ЕЩЕ И ЗРИТЕЛЬНУЮ ПАМЯТЬ, ПАМЯТЬ ГЛАЗА, ТОГДА НЕ БУДЕШЬ ПИСАТЬ «ГРОМАТИКА», ВЕДЬ В ПРОШЛОМ ПИСЬМЕ Я УЖЕ УПОТРЕБИЛ ЭТО СЛОВО. «ГРАМ-МАТИ-КА». НАДО ЗАПОМИНАТЬ.

И так началась у них длинная переписка. Долгое время Фантомас писал нашему Колу чуть не каждый день, но Кол был к нему беспощаден. Кол ставил Фантомасу за самые пустяковые ошибочки свою вечную железную двойку, и конца этому не предвиделось.

Но однажды в классе Раиса Ивановна задала нам проверочный диктант. Трудная была штука. Мы все кряхтели и пыхтели, когда писали диктант. Там были подобраны самые трудные слова со всего света. Например, там под конец было такое выраженьице: «Мы добрались до счастливого конца». Этим выражением все ребята были совсем ошарашены. Я написал: «Мы добрались до шасливого конца», а Петька Горбушкин написал «до шесливого конца», а Соколова Нюра исхитрилась и выдала в свет свежее написание. Она написала: «Мы добрались до щисливыва конца». И Раиса Ивановна сказала:

— Эх вы, горе-писаки, один Миша Слонов написал что-то приличное, а вас всех и видеть не хочу! Идите! Гуляйте! А завтра начнем все сначала.

И мы разошлись по домам. И я чуть не треснул от зависти, когда на следующий день увидел на дверях Кола большой белоснежный лист бумаги и на нем красивую надпись:

Спасибо тебе, Кол! У меня по русскому тройка! Первый раз в жизне. Ура!
Уважающий тебя
Фантомас!

ЖИЛЕТ

Эту фотографию принес в редакцию наш старый друг Дмитрий Диевич Ухтомский. Он рассказал такую историю.

Ночью заставу поднял на ноги сигнал тревоги: кто-то нарушил границу. Человек? Зверь? В горах всякое бывает.

Младший сержант Николаев и его верный помощник овчарка Жилет бросились в густые заросли у подножия отвесных скал. Вскоре собака напала на след. И кто же оказался нарушителем? Дикие кабаны! Сообщив об этом на заставу, пограничник повернул назад.

Он пробирался по обрывистой тропе. Вдруг что-то большое и тяжелое обрушилось с дерева на его плечи. Пограничник услышал глухое рычание. Шею пронзила острая боль. В глазах потемнело... Он рухнул на землю, но... тут же почувствовал облегчение. Верный Жилет вцепился в неведомого врага. Секундная вспышка фонарика осветила разъяренную морду громадного зверя. Это был леопард.

Сержант выстрелил. Леопард в судорогах повалился к его ногам. У Жилета были разорваны плечи и ухо, переломаны ребра. Раненый пограничник с трудом дотащил полумертвого друга до заставы. Там человеку и собаке была тотчас оказана медицинская помощь.

Сержант быстро поправился. Но Жилет был плох, очень плох: раны его никак не заживали. А сержанту пришло время демобилизоваться. Жилета решили списать с военной службы. Но как расстаться с умной собакой, на боевом счету которой больше десятка задержанных диверсантов? И пограничник упросил начальника разрешить ему остаться на заставе сверхсрочно. Надо долечить замечательного пса, он еще послужит Родине!

Сержант добился своего: овчарка Жилет снова бегает, прыгает, четко несет военную службу. Смотрите, какой веселый, смышленый у Жилета вид,— даром что оторвано ухо!

Марина **КАМЕНСКАЯ**

КОНКУРС «ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ» II ТУР

Для тех, кто любит нашу Советскую Армию, кто гордится ее могучей техникой, кто готовится в будущем стать ее рядовым, «ПИОНЕР» продолжает конкурс в честь пятидесятилетия Советской Армии. Девиз конкурса: «Под красной звездой».

НАПОМИНАЕМ: ответить на вопросы легче будет тем, кто в прошлом году познакомился с нашей рубрикой «Только для мальчишек». А кто не читал, может это сделать теперь. Советоваться с книгами, заглядывать в журналы, расспрашивать взрослых, вспоминать фильмы не запрещается. Наоборот, мы этому будем рады.

На своем конверте поставь красную звездочку, а если захочешь,— напиши свой девиз.

1. ОТВЕТЬ:

На снимке — двухместный самолет-истребитель. Для чего нужны такие самолеты и как их называют летчики?

2. УЗНАЙ:

Для чего нужна боцманская дудка?

3. ОТВЕТЬ:

Почему на одном парашюте купол сплошной, а на другом со щелями?

4. УЗНАЙ:

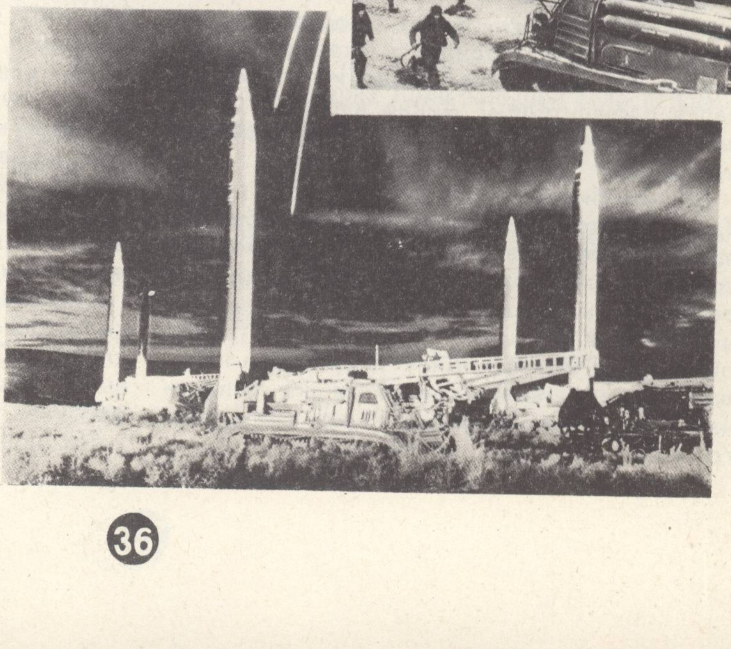
Как стратегический бомбардировщик заправляется горючим в воздухе, не прерывая полета и не снижая высоты?

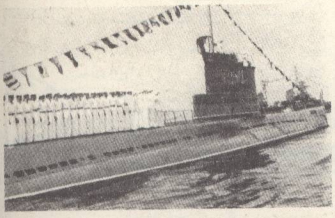

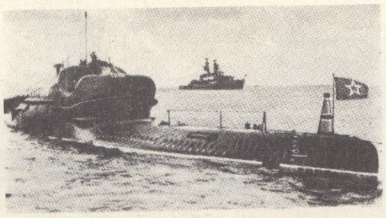

5. УЗНАЙ:

В каком положении находятся ракеты на верхнем снимке и в каком — на нижнем?

6. ВЫЯСНИ:

Какая из этих подводных лодок более современна и чем она отличается?

7. ОПРЕДЕЛИ:

Какой из этих флагов называется «гюйс», какой «вымпел» и какой «Военно-морской флаг СССР»? Когда их поднимают?

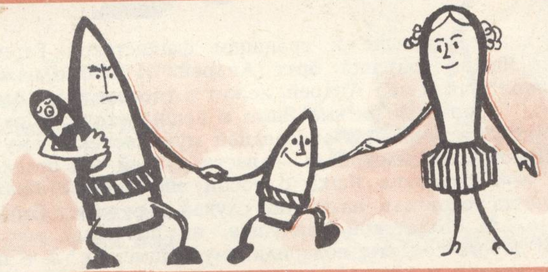

8. СКАЖИ:

Как называется этот памятник, где он установлен?

9. ОТВЕТЬ:

Что такое калибр?

10. НАЗОВИ:

Разные виды сигнализации на флоте. Когда они применяются?

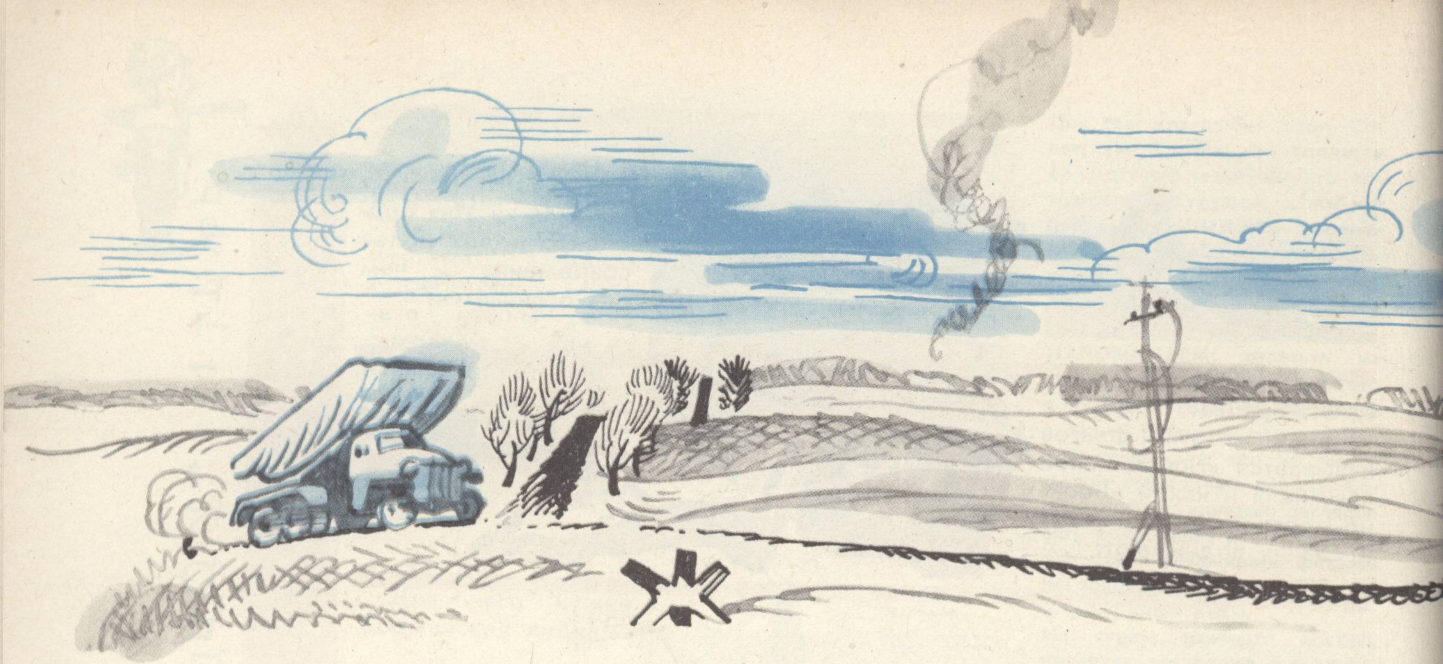

11. ОТВЕТЬ:

Почему на этих самолетах разные опознавательные знаки? Что они означают?

КОНКУРС «ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ» II ТУР

Михаил КОЛОСОВ

Яшкина

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Все дальше к границам фашистской Германии уходит фронт. Воюет где-то и Яшкин старший брат Андрей. И вот однажды пришло письмо. Чужой рукой написано: ранен Андрей, лежит в госпитале во Львове.

Прочитал письмо Яшка и решил ехать к брату. Мать сначала не пускала его, но потом уступила. Из последней муки испекла ему лепешек, у соседей да у родственников денег наскребла — двести рублей — и отдала сыну на дорогу.

Прихватил Яшка с собой еще письмо брата, в котором упоминалась полевая почта госпиталя, на всякий случай взял карту Европы из учебника географии и поехал.

В солдатской теплушке, на попутном грузовике добирался Яшка до Львова. В дороге солдаты подарили ему вещмешок. А в нем целое богатство — складной нож с вилкой и ложкой, книжка «Одиссея», банка тушенки, хлеб, сахар. Наконец-таки Яша добрался до Львова. Да поздно: госпиталь оттуда уже переехал в Ковель. Значит, снова в путь пускаться надо.

Случайно в руки Яши попал пистолет. Что с ним делать? Сдать в комендатуру? Нет, жалко, такая вещь Яшке досталась! Самому пригодится, мало ли что в дороге может случиться...

Ночевал эту ночь Яшка у одной старушки. Там же остановился на ночлег и солдат Шарип.

Утром старушка проводила своих постояльцев. Шарип и Яшка вместе пошли по дороге на Ковель.

В КУЗОВЕ ГРУЗОВИКА

Дальний лес окутан голубой дымкой. Тени от деревьев лежат длинные, земля дышит утренней прохладой. Тихо. Только в небе вызванивает неутомимый жаворонок. Сколько Яшка ни искал его,— не нашел. И вчера не увидел. Казалось, будто это вовсе не птица, а само небо вьет красивую звонкую веревочку из мелодичных звуков.

Шарип бросил на траву вещмешок, сам опрокинулся навзничь, затянул заунывную песню. Слов не понять, но берет она Яшку за душу, наверное, грустью своей, тоской...

— Птичка слушай, а машина смотри. Пойдет машина, голосуй. Легковой не надо, грузовой голосуй,— сказал Шарип и снова запел.

Промчалась мимо машина, обдала Яшку бензиновым дымком и даже ход не притишила. Прошумела, как ветер, и быстро превратилась в маленькую точку.

— Ну,— заметил Шарип.— Почему не остановил? Пустой машина пошел.

— Я поднимал руку, а он... Не заметил, наверное.

одиссея

— Ты букашка-таракашка, да? Почему не заметил? Заметил. Плохой шофер, нехороший человек.— Шарип стал рядом с Яшкой.—Вдвоем будем голосуй.

Вскоре показалась машина, большая, зеленая, издали не понять, чем груженная, будто сена стог везет. Но Яшка на всякий случай поднял руку.

— Зачем? — сказал Шарип.— «Катуша» идет, куда возьмет тебя?

Яшка опустил руку, удивленно посмотрел на Шарипа — не шутит ли он. «Катюша»! Много слышал он об этом грозном оружии, но видеть своими глазами ни разу не пришлось.

Трехосный, тупорылый «студебеккер» с решетками на фарах прошуршал мимо. И ничего не увидел в нем Яшка особенного. Только вместо кузова какая-то угловатая штуковина установлена и брезентом закрыта.

Какое же это орудие, даже ствола нет? Яшка обернулся к Шарипу. Подшутил, наверное, он над ним?

— А правда, что это такое?

— «Катуша», говорил тебе.

— Как же она стреляет?

— Снаряд стреляет. Реактивный снаряд, понимаешь?

Нет, не понимал Яшка.

— Когда у нас еще немцы были,— сказал он,— люди говорили, что на Урале сделали такую «Катюшу», которая на платформе не поместилась и на фронт своим ходом шла. У нее

Рисунки В. ВИНОКУРА

сорок восемь орудий, и все могут стрелять враз — вперед, назад, по сторонам и даже по самолетам. И как пришла она под Сталинград, так фрицы и побежали.

— Бабка сказка! Бабка сказка! — засмеялся Шарип. А потом серьезно сказал: — Вот «Катуша» пошел, понимай? Восемь снарядов сразу стрелят. А то еще есть «Вануша». Снаряд, как человек, во какой, голова болшой-болшой и макушка острый. «Вануша» один снаряд пулят, а «Катуша» — сразу восемь. Вот так, во,— растопырил Шарип пальцы, приладил между мизинцем и безымянным карандаш, затем поднял с земли сухие ветки, подломил по размеру, приладил между остальными пальцами. Ощетинилась рука.— Понимаешь? Это все снаряды. Сверху четыре и снизу четыре. Кнопку электрическую прижал — и па-ашел! Па-алетела! Видно, как летит, огонь сзади, как ракета.

Рассказ Шарипа убедил Яшку. Стал он расспрашивать подробнее: почему «Катюша» называется гвардейским минометом и можно ли ее установить на самолете. И есть ли что-либо подобное у немцев.

— У немца «ишак» есть,— сказал Шарип и тут же очень похоже прокричал по-ишачьи: — ы-и... ы-и... ы-и... Так кричит шестиствольный миномет у фрица, когда стрелят. И самолет-снаряд у фрица есть, без людей летат, и фауст-патрон есть — вот такой труба и вот такая набалдашка-снаряд. Танки бьет.

Обидно стало Яшке, что и у немцев много разного оружия, так обидно, что даже скис он и не стал больше ни о чем расспрашивать.

— Ничего, не бойсь! — похлопал его Шарип по плечу.— Фашистам капут!

Он уже заметил грузовик и вышел на середину шоссе, поднял руку. Грузовик остановился, шофер открыл правую дверцу и, разглядывая Шарипа и Яшку, спросил:

— Куда славяне путь держат?

— Вперед, на запад! — сказал Шарип.—Нам Ковель нужно. Понимаешь, Ковель?

— Садись! Как не понять.

Шарип кивнул Яшке, чтобы тот лез наверх, а сам забрался в кабину. Шофер встал на подножку, заглянул в кузов:

— Ты только, парень, не балуй тут, не вывались, смотри, на ходу! Шапку крепче держи, не слетела б. Подвинь ящик, садись на него.

Уселся Яшка на зеленый ящик, привалился спиной к кабине. Хорошо! Шофер, видать, лихой попался, гонит с ветерком, быстро до Ковеля домчит.

Не вытерпел Яшка, повернул кепку козырьком на затылок, встал на ноги. Вцепившись руками в обшивку кабины, подставил лицо упругому ветру, заулыбался. Хорошо! Далеко все видно.

Лес местами подступал к самой дороге, и тогда Яшке казалось, что машина идет не так уж и быстро, могла бы и пошибче. У него вдруг пропадало желание любоваться природой, и он садился на ящик. И думалось ему в это время о том, какие смелые люди шоферы, не боятся в одиночку ехать через лес, в котором бродят бандиты.

Думал, думал да и задремал. Крепко, видать, задремал, не заметил, как и машина остановилась. Услышал голос шофера:

— Не вывалился ли наш пассажир? Нет, цел пока.

— Уже Ковель, да? — встрепенулся Яшка.

ВОКЗАЛЬНАЯ НОЧЬ

Большой город Ковель, народу много в нем, особенно военных. Не успели Яшка с Шарипом пройти и полквартала, как их остановил патруль. Два солдата с красными повязками на левой руке потребовали у Шарипа документы. Шарип достал свою бумагу и, пока те читали ее, все время втолковывал им, откуда он и куда идет.

— Из госпиталь я, понимаешь? Свой часть иду...

Солдаты вернули справку и пошли дальше. Яшка не выдержал, окликнул патрулей, стал расспрашивать о госпитале, торопливо объясняя, зачем он ему нужен.

— Тут много госпиталей,— сказал один из них, не останавливаясь,— в комендатуре узнай.

Яшка оглянулся на Шарипа — и тот уже далеко ушел. Яшка догнал Шарипа, зашагал рядом.

На вокзале военных еще больше, вот-вот потеряет Яшка в этой сутолоке Шарипа. А того как подменили, мотается взад-вперед, знакомых ищет. Наконец остановился, вытер вспотевший лоб.

— Все чужой, ни один собака из наша часть нет.— Он взглянул на Яшку, улыбнулся, а потом вдруг, поддернув вещмешок, сказал: — Ну, я пошел искать попутный транспорт. Прощевай.— Шарип сжал Яшкино плечо и ушел.

А Яшка остался стоять на месте. Он мешал людям, его толкали, но Яшка не двигался и все смотрел в ту сторону, куда ушел Шарип. Тоскливо и одиноко вдруг сделалось на душе.

Медленно поплелся Яшка по перрону, спустился с платформы и пошел узкой тропинкой. Сожженные и разбитые дома пугали своей пустотой. Тут же валялись кверху колесами обгорелые скелеты немецких вагонов. Робко покрикивали маневровые паровозы, позвякивали буфера.

Яшка только теперь заметил, что наступает ночь. Повернул обратно, к людям.

В деревянном бараке, выстроенном на пустыре вместо разбитого вокзала, было полно народу. Инвалиды, женщины, дети, старики при тусклом свете маленьких лампочек у са-

мого потолка непрерывно суетились. Над ними висел густой, тяжелый табачный дым.

Высмотрел Яшка свободное местечко у самой стены, стал пробираться. Переступая через лежащих на полу, он наступил кому-то на ногу. На него заворчали:

— Шпана еще тут разная шныряет... Погибели на вас нету...

Добрался до заветного местечка, сел, привалившись спиной к стенке, обнял свой вещмешок. Напротив него на узле сидит молодая женщина с ребенком, подозрительно косится на Яшку. Яшка отвернулся, но все время чувствовал, что женщина не спускает с него глаз. «За жулика, наверное, принимает»,— подумал Яшка. Чтобы не видеть и не беспокоить женщину, Яшка ткнулся лбом в вещмешок, сделал вид, что ему хочется спать и ни до кого нет дела.

Невольно прислушался к разговору справа. Ворчливо жаловалась соседка старуха:

— Ишо придумали — санпропускник какой-то. «Иди, бабка, и все, не дадим билет,—говорит,—без справки». Ой, боже ж мой, что за напасть!.. Иде тот пропускник, и што оно такое? Показала мне одна гражданка и посоветовала: «Вы суньте пятерку, вам справку и дадут». «Иде ж мне пятерок набраться?»—думаю. Ну иду. Сидит там девушка, я к ней, даю ей троячку: «Мне справочку...» Она взяла деньги, а мне два рубля сдачи и талончик. «Женское отделение — налево»,— сказала. И так строго поглядела на меня. Ну, делать нечего, пошла. Отобрали у меня одежу, унесли, а мне дали номерок и тазик: «Иди, бабка, мойся». Помылась, ничего. Несут одежу, а она как есть вся горячая, даже с подпалинами кой-где. «И што,— думаю,— спортили одежу. Издеваются над людьми, да и только».

— Э, старая, по-глупому ворчишь,— отозвался мужской голос.

Женщины притихли, а тот продолжал:

— Для вас же стараются. Нет чтобы спасибо сказать, недовольство проявляют.

— За что же спасибо? — удивилась старуха.— Если б они накормили досыта.

— «Накормили!» — передразнил мужчина.— А то подумала: такая война прокатилась в один конец и в другой, такая разруха, голод, можно сказать, а эпидемий — ни тебе тифа, ни холеры, ни чумы какой-нибудь не было? Почему? А ведь они, эти эпидемии, так и косили бы народ.

Валялись кверху колесами обгорелые скелеты немецких вагонов. Покрикивали маневровые паровозы.

— Что правда, то правда, эпидемиев не было,— согласилась старушка.— В царскую войну, помню, не то, так то приключится.

— Вот то-то! А ты «накормили»!

Вскользь затронутый разговор о еде напомнил Яшке, что он уже давно не ел. Сразу вдруг засосало под ложечкой, вкусно запахло хлебом. Неудобно было располагаться тут с едой, но посмотрел вокруг — кто хотел, все ели без стеснения. Достал и он банку, приставил нож, ударил сверху кулаком, пробил жесть. Шибануло

в нос тушенкой, глотнул слюну, улыбнулся от удовольствия. Шварк, шварк...— обрезал крышку по кругу до половины, отвернул осторожно, чтобы не поранить пальцы, поставил возле ноги на пол. Потом откромсал скибку хлеба и, доставая вилкой кусочки мяса, принялся есть. Хорошо ему: хлеб, консервы, а главное, нож: тут тебе и вилка и ложка. Жаль, из понимающих никто не смотрит. Одна девчонка таращит глаза. Да что она смыслит, ей бы куклу.

— Мам, есть хочется...— проговорила девочка.

— Молчи, глупая. Стыдно так...

— Есть хочется...

Яшка перестал жевать. Вовсе не на нож, а на хлеб глядела девочка голодными глазками. И тогда Яшка подцепил на вилку сколько смог мяса из банки, положил его на хлеб, подал ей. Та схватила и тут же стала есть, не спуская с Яшки своих больших черных глаз.

— Глупая... Спасибо хоть скажи дяде.

— Спасибо,— прошептала девочка.

Отрезал Яшка еще скибку, намазал тушенкой, протянул матери.

— Не надо,— сказала она быстро.— Разве всех накормите? Вам не останется...

— Берите, банка большая,— стукнул Яшка вилкой по банке.

— Ну спасибо.

Угостил Яшка людей, и будто сам богаче стал. Почувствовал он себя сразу взрослым и сильным. И то, что его называли на «вы», тоже было приятно, хоть и непривычно.

— Вы далеко едете? — спросила женщина.

— В Ковель приехал. Брат раненый в госпитале лежит.

— Виделись?

— Нет. Только приехал. Еще госпиталь надо найти. А вы?

— Домой пробираемся. Немцы в Германию угоняли, а по дороге я заболела. Они и выбросили меня в кювет. Люди подобрали, выходили.

— И девочка? — удивился Яшка.

— Нет. Дочку я себе недавно нашла,— сказала она, заглядывая ребенку в глаза.— Папка и мамка у нее погибли.

— Их фашисты застрелили и хату спалили,— сказала девочка.

Поговорили. И стало после этого как-то уютнее. Подложил Яшка под голову котомку, свернулся калачиком, быстро уснул.

И приснился Яшке сон. Даже и не сон вовсе, а просто явственно привиделось, как они с матерью ходили за хлебом, менять.

Холодной, вьюжной зимой разбудила она его на рассвете. Вещи были собраны и увязаны еще с вечера. Из харчей они смогли взять только несколько вареных свеколин да картошек. Хлеба не было совсем.

Андрей оставался дома, его брать в дорогу нельзя: немцы таких уже взрослых парней вылавливали и угоняли либо на постройку дорог, либо еще куда-нибудь, а то и в самую Германию.

— Вставай, сыночек...

Не хотелось Яшке вставать, и все же поднялся, быстро оделся. Поверх шапки мать повязала его своим платком. Он вертел головой—стыдно и неудобно, но мать настояла на своем:

— Никто тебя не увидит... Да и не перед кем совеститься, кому ты нужен, у каждого свое горе.

Ледяной ветер обхватил ноги, забрался снизу под пальто в рукава. Яшка вздрогнул, пробежался, пообвык немного—и вроде ничего. Поскрипывал снег под ногами, под полозьями санок. Шаг за шагом скрылся дом, потом улица, а потом и Васильевка растаяла в предутреннем мареве. Когда рассвело, они были уже далеко в поле. И вдруг увидел Яшка, как на большую дорогу со всех концов стекаются черные цепочки людей. Голод поднял их с мест, и идут они из городов, с рудников, с заводских поселков; кто тащит за собой санки, кто несет на спине свои пожитки, и все идут в деревню за хлебом.

Теперь уже Яшка с матерью не одни на дороге. Сзади, спереди — кругом люди, идут, торопятся. Одни обгоняют их, других они опережают. Будто даже и весело идти наперегонки. Только никто не веселится, все суровые, молчаливые. А когда увидел Яшка на обочине мертвого старика, тоже сник. Страшно сделалось, уставать стал. Где под низок, мать сажала его на санки и везла, а на горку он впрягался вместе с матерью, помогал ей.

К вечеру прибились к заброшенной ферме, зашли в коровник. А там уже народу битком — ни встать, ни сесть. Но делать нечего, не оставаться же на улице. Пробрались вглубь, расступились добрые люди, дали местечко, присели. Ноги ломит — не знает Яшка, куда их деть. Пожаловался матери. А что она может сделать?

— Тише, сыночек, тише...

— Ты положи их на санки, вверх подними,— посоветовал сосед старичок.— Пусть кровь отхлынет...

Послушался Яшка старика, выставил ноги вверх, как оглобли, и правда, легче стало, только холод гуляет по ногам, спрятать бы их, да некуда, повернуться невозможно, людей побеспокоишь.

Откуда-то взялись немцы, стали выгонять: коровник им нужен лошадей поставить. Повыгнали всех на улицу. И тут не стерпел Яшка, подскочил к самому главному офицеру — длинному, тощему и с челкой на лбу, как у Гитлера, выхватил пистолет, закричал:

— Убью гада! — и выстрелил.

А тот стоит и улыбается, ничего ему не сделалось.

Подскочили солдаты, схватили Яшку и бросили в пропасть.

Летит Яшка и кричит:

— Ма-а-ма!..

— Тише, сыночек, тише...

...Очнулся Яшка от страха и собственного

крика, продрал глаза. Штанины его задрались вверх, и по ногам гуляет холодный ветер.

— Тише, сыночек,— сказала ему старушка, которая вечером сетовала на порядки с санпропускником.— Страшный сон приснился, маму вспомнил... Ты перевернись, сынок, ляг поудобнее.

Но Яшка уснуть больше не смог.

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Провалялся Яшка, пока рассвело, делать нечего, не дома, поднялся, пошел, хоть и знал, что рано еще стучаться в двери разных начальников и спрашивать о госпитале. Вышел из барака, вошел в другой. Этот оказался для военных, большинство — офицеры. Они будто и не спали вовсе, сновали взад-вперед. На Яшку никто не обратил внимания, и он пробрался в самую глубину. Увидел офицера,— он сидел на чемодане, писал письмо. Подошел Яшка поближе. Ему бы листок бумаги, матери письмо

Яшка положил лист бумаги на обложку, приготовился писать да и задумался.

написал бы. Небось, беспокоится там, себя ругает, что отпустила.

— Товарищ капитан, у вас не найдется лишний листик бумаги? — осмелел Яшка.— Маме письмо написать не на чем.

— Маму вспомнил,— поднял голову капитан.— А ты зачем же удрал от нее? Небось, на фронт пробираешься? — сощурил он хитро глаза: мол, я все знаю, меня не обманешь.

— Не удирал я... К брату приехал,— сказал Яшка.— В госпитале он, раненый.

— А-а...— протянул капитан и зачем-то подпер языком щеку, она вздулась, словно флюс вскочил. И тут же взял полевую сумку, вытащил ремешок из застежки, достал розовый листок.— Возьми.

Поблагодарил Яшка капитана и отошел в сторонку. Извлек из мешка «Одиссею», стряхнул с нее хлебные крошки и не удержался — открыл первую страницу.

«Все остальные в то время, избегнув
погибели близкой,
Были уж дома, равно и войны избежавши
и моря.
Только его, по жене и отчизне болевшего
сердцем,
Нимфа — царица Калипсо, богиня в
богинях, держала
В гроте глубоком...»

Слова трудно связывались в предложения, туго смысл их доходил до Яшкиного сознания, но сразу понял он, что книжка интересная. «Видать, военная, приключенческая»,— определил он и, отвернув еще несколько страниц, прочитал:

«Там очутились они, и погибели еле
избегли
Люди, а все корабли о подводные камни
разбиты
Были волнами. Другие же пять кораблей
синеносых
К самому пригнаны были Египту...»

Закрыл Яшка книжку, упрекнул себя: сколько носит с собой, а ни разу не заглянул. Вот напишет письмо, пристроится где-нибудь и почитает.

Положил лист бумаги на обложку, приготовился писать да и задумался.

Много надо написать, а листок маленький. «Напишу покороче, о самом главном». И он вывел на верхней строчке:

«Здравствуй, мама!»

И как написал эти два слова, дело сразу пошло живее:

«Пишу аж из Ковеля. Госпиталя пока не нашел, его уже куда-то перегнали на другое место. Обо мне не беспокойся. Найду братушку, так и приеду».

Ну вот и все описал, а места вон сколько

осталось. Что бы еще ей такое сообщить? И Яшка приписал:

«Бумагу мне дал один капитан. А люди кругом...»

Карандаш дрогнул, и Яшка повел глазами, словно забыл, о чем хотел написать. Вспомнилась тетка, которая не пустила его переночевать, поморщился, махнул рукой и решительно закончил:

«...хорошие.

До свиданье. Я. И. Воробьев».

Перечитал, остался доволен. Подумал и на всякий случай длинной черточкой присоединил «до» к слову «свиданье». Провел языком по шершавому краешку бумаги, заклеил и пошел искать почтовый ящик. Опустил — и будто гора с плеч, будто только что встретился с матерью, поговорил с ней, и теперь с новыми силами — на поиски брата.

Целый день бродил Яшка по городу, искал госпиталь. Ничего не нашел. Присел на скамейку в больничном садике, доел остатки консервов, банку забросил в кусты. Вещмешок сразу отощал. Удивился Яшка, как быстро тают продукты. Пока его кормили добрые люди, казалось, сумка никогда не опустеет и о еде он не беспокоился. Но вот прошло всего два дня, и все быстро подобралось. Однако для беспокойства пока не было причин: у него еще лежат под подкладкой нетронутыми денежки, собранные матерью на дорогу.

«ПАВЕЛ БРУЛЛЕ»

Третий день живет Яшка в городе, третий день шатается по улицам и окраинам — ищет госпиталь. Нет нигде такого, и никто не знает, был ли он здесь. В комендатуре, которую Яшка разыскал, тоже ничего определенного не могли сказать. Разговор там был короткий: нет — и все. Не поверил Яшка, рыскал по госпиталям, заводил разговоры с ранеными,— ничего не добился.

Вещмешок совсем опустел. Лежала в нем только книга да в черной кобуре пистолет. И носил теперь Яшка свой мешок не через плечо, а под мышкой. От неудачи и голода хотелось завыть. Что делать дальше? Возвращаться домой ни с чем не хочется...

Поплелся на рынок. «Куплю хлеба, а там видно будет — то ли домой, то ли еще куда...»

Рынок встретил Яшку оглушительным гамом самой распестрой толпы. На развалинах дома, на куче битого кирпича толпились люди, заглядывали друг через дружку, высматривали что-то интересное. Одни тут же отходили, а другие прилипали надолго. Слышались выкрики, смех. Направился Яшка в самую гущу. Пробрался и увидел фанерный ящик, а рядом с ним на таком же ящике сидел краснолицый парень в вылинявшей гимнастерке, заправленной в военные брюки. Культя левой ноги, закрытая подвернутой штаниной, торчала в сторону. Тут же, прислоненные к здоровой ноге, стояли два костыля.

— Давай навались, у кого деньги завелись! — прокричал он и бросил на фанеру колоду карт.— Кто смел — тот два съел. Трус в карты не играет. Красные выигрывают, черные проигрывают. Ну, кто?

Парень обвел мутными глазами собравшихся.

— Кто желает счастья испытать, пр-рашу к нашему шалашу.

Из толпы пробрался одноглазый мужичонка, тоненьким голоском пропищал:

— Эх, была не была! Где наша не пропадала! — бросил на ящик десятку.

Толпа оживилась, круг стал теснее, раздались подбадривающие голоса.

Парень взял карты, быстро бросил влево-вправо, проговорил спокойно:

— Твоя. Забирай.

— Ага! — оживился одноглазый.— Еще на десятку!

— Твоя. Забирай.

— Ага! Нас не проведешь! Еще на десятку!

— Моя.

Кругом засмеялись. Одноглазый скис, подергал бровями и решительно выбросил десятку.

— Еще раз!

— Твоя.

— Ага! Я вас понял! — торжествуя, закричал он.— На сотню! — Одноглазый вошел в азарт

Все ахнули. А парень спокойно сказал:

— Деньги на кон.

— И ты!

На фанеру вылетели две сотенных. Круг стал еще теснее, разговоры прекратились, все напряженно ждали. На этот раз безногий бросал карты медленно и вдруг швырнул с досады всю колоду на ящик.

— Твоя.

— Вот так-то! — Одноглазый сгреб деньги и скрылся в толпе.

— Следующий! — проговорил инвалид, собирая карты.

Возле Яшки стоял паренек в ремесленной форме. Глаза у него горели, он чуть не валился на ящик, когда безногий выбрасывал последнюю карту. Он вытащил десятку:

— Давай!

Повторилась та же история, что и в первый раз. Но когда подошел момент сделать большую ставку, ремесленник заколебался. И тут, откуда ни возьмись, вынырнул одноглазый, оттолкнул Яшку.

— Ставь, дружок! Сколько есть, ставь на все! Верный выигрыш! И вот моя сотня! Принимай в компанию. Ну?

Ремесленник полез в карман, вытащил две десятки, красную тридцатку, несколько бумажек по рублю и хлебную карточку.

— Ставь карточку! — подбадривали окружающие.

Но ремесленник сунул карточку опять в карман, а деньги положил на ящик.

— Давай!

Инвалид стал совсем медленно раскладывать карты. Ремесленник напряженно следил за руками безногого и за картами. И вдруг:

— Моя! Ваших нет, — сказал безногий.

Ремесленник как стоял, так и остолбенел. Лицо его побледнело, руки дрожали. Кругом громко смеялись. Яшке стало жаль паренька.

— Опять за свое! И як же тебе не соромно, Иване? — услышал Яшка громкий голос и обернулся. Позади в синей шинели стоял милиционер.

— Стыд не дым, глаза не выест! — прокричал из толпы одноглазый.

— От сказав, — проговорил милиционер. — Кого ты обманываешь, Иване? — протиснулся милиционер поближе к инвалиду.

— Шо ты из меня душу выймаешь! — закричал в истерике безногий, хватаясь за костыли. — Я воевал!

— А я? — спокойно сказал милиционер. — А я не там был? — Он поднял и опустил пустой рукав шинели. — Ну? Соромно за тебя. Шо ж мы, за это вот воевали?

— Не лезь, — сказал инвалид, но уже без злости. — Ладно, — и бросил вверх карты. Мальчишки бросились их собирать. — Все. Завязал.

— Сколько раз ты уж такой фейерверк устраивал, — махнул рукой милиционер.

— Сказал — все, значит, все. Я пошел. — Инвалид подхватил костыли, оперся на них, хотел идти, но тут встретился глазами с ремесленником. Сунул руку в карман, вытащил измятые деньги, выбрал из них красную тридцатку, потом подумал и отделил еще десятку. — На, пацан, да не играй больше. Петро, идем.

— Кто желает счастья испытать,
пр-рашу к нашему шалашу!

На его зов из толпы вынырнул одноглазый, и они ушли.

«Вот жулики! — раскрыл Яшка рот. — Они, оказывается, заодно! Хорошо, я не стал играть...»

Яшка поплелся по базару.

— Есть иголки!

— Кому чоботы? Кому чоботы?

— Картошка, картошка! Есть картошка!

— Портсигар из чистого серебра!

Яшка пробирался сквозь толпу. Кто-то задел его полой кожаного пальто — примерял, кто-то наступил на ногу, кто-то совал ему бритву, предлагал купить. А ему ни к чему все это барахло, найти бы, где продуктами торгуют. Увидел наконец, обрадовался. Круглолицая, с подкрашенными губами, в цветастом платке женщина держала «кирпичик» хлеба.

— Почем хлеб, тетя? — робко спросил Яшка.

— По деньгам, племянничек.

Хотел обидеться Яшка, но мало ли какие люди бывают, может, она шутница, проговорил:

— Я взаправду спрашиваю.

Но торговка почему-то озлилась, закричала на весь базар:

— А ну проваливай дальше! Тоже мне покупатель нашелся! Видали мы таких, жулье проклятое!..

Сгорая от стыда и бормоча что-то в оправдание, Яшка отошел. Но торговка не успокаивалась.

— Ишь, сразу смылся!..

«Глупая тетка,— ворчал Яшка про себя,— не видела ты настоящих жуликов...» Однако подходить к торговкам опасался и со стороны прислушивался. Оказалось — пятьдесят рублей просят за буханку. Дорого. Купишь две буханки — и половины денег нет.

Яшка прошел через всю толкучку и выбрался из нее на другой стороне. Здесь, у деревянных ларьков и опустевших рядов, толклась группа подростков. Не успел Яшка осмотреться, как к нему подскочил один из них:

— Слушай, парень, ты понимаешь по часам?— И не дожидаясь, когда Яшка сообразит, что от него хотят, продолжал: — Там один чудик продает мировые часы. Швейцарские, на семнадцати камнях! Просит пятьсот рублей, а им цена все восемьсот. Слушай, ты купи их, он за триста отдаст, а я сбегаю домой, возьму деньги и дам тебе за них пятьсот. Мировые часики.

Новый знакомец обхватил Яшку за плечи и, по-приятельски уговаривая, повел к тем, которые шумно о чем-то спорили. Один отделился от группы и быстро направился к Яшке.

— Не дрейфь,— шепнул Яшке его знакомец и крикнул: — Эй, неси свою шарманку. Вот парень понимает толк в часах. Триста рублей, говорит, больше они не стоят.— И подмигнул Яшке.

Долговязый, с плутоватыми глазами парень приложил к Яшкиному уху часы и тут же спросил:

— Ну что! Ход какой — слышишь!

— Тикают,— проговорил Яшка.

— «Тикают»! Сразу видно — понимает! Семнадцать камней, швейцарские. Фирма «Павел Брулле».

— Брось, немецкая штамповка, наверное. Им нужно два камня — один снизу, а другой — сверху,— проговорил Яшкин знакомец, а на ухо ему шепнул: — Бери.

Но долговязый будто не слышал подковырки, ему хотелось продать часы Яшке.

— Ну, берешь? Да у тебя, наверное, и денег-то нет? У него денег нет! Хочешь, на спор за триста отдам!

— Бери,— шепчет Яшкин знакомец.— Бери! Они восемьсот рублей стоят. Я тебе сейчас пятьсот притащу за них, и ты двести рублей заработаешь.

Нет у Яшки трехсот рублей, а сказать об этом почему-то стыдно. Если б за двести согласился...

— Бери!.. Бери!.. Бери!..

— Да у него ж денег нет, а то какой бы дурак не взял за триста такие часы? Хочешь, на спор за двести отдам?

Закружилось, затуманилось в Яшкиной голове: какое счастье подвалило! Было двести, и вдруг сразу станет пятьсот рублей!

— Бери! Бери! — уже шепчут ему со всех сторон и остальные.

— Нет у него денег,— презрительно сказал долговязый и сделал вид, что уходит.

Яшка откашлялся и крикнул:

— Давай! За двести...

Вся ватага снова прихлынула к Яшке, смотрят с нетерпением, как он силится,— вытаскивает из-под подкладки деньги. Мать посоветовала спрятать подальше. «Дальше положишь,— говорила,— ближе возьмешь». Где уж тут бли-

Приложил Яшка часы к уху — правда, стоят.

же... Яшка рванул подкладку. Вот они, наконец, хрумкнули в руках. Протянул долговязому:

— Бери!

Взял тот и, не считая, сунул в карман, отдал Яшке часы.

— Носи на здоровьечко! Культурненько жить теперь будешь с часами.

Долговязый издевался, но Яшка не обратил на это внимания, искал глазами своего знакомца. Нашел, кивнул ему: «Ну, что же ты? Давай неси свои пятьсот». А тот приставил к носу растопыренные пальцы, пошевелил ими и показал Яшке язык.

— Сейчас, спешу! Они ж стоя́т, дурачок!..

Приложил Яшка часы к уху — правда, стоят. Похолодел весь: обманули жулики проклятые... Оставили без копейки...

— Эй, подожди! — закричал Яшка. Но его никто не стал ждать. Ватага быстро скрылась в переулке, будто растаяла.

Яшка занес руку, хотел трахнуть часами о землю, да вовремя раздумал: что это даст? Денег все равно не вернешь.

Повернулся и поплелся на толкучку.

— Пирожки! Пирожки! Кому горячие пирожки?

— Ряженка! Яички!

— Картошка, картошка! С пылу, с жару! Налетайте, покупайте! Пока горяченькая!

— Огурчики солененькие!

Яшка глотнул слюну и отвалил в сторону от продуктовых рядов.

— Продаешь что ли, парень?

Идет Яшка, ничего не слышит.

— Эй, оглох что ли? — толкнули Яшку в плечо.— Сколько просишь? — И уже выковырнули из Яшкиной руки часы, рассматривают, прикладывают к уху какие-то дядьки.— Хочешь тридцатку?

Пришел Яшка в себя, обрадовался: тридцатка возвращается! А что с нею делать? Буханка хлеба стоит пятьдесят рублей...

— Пятьдесят... — неуверенно попросил Яшка и подумал: «Надо хоть за тридцать отдать...»

— Ну, что ты, парень! Сорок? По рукам?

— Мне хлеба надо купить,— проговорил Яшка.

— Ладно, бери полсотню.

И в Яшкиной руке, в которой он только что держал часы, теперь лежали засаленные бумажки. Не стал Яшка пересчитывать их, метнулся к продуктовым рядам.

«Надо скорей купить что-нибудь да сматываться»,— решил он. Выбрал тетку постарше. Не погнала, как та, первая, ответила:

— Прошу пятьдесят, отдам за сорок.

— Ну давайте.

Яшка сунул буханку хлеба в вещмешок. Приятно потяжелела сумка, забросил ее за плечо. На десятку взял миску вареной картошки и подался опять на вокзал.

ЧЕРЕЗ ПОЛЬШУ ПОД БРЕЗЕНТОМ

Толкается без цели Яшка по вокзалу, по станции, не знает, что делать, как быть. Домой возвращаться ни с чем не хочется, и дальше ехать уж, кажется, некуда: недалеко за Ковелем, говорят, польская граница. Рассказывают знающие люди, в Бресте можно больше толку добиться, чем в Ковеле. Да где тот Брест, как туда добраться?

Ходит по станции, вдоль эшелонов с ранеными, расспрашивает. Нет, никто не знает такого госпиталя. А что, если рискнуть—поехать дальше?

Яшка уже знал, какие поезда идут на запад и какие на восток. Порожняку и раненым солдатам, понятно, на фронте делать нечего, поэтому он больше присматривался к составам, груженным военной техникой. Проситься у военных, чтобы взяли его в попутчики, он не стал, заранее знал — ничего не выйдет, за границу его никто не возьмет.

Улучив момент, он юркнул под

брезент, снял вещмешок, поджал под себя ноги и стал ждать, когда поезд тронется.

Под брезентом было темно, и сначала он ничего не видел. Но постепенно глаза пообвыкли в темноте, да и мрак здесь был совсем не кромешный: свет пробивался в щель между брезентом и полом платформы, просачивался он и сквозь брезент, как сквозь густое сито. «От дождя тут, конечно, не спасешься,— подумал Яшка.— Этот брезент, наверное, только для маскировки».

Яшке казалось, что поезд стоит слишком долго. Он устал от напряженного ожидания, хотелось выбраться из темницы, пока не поздно, однако пересилил себя. Чтобы как-то развлечься, стал рассматривать орудие. Он обнаружил, что это вовсе не орудие, а что-то совсем другое. Танк не танк: металлическое брюхо низко висит. И не автомобиль и не трактор. Скорее большая лодка на гусеницах. Сидя под днищем этой махины, да еще в полумраке, трудно представить ее целиком. Он потрогал рукой — железо, шершавое и холодное. Керосиновый запах свежей краски еще не выветрился и мутил немного голову.

Наконец поезд тронулся, и Яшка облегченно вздохнул. Он подвинулся к щелке, приподнял чуть брезент, стало светлее. Чем бы заняться, чтобы скоротать время? Вспомнил о книге, полез за ней. Под руку попался пистолет — обрадовался, даже сердце подпрыгнуло: наконец-то он рассмотрит его как следует.

Вытащил из кобуры, повертел, сдул невидимую пыль, потрогал осторожно кнопочки, рычажки — все туго, все холодит душу: оружие! Нажал посильней на одну кнопочку, похожую на шляпку гвоздя, из рукоятки бесшумно выскользнул магазин с патронами и стукнулся о пол. Яшка вздрогнул и даже отпрянул от него — думал, взорвется. Но ничего не взорвалось. Яшка поднял магазин. Черный, гладкий, он сверкнул семью маленькими круглыми глазками-отверстиями, в них Яшка увидел желтый металл — патроны. Такие же, наверное, как этот, верхний — желтый, тупорылый, кургузенький снарядик.

Вставил Яшка магазин снова в рукоятку, кнопочка щелкнула, и все встало на свое место. «Хитрая штука! Здорово сделано!» — восхищался Яшка и продолжал исследовать дальше. Рычажок с левой стороны тоже поддался и передвинулся хвостиком на нижнюю точку. Яшка ждал, что опять что-либо упадет. Но ничего не упало, и тогда он догадался: «Это, наверное, и есть предохранитель. Попробовать стрельнуть?»

Яшка прицелился в дальний конец платформы, но нажать на курок не решился: услышат выстрел часовые, остановят поезд, обнаружат Яшку, и тогда неизвестно, чем кончится его путешествие. Он прицеливался то левым, то правым глазом, пока не надоело. Наигравшись, поставил рычажок на место и, вложив пистолет в кобуру, спрятал поглубже в вещмешок.

Посидел — делать нечего. Снова вспомнил про книгу, достал, подставил под дрожащий луч света, лег на живот и принялся читать.

Страницу за страницей читает Яшка, вспоминает солдата, который подарил ему эту книжку. Правду говорил он, чудные в Греции боги были, спорили между собой, войну на людей посылали. Читает Яшка, будто сказка и не сказка, а интересно. С войны возвращается Одиссей и никак не может добраться домой, разные приключения с ним случаются. А дома его ждет жена Пенелопа. Чудно́ только все у них как-то устроено: полный дом женихов, едят, пьют, а выгнать их нельзя. И сын у Одиссея Телемах какой-то теленок, не может прогнать женихов. Если бы Яшка, он давно уж наладил бы их со своего двора.

А Одиссею совсем не везет, вырвется из одних лап, в другие попадет. Волнуется за него Яшка, забыл про все на свете. Неужели ж так-таки и не доплывет до дома Одиссей? Наверное, нет. Вот опять зачем-то к берегу пристал, уж плыл бы прямо в свою Итаку. Опять что-нибудь случится. Так и есть. Пришел страшный циклоп, завалил пещеру камнем — не выйти им оттуда. Чем все кончится?

«Одноглазый циклоп свирепо взглянул,
ничего не ответив,
Быстро вскочил, протянул к товарищам
мощные руки
И, ухвативши двоих, как щенков, ударил
о землю».

Мало того, что циклоп убивал товарищей Одиссея, так он еще и людоедом оказался. Но Одиссей все же хитрее чудовища, обманул его, выбрался из пещеры, хоть много друзей его в ней погибло...

Солнце, видать, к заходу склонилось, читать стало темно, а жаль: хочется узнать, как оно дальше дело пойдет у Одиссея. Размечтался Яшка, и уже будто это не древний греческий царь с войны домой возвращается, а брат Яшкин — Андрей. Идет он, раненный, с палкой и с винтовкой через леса, через реки, а на его пути то пещеры, то болота — не выбраться. И вот прилетает к Яшке красивая богиня Афина и говорит: «Иди, Яшенька, помоги брату, он вот в том-то месте. Я дорогу тебе укажу... Пройдет пять дней и пять ночей, и вы будете дома, где вас ждет не дождется ваша мама Пенелопа...»

Улыбнулся Яшка, отогнал от себя эту сказку, достал хлеб, вареную картошку в мундире, принялся за еду. Хлеб был черствый, но вкусный. Особенно вкусной показалась картошка, давно не ел такой, можно запросто за один присест всю съесть, но он съел только две, остальные спрятал. «Впереди еще неизвестно что будет»,— благоразумно рассудил Яшка и завязал вещмешок. Подложив его себе под голову, он улегся поудобнее и вскоре уснул.

А поезд все шел и шел, то быстро стучал колесами на стыках, то еле полз, ощупью пробираясь по шатким мостам, наспех наведенным через реки солдатами-саперами.

Проснулся Яшка от холода и шума над головой: в брезент барабанил сильный дождь. «Дело плохо,— подумал он,— поплыву...» Но брезент оказался непромокаемым, и это Яшку удивило и обрадовало.

Было совсем темно, давно наступила ночь, вокруг все шумело: дождь, поезд, гроза... Гром то с треском гремел над самой головой, то доносился откуда-то издалека, словно орудийная канонада. «А может, это уже фронт?» — мелькнула тревожная мысль.

Но до фронта было еще далеко, поезд уверенно мчался вперед.

Второй раз Яшка проснулся от людских голосов. Было уже светло. Прислушался и ничего не понял: говорили не по-русски. Сначала испугался, думал — немцы, но потом догадался: поляки.

— То есть добжа машина! — говорил поляк.— Барзо добжа!

— Ничего, подходящая,— ответил кто-то по-русски.

Поляк еще что-то говорил, а потом постучал молотком по колесам, хлопнул крышками букс, и голос его постепенно затих.

Неужели так-таки и не доплывет до дома Одиссей?

Вскоре поезд тронулся. И тогда Яшка снова извлек книгу, пристроился к свету поближе и поплыл вместе с Одиссеем по морям все ближе и ближе к Итаке. Наконец Одиссей добрался до родной земли, и тут бы ему сразу выгнать всех врагов из дома, так нет, он сначала пошел к своему свинопасу; тот, конечно, не узнал его, но все же рассказал, что делается в Одиссеевом доме. После Одиссей пришел домой и опять сначала зачем-то прикинулся странником, стал долго разговаривать со всеми, подзадоривать женихов. Яшке не терпелось, ему хотелось, чтобы Одиссей скорее разгромил своих врагов. Особенно противный и нахальный был один — Антиной, на фашиста похож, его бы Яшка первым прикончил.

Но вот, кажется, начинается развязка. Вынесли лук Одиссеев, стали по очереди натягивать его, да силенок маловато. Эх, скорей бы попал этот лук в руки Одиссея!..

Наконец Одиссей сбросил с себя лохмотья, «с гладким луком в руках и с колчаном, набитым стрелами, быстро вскочил на высокий порог, пред ногами на землю высыпал острые стрелы». Лук натянул и первым сразил Антиноя. Забегали в панике остальные.

— А, собаки! Не думали вы, что домой невредимым я из троянской земли ворочусь! — сказал Одиссей.

Догадались женихи, узнали в страннике Одиссея, побледнели, стали просить пощады. Но Одиссей не хочет никого прощать. И тут началось! «Женихов гоняли по залу, разили копьями вправо и влево и головы им разбивали. Стонами полон был зал, и кровью весь пол задымился».

«Молодец Одиссей!» — торжествовал Яшка. Но когда Леод, обняв Одиссею колени, стал просить пощады, говоря, что он ничего плохого в доме не делал, и Одиссей все же убил его, Яшке стало не по себе. Жалко Леода, отпустил бы... Неужели и песнопевца Терпиада убьет? Ведь он ни в чем не виноват, его насильно женихи притащили в Одиссеев дом веселить их.

Пощадил певца Одиссей, а заодно оставил жить и глашатая. Добрая душа все-таки у Одиссея. И снова вернулась Яшкина любовь к герою. Тут же простил он ему смерть Леода, рассудив, что, если бы Леод остался жив, он мог бы потом отомстить Одиссею как-нибудь из-за угла. Трусы — они коварные...

Взволновала Яшкино сердце книжка, забыл даже, где он — весь там, в далекой Древней Греции. Дочитал, словно к желанному берегу приплыл. Запыхавшись, положил на книгу голову, а перед глазами, как в кино, проплывали одна за другой сцены из приключений Одиссея.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

А. МИЛН

Король Джон и Дед Мороз

Перевела с английского
Н. ВОРОНЕЛЬ

У короля был скверный нрав:
Он жульничал в лото,—
За это не водился с ним
Никто, никто, никто.
Прохожие при встрече с ним
Не кланялись в ответ:
Стояли, не меняя поз,
Шагали, вверх задравши нос.
Король, обиженный до слез,
Смотрел им молча вслед.

У короля был скверный нрав,
И, не делясь ни с кем,
Он в одиночестве пил чай
И ел клубничный джем.
А накануне рождества
Он письма получал:
Ему желали долгих дней,
Сластей, гостинцев и гостей,
Но эти письма от друзей
Он сам себе писал.

У короля был скверный нрав,
И всем понятно, что
Ему подарков не дарил
Никто, никто, никто.
Но накануне рождества,
Когда хрустел снежок
И музыканты пели так,
Что богател любой бедняк,
Король взбирался на чердак
И вешал свой чулок.

У короля был скверный нрав,
И ясно, почему
Однажды длинное письмо
Пришлось писать ему.
Он прислонил письмо к трубе,
Разрыв ногтями снег:
«Всем, всем — от лордов
до крестьян,—
Всем Дед Морозам разных
стран!»
И подписал не «Рекс Джоан»,
А очень скромно: «Джек».

«Хотел бы я печенья
И леденцов на мяте,
И плитка шоколада
Была бы тоже кстати.
Хотел бы я бананов,
Хотел халвы чуть-чуть,
Хотел бы нож карманный,
Чтоб резать что-нибудь.
И непременно, Дед Мороз,
В чулок сегодня спрячь
Такой большой и круглый
Футбольный красный мяч!»

У короля был скверный нрав,
Король ушел к себе,
Он с крыши в комнату свою
Спустился по трубе.
Но он всю ночь не мог уснуть,
Он повторял в тоске:
«Конечно, Дед Мороз придет...»
Он утирал холодный пот,—
«Конечно, в этот Новый год
Я мяч найду в чулке!

Печенья мне не надо,
Не надо леденцов,
Без плитки шоколада
Я жил в конце концов,
Не надо мне бананов,
Халвы я не хочу,
Свой старый нож карманный
Я завтра наточу.
Но милый, милый Дед Мороз,
В чулок сегодня спрячь
Такой большой и круглый
Футбольный красный мяч!»

У короля был скверный нрав:
Он утром встал чуть свет,
Он взял чулок и увидал,
Что в нем подарка нет.
А в этот час во всех домах
У подданных его
Мячи катились на паркет,
Слипались губы от конфет...
Король вздохнул: «Конечно, нет
Мне снова ничего!

Да, я просил печенья
И леденцов на мяте,
Да, плитка шоколада
Была бы тоже кстати.
Да, я просил бананов,
Просил халвы чуть-чуть,
Просил я нож карманный,
Чтоб резать что-нибудь...
Пусть это все, пусть это все
Просил я сгоряча,
Но почему мне Дед Мороз
Не подарил мяча?»

Король склонился у окна
Под грузом неудач:
Внизу на праздничном снегу
Гоняли дети мяч.
И стало грустно королю,—
Хоть отвернись и плачь!
Как вдруг минуты через две,
Огрев его по голове,
По комнате как по траве,
Запрыгал красный мяч!!

Огромное спасибо всем детям во дворе!
Пусть мамы купят им конфет
И поведут в кино
За то, что бросили они
Футбольный мяч в окно.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Это в воротах Жак Паганель, и, если он не поймает эту круглую «бабочку», его команда получит корнер — угловой удар.

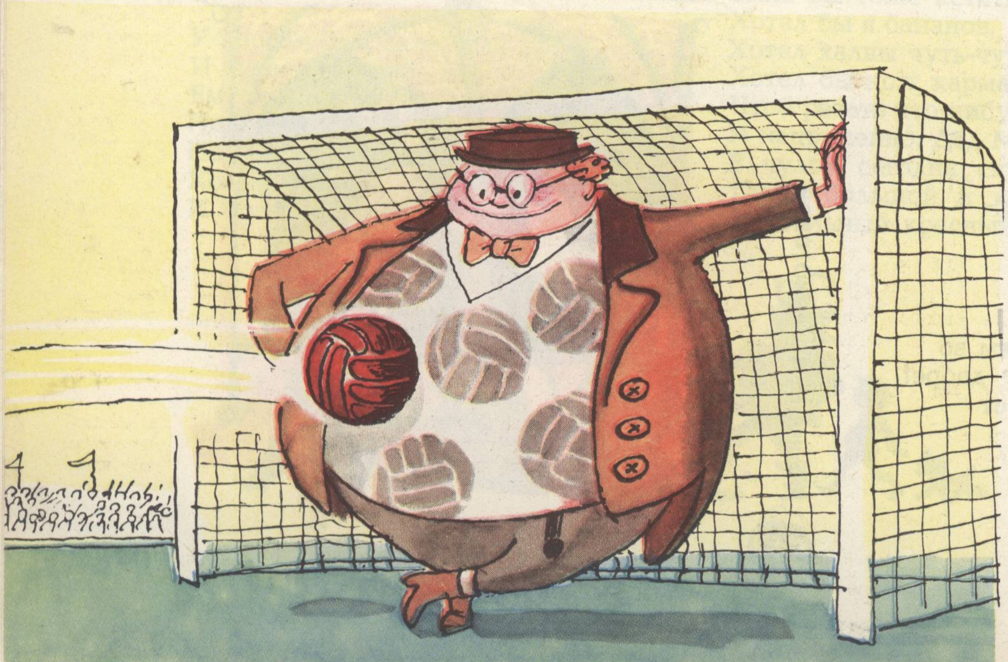
Проигрывающим, пожалуй, стоит выпускать на поле Тартарена. Лев из Алжира и знаменитый охотник из Тараскона — это будет веселый футбол!

А если кто-то промажет мимо ворот... Болельщики, подождите свистеть: хороший пушечный удар — и барон Мюнхгаузен сменяет устаревшее ядро на мячик.

Мистер Пикквик, как всегда, благодушен, а то, что он случайно оказался в футбольных воротах, так это ему даже понравилось, как видите. И «стоит» он совсем неплохо, один делает «стенку»!

ФУТБОЛ! ФУТБОЛ!

Итак, благодаря юмористическим рисункам Ю. Черепанова мы имеем возможность заглянуть в далекое прошлое Большого футбола...

Леонард БЕРНСТАЙН

Пересказал С. СОЛОВЕЙЧИК

5. Что такое инструментовка?

Не знаю, слыхали ли вы такое слово — «инструментовка», «оркестровка»? Между тем это, пожалуй, самое интересное в музыке.

Как легко догадаться, слово «инструментовка» имеет какое-то отношение к инструментам — ну, конечно, к музыкальным инструментам. Когда композитор создает музыку для оркестра, он должен написать ее так, чтобы ее действительно сумел сыграть оркестр, независимо от того, сколько в нем инструментов: семь, семнадцать, семьдесят или, быть может, сто семь (в современном большом симфоническом оркестре как раз столько инструментов — сто семь!). И каждый музыкант в оркестре должен знать, что же ему играть и в какое время. Для этого композитор оркеструет свою музыку. Оркестровка — очень важная составная часть сочинения музыки.

Большим мастером оркестровки был русский композитор Римский-Корсаков. Он написал известную во всем мире книгу — «Основы оркестровки», и очень многие композиторы учились по этой книге и подражали Римскому-Корсакову. Почти в каждом его произведении оркестр сверкает всеми красками и сочетаниями звуков. И композитор делает это ради ясности музыки, а не просто для того, чтобы блеснуть мастерством. Это не так просто, как может показаться.

Если мы посмотрим, например, ноты «Испанского каприччио» Римского-Корсакова, мы увидим: на целой странице поместились всего четыре такта. Каждый инструмент — от флейты пикколо до контрабаса — играет эти четыре такта по-своему, и, значит, для каждого надо написать свою строчку.

Можно представить себе, что, когда Римский-Корсаков сочинял эту музыку, когда он слышал ее в себе, он одновременно чувствовал четыре музыкальных линии: главную мелодию, да еще особый испанский ритм в качестве аккомпанемента, и еще одну мелодию, параллельную первой, и, наконец, еще один, другой испанский ритм — аккомпанемент.

И вот перед ним встала задача: как написать эту музыку для симфонического оркестра в сто человек, чтобы они могли играть вместе? Да не просто вместе! Чтобы все четыре эти линии соединялись и звучали ясно, сильно, захватывающе! Как это сделать? Римский-Корсаков распределил эти четыре линии между инструментами так

Главную танцевальную мелодию (музыканты говорят «тему») он отдал тромбонам

Вторую, параллельную мелодию — скрипкам

Первый испанский ритм он разделил между деревянными духовыми инструментами и валторнами.

Второй испанский ритм отдал трубам, литаврам вместе с другими басовыми, ударными

Потом он добавил работы другим ударным инструментам: треугольнику, кастаньетам, тамбурину, чтобы подчеркнуть испанский характер ритма.

Все эти звуки, сведенные вместе, звучат прекрасно. Что сделал Римский-Корсаков? Он взял голые ноты, которые звучали у него в голове, и одел их. Но хорошая оркестровка не просто одежда музыки. Она должна быть правильной оркестровкой для каждого музыкального произведения. Ведь и одежда должна быть подходящей: для дождливой погоды — одна, для вечера — другая, для спортплощадки — третья. Плохо оркестровать музыку — это все равно что натянуть на себя свитер, собираясь плавать в бассейне.

Итак, запомним: хорошая инструментовка означает такую оркестровку, которая точно подходит для данной музыки, делает ее ясной, звучной, эффектной.

Конечно, добиться этого нелегко. Представьте себе, что должен знать композитор для инструментовки сочиненной им музыки.

Во-первых, композитор должен понимать, как обходиться с каждым инструментом в отдельности. Что этот инструмент может сыграть, а чего не может; какие у него самые высокие и самые низкие звуки; его красивые и не очень красивые ноты. И вообще надо представлять себе все звуки, которые можно извлечь из этого инструмента!

Во-вторых, композитор должен знать, как соединять разные инструменты вместе, как уравновесить их звучание. Ему надо позаботиться, чтобы большие и громкие инструменты вроде тромбона не забили те, что звучат потише, помягче, вроде флейты. Или чтобы ударные не заглушили звук скрипок. А если он пишет музыку для театра или для оперного оркестра, ему надо следить, как бы инструменты не заглушили певцов. И еще масса других хлопот!

Но самая важная проблема — это проблема выбора. Только представьте себе, что вы сидите перед оркестром в сто семь инструментов всех видов, и сто семь музыкантов ждут вашего решения — что им играть и когда!

Наверное, вы понимаете, как это трудно для композитора — принять решение и выбрать из всех этих инструментов необходимый, не говоря уже о том, что есть тысячи и миллионы всевозможных комбинаций инструментов!

Чтобы лучше понять работу композитора, давайте попытаемся сами поупражняться в инструментовке. Это вполне доступно.

Придумайте какую-нибудь коротенькую мелодию — самую простую, самую глупую, какую хотите. Потом попытайтесь оркестровать ее — вы сами должны решить, как это сделать! Попробуйте сначала звук «о-о-о» — мягкий и гулкий, вроде органа или кларнета в низком регистре. Хорошо звучит? Может быть, да, а может, нет. А может, нужны звуки струнные? Попробуйте пожужжать или погудеть, только тихонько. А если нужны громкие звуки струнные? Тогда: зу-ум, зу-ум, за-зу-ум... Или, возможно, к вашей мелодии больше подойдут высокие звуки деревянных инструментов, короткие и острые: тик-тик-тик. Испытайте их! Или та-та-та-та труб? Или тирли-тирли-тирли-тирли флейт? Или...

Ну, их так много, разных звуков! К тому же вы можете обнаружить, что правильный ответ заключается не в одном звуке, а в комбинации двух или трех звуков.

А вот другой опыт — его особенно хорошо провести вечером, когда вы уляжетесь в кровать, перед тем как заснуть. Попробуйте услышать внутренним слухом какую-нибудь музыку, музыкальный звук. А потом подумайте, какого цвета эта музыка. Как вам кажется? Многие люди думают, что музыкальные звуки имеют цвет! Например, когда вы поете «о-о», мне это кажется синеватым. А если вы делаете «у-ум, у-ум», то цвет представляется мне вроде красного. Или это мне только кажется? Когда вы поете «та-та-та», я вижу яркий, оранжевый. Я могу реально видеть цвет в воображении. А вы можете? Очень многие люди видят разные цвета, когда слышат музыку, и эта окраска звуков — часть оркестровки.

Но как же все-таки справляется композитор с такой трудной работой — с выбором инструментов? Есть два пути. Первый — писать музыку для инструментов, которые составляют одно семейство. Например, для оркестра, состоящего только из струнных,— для струнного оркестра. Второй путь — смешивать инструменты разных семейств, например, виолончели и гобои.

Если композитор пошел по первому пути, то это все равно, что он пригласил на вечер родственников.

А если по второму — он собрал друзей.

Но что значит слово «семейство» по отношению к музыкальным инструментам? Это слово всегда употребляют, когда рассказывают детям об оркестре. Например, говорят о семействе деревянных духовых инструментов, и начинается: «мама — кларнет», «дедушка — фагот», «сестрички — пикколо», «старшая сестра — флейта», «дядюшка — английский рожок» и так далее. Ужасное сюсюканье! И все же тут есть правда. Эти деревянные инструменты действительно составляют что-то вроде семьи. Они родственники потому, что на всех играют одним способом: вдувая в них воздух, и все они — или почти все — сделаны из дерева. Поэтому они и называются деревянные духовые. Музыканты, играющие на этих инструментах, сидят на сцене рядом.

У этих инструментов есть двоюродные братья и сестры — кларнеты разного вида, затем — саксофоны, альтовая флейта, гобой д'амур, контр-фагот — длинный список. А ведь еще есть группа троюродных братьев, валторны, которые сделаны из меди и должны принадлежать к семейству медных инструментов. Но они так хорошо сочетаются и с деревянными и с медными!

Теперь, когда мы познакомились с этой большой семьей, давайте посмотрим, как ее можно использовать в инструментовке.

В симфонической сказке Сергея Прокофьева «Петя и Волк» есть место, где описывается кошка—чудесная маленькая мелодия для кларнета. Это блестящий выбор. Ни один другой инструмент из всех деревянных духовых не смог бы так передать движение кошки, как кларнет. У него такой бархатный, томный — кошачий звук! А чтобы представить утку, Прокофьев выбрал гобой. Что можно было найти лучше крякающего звука гобоя!

Но достаточно о деревянных духовых инструментах. Посмотрим-ка на другое семейство — семейство струнных.

Мы употребляем четыре вида струнных инструментов: скрипки (вы, конечно, легко узнаете их). Затем альты. Они выглядят, как скрипки, только они немножко больше, и звук у них ниже, чем у скрипок. Затем виолончели (они еще больше, и звук у них еще ниже). И, наконец, контрабасы — самые большие и самые низкие.

И вот что может вас удивить: даже если играет одна-единственная скрипка, композитор все равно должен оркестровать музыку для нее. Это может показаться просто глупым — оркестровка для одного инструмента? Но это оркестровка в миниатюре. Даже один инструмент заставляет композитора делать выбор.

Сначала он должен выбрать из всех инструментов именно скрипку, если она подходит для той музыки, которую композитор слышит в уме.

Потом ему предстоит делать еще очень много выборов: на какой из четырех струн скрипки играть; в каком направлении должен двигаться смычок, вверх или вниз; должен ли смычок подпрыгивать (музыканты называют это *спиккато*) или скользить плавно (*легато*), а может, надо играть вовсе не смычком, а щипать струны пальцем (*пиццикато*)?.. Опять масса возможностей!

Каждый выбор очень важен. Например, если скрипач играет на струне *ре*, звук получается более нежным, но если он берет точно те же самые ноты, не выше и не ниже, но на струне *соль*, звук выходит совсем другим, гуще и сочнее.

А теперь представьте, что играет не один струнный инструмент, а четыре — квартет. Количество возможных выборов ошеломительно! Обычный струнный квартет состоит из двух скрипок, альта и виолончели, и великие мастера вроде Бетховена могут оркестровать музыку для этих четырех струнных так, что получится удивительное разнообразие звуков и красок.

Великие композиторы всегда ищут новые, особые звучания. Они пишут музыку для разных сочетаний струнных инструментов. Например, Франц Шуберт добавил к квартету еще одну виолончель — получился квинтет (пять инструментов), и родилось новое богатство звучаний. Почему он добавил именно виолончель, а не альт или еще одну скрипку? И не контрабас? Потому что он знал: виолончель даст ему как раз ту окраску, которая нужна ему для этой музыки.

Теперь, когда мы рассмотрели семейства деревянных духовых и струнных, бросим короткий взгляд на две другие семьи в оркестровом сообществе — на медные и ударные.

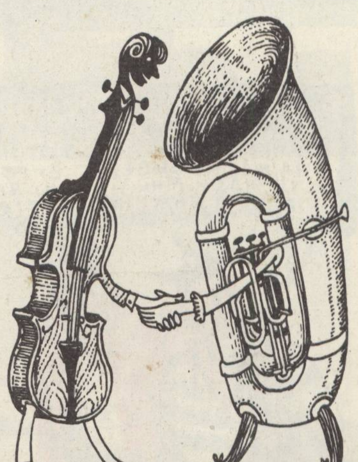
Медных инструментов в оркестре не так много, как струнных, но эта семейка умеет заставить себя слушать! Вот ее члены: труба, тромбон, туба и, конечно, валторна, с которой мы встречались, когда говорили о деревянных.

Медные инструменты могут произвести звуки самой разной окраски. И не всегда эти звуки будут громкими и «медными»». Например, у старого итальянского композитора Габриели музыка для медных звучит, как эхо, медные могут звучать наподобие органа, как у Брамса в его Первой симфонии.

Но, конечно, чаще всего медные звучат привычно, как духовой оркестр на параде.

Семейство ударных, следующее за медными, ужасно большое. Чтобы перечислить все ударные инструменты, понадобится, наверно, целая неделя, потому что почти все может быть ударным инструментом: сковорода, звонок, бейсбольная бита — все, что производит шум. Глава этой семьи — литавры; их окружают барабаны всех видов, колокольчики, треугольники, тарелки... Но все вместе они семейство, и есть музыка, написанная специально для ударных. Например, мексиканский композитор Карлос Чавес сочинил пьесу в классической форме токкаты исключительно для ударных инструментов.

Но семейные привязанности инструментов уступают привязанностям дружеским, «общественным»: члены разных музыкальных семейств объединяются, чтобы музыка звучала красиво и ярко. Все начинается с самой простой комбинации: двое людей осторожно присматриваются друг к другу — получится ли у них, если они будут работать вместе, дружить? Получается! И вот — соната для флейты и фортепьяно, для двух инструментов из очень далеких семейств. Но они прекрасно играют вместе! Соната для скрипки и фортепьяно, виолончели и фортепьяно... Каждое сочетание инструментов рождает новое звучание, новую окраску. Но вот к двум инструментам прибавляется третий, четвертый — и перед нами целый оркестр, потому что в нем есть по крайней мере по одному представителю от каждого семейства. Потом инструментов становится больше, вместо семи музыкантов перед нами семнадцать, семьдесят и, наконец — сто семь... Представьте себе, какие великолепные комбинации звуков может дать большой оркестр, если он играет музыку композитора — мастера в искусстве инструментовки.

SOS

Одна из историй, которые со слов инженера Поргеса рассказывает и рисует в чешском «Пионере» Карел Франта.

Куда я тогда плыл, это теперь не важно, потому что корабль утоп. А я попал в одну шлюпку с целой оравой музыкантов. Представьте себе, этот духовой оркестр пригласили в какой-то заморский цирк, и эти дудари и трубачи, мне показалось, не себя спасали, а свои инструменты. Странный народ! Я еще таких чудаков не встречал. Болтаемся среди океана, неизвестно, что еще с нами будет, а они дудят — боятся, как бы не позабыть им все эти собачьи вальсы и лошадиные польки... Черт побери, я сам не из трусливых, но такое хладнокровие... Нет, вы только подумайте! Среди пустынного океана раздается вот это, например: «...Чижика, собаку, кошку-забияку.. Тра-та-та. Тра-та-та. Мы везем с собой кота...» И я с ними тут же. Куда же мне деваться? Даже стал подпевать...

ПАН КАПЕЛЬМЕЙСТЕР, ЛОДКА ГОТОВА.
ВЫ ГЕНИЙ, ИНЖЕНЕР! НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ТЕПЕРЬ ПРОСТО ПЕПИКОМ.
УРА! УРА! ИНЖЕНЕР, ВЫ ИГРАЕТЕ НА ФЛЕЙТЕ!
ЦИРК ШАПИТО

Анна ГАРФ

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

Писательница Анна Гарф пересказывает африканские сказки и размышляет о них.

Быть может, вас удивит, что в наше время есть люди, изучающие сказку? Сказку, которую мы как будто знаем с детства.

Я расскажу вам только о трех из сотен тысяч сказок, что записаны учеными у разных племен и народов.

«Одному бедному человеку боги помогли разбогатеть. У него стало много коров и телят. Большие, могучие звери приходили к нему в гости пить молоко.

Однажды и Заяц явился.

— Кто ты таков, что смеешь здесь пить молоко? — рассердился человек.

— Ах, отец, я могу пасти коз, могу сбегать, куда пошлешь, исполню, что прикажешь.

Человеку понравились эти слова, он взял Зайца в пастухи.

Прошло некоторое время, и Заяц сказал хозяину:

— Отец, дело вот какое: там, где я пасу коз, много колючек, но у меня нет башмаков...»

Не удивительно ли, что одни и те же слова говорит герой сказки африканского племени ираку Заяц и наш европейский Кот в сапогах:

— Дай ты мне сапоги,— говорит Кот своему хозяину,— чтобы было не больно ходить по колючим кустарникам...

Вернемся теперь снова к Зайцу, чтобы сравнить его с героями сказок других народов.

«Хозяин сказал Зайцу:

— Зверям башмаки ни к чему. Башмаки носят только люди.

— Разве я не делаю ту же работу?

— Но ты не человек. Ты должен пасти коз босиком.

Когда хозяин ушел, Заяц прибежал к его жене.

— Твоего мужа постигло большое горе. Лук его сломался. Одежда и башмаки сгорели. Он велел мне: «Скажи моей жене, я не могу ходить голым, без оружия. Пусть пришлет шкуру леопарда, копье и башмаки».

Покинув жилище человека, Заяц пошел своей дорогой. «Тук, тук, тук»,— стучат башмаки, «Дзинь, дзинь!» — звенит копье, а Зайца самого в траве и не видно.

— Кто это такой? Кто там идет? — испугались звери.

— Это я, дети мои,— сказал им Заяц,— я ваш султан...»

И вот вам еще одна загадка: в немецкой сказке умная Лиза отдает мошеннику коня, в иранской сказке обманутая женщина посылает умершему брату на тот свет золото, в африканской — жена хозяина отдает копье и леопардову шкуру. О простодушной жене и ловком мошеннике есть сказки почти у всех народов нашей планеты. Что это, одна и та же сказка идет по земле, или они, такие похожие, возникли сами по себе, потому что люди — черные, белые, желтые — похожи друг на друга? Бывает и так и этак.

Есть такой словарь сюжетов сказок, составил его финский ученый Аарне. В словаре Аарне перечислены все сюжеты, какие только на сегодняшний день известны. Но это не значит, что известны также и сказки. Сюжет может быть и одинаков, но сказка всегда новая, всегда другая.

Однажды на Алтае я услышала сказку «Лиса-сваха», сюжет ее такой же, как в сказке о Коте в сапогах. Лиса женит бедного сироту на ханской дочери. Но как различны характеры Лисы и Кота!

Женив своего хозяина на принцессе, «Кот стал важной особой при королевском дворе и уже больше не ловил мышей,— разве иногда для развлечения». А Лиса? Она приводит сироту в золотой дворец, устраивает свадьбу и говорит: «А мне дайте косточку с мясом, если не жалко, и я побегу в лес к своим деткам». Взяла кость и убежала.

Сказку о Коте в сапогах рассказывал во Франции в те времена угнетаемый помещиками простой народ, он верил королю, надеялся на его защиту. Но алтайский сказитель —

охотник, которого так обманывали и купцы и чиновники, ни на какие блага не хотел променять свою свободу. И Лиса убегает из дворца в лес.

А наш Заяц в башмаках? Прежде всего он требует у хозяина равной оплаты за равный труд: «Я пасу коз! Разве я не делаю ту же работу, что и человек?».

Вы, конечно, понимаете, ребята, как это было важно, как значительно,— услышать такие слова и для черного рассказчика и для его черных слушателей.

Мало этого Зайцу. Он не хочет никому подчиняться. Он хочет повелевать. Но каковы были в недавнем прошлом эти «повелители» угнетаемых племен, послушайте Зайца:

«— Я султан, я ем только мясо и мед!

— Не могу рассудить ваш спор, пока каждый не принесет мне по семь горшков медового пива,— говорит он одним.— Вас нельзя рассудить, пока вы не поработаете три дня на моем поле,— приказывает он другим.— Мое слово закон! Никто не смеет мне перечить! Палок, дайте ему палок! — командует он».

А своей жене Заяц шепчет на ухо:

«— Теперь мы совсем как люди, настоящие султан и султанша. Но из-за чужой одежды, которую я добыл себе, могут быть неприятности. Ты никому не говори ни слова про эту леопардову шкуру. Ешь себе мед да помалкивай».

Может быть, сказка и сама возникла, а может быть, пришла она издалека, но каждый народ рассказывает ее по-своему. Она ему всегда своя, близкая — чужое уйдет, родное прилепится.

Кто не знает русскую народную сказку «Котофей Иванович»!

«— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый,— говорит Лиса лесным жителям.— Кто ему не по нраву придется, сейчас съест. Ты, Волк, приготовь барана да и принеси ему. Ты, Медведь, ступай приготовь быка».

Когда Кот с перепугу полез на дерево, Волк и Медведь побежали в разные стороны, тоже испугались. А Лисица вслед кричит: «Бегите, бегите, как бы он вас не задрал».

А ведь и африканский Заяц тоже объявил однажды Кота султаном — владетелем колодца.

« — Как же нам теперь быть? — спросили звери.

— Водите дружбу со мной,— ответил Заяц,— вы получите воду, если заплатите за нее медовым пивом».

Вот Заяц и Кот стали пить медовое пиво и вскоре опьянели. А захмелев, Заяц запел:

Эй вы, звери, эй вы, звери,
Где же ваши глаза?
Посмотрите на султана,
Какой он коротышка!

Как своеобразен ритм, какая смесь хитрости и простодушия! Эти неповторимые черты делают столь своеобразной наивную и мудрую негритянскую сказку.

КОРШУН И КУРИЦА

ПО МОТИВАМ СКАЗОК КИКУЙЮ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

Была когда-то у коршуна бритва. Он давал ее на время всякому, кто хотел побриться. И каждый приносил ему еду и питье.

Вот пришла курица.

— Брат коршун, мои дети подросли, их перья стали длинными, безобразными. Одолжи мне твою бритву.

— Мать,— молвил коршун,— мы должны помогать друг другу. У тебя много детей, все они хотят есть. Бери бритву, я не возьму с тебя никакой платы.

Прибежала курица домой и принялась за де-

ло. Скоро все цыплята были побриты, и каждый сиял, как луна.

А курица пошла к соседке.

— Сестра, потрудись немного, побрей меня.

— Хорошо,— согласилась соседка,— а потом ты дашь бритву мне.

У этой соседки бритву попросила ее подружка, у подружки — дружок, и пошла бритва по деревне! Скоро все стали такими красивыми, что любо было поглядеть.

— Теперь надо нам устроить праздник!

Курица пела, цыплятки в дудочки дудели, стучали в барабаны. Веселились всю ночь.

К утру курица и позабыла о бритве.

Коршун день ждал, другой ждал, третий, неделю. Наконец не вытерпел и прилетел в деревню.

— Ты забывчива, моя милая,— сказал он курице,— бритва дает мне еду и питье. Без бритвы я голодаю.

— Сейчас, сейчас, сейчас отдам,— всполошилась курица.

Метнулась в свою хижину, заглянула в кожаную сумку, где она хранила нужные в хозяйстве вещи. Но бритвы там не нашла. Принялась курица искать бритву подле очага, под детской кроваткой.

— Бри-и-итва! — кричал коршун.— Где моя бри-и-итва?

— Куда-куда, куд-куда-а...

— Брри-и-итва! Где бритва? Отдай мою бри-и-и-итву...

— Куда-куда... О дорогой брат коршун, пожалей меня, подожди еще немного, я поищу получше.

И курица так усердно стучала клювом и гребла лапами, отыскивая пропавшую бритву, что всю свою хижину разгребла. Цыплята изо всех силенок помогали матери. Разгребли землю во дворе, на огороде, в деревне и за околицей.

— Я не могу больше ждать,— рассердился коршун и схватил цыпленка.

Вот с той поры и повелось: курица с утра до ночи разгребает землю лапами, ищет бритву, и цыплята трудятся вместе с ней. А чуть который-нибудь зазевается, отстанет от матери, коршун тут как тут, хватает разиню и тащит в лес.

Так есть и так будет, пока курица не вернет коршуну его бритву.

Была сказка, и нет ее. Если что хорошо, то хорошо нам всем, если плохо — моя вина. Сказка не виновата.

Как кошка искала друга

ПО МОТИВАМ СКАЗОК СУАХИЛИ, ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

Жила-была кошка. «Я так мала, так слаба,— тужила она,— хорошо бы найти могучего друга».

Думала кошка, думала и придумала: пойду ко льву.

— Лев, я хочу быть тебе другом.

— Хорошо,— сказал лев.

Много дней дружили они — лев и кошка. Но вот однажды друзья встретили слона. Слон и не посмотрел на кошку, но лев затеял с ним драку. И слон победил, победил его.

«А я-то думала, что лев силен! — сказала самой себе кошка.— Нет, слон куда сильнее».

Она подошла к слону.

— Я хочу дружить с тобой.

— Хорошо,— ответил слон.

Они дружили, пока не встретили охотника, который убил слона.

«Он убил моего друга,— вздыхала кошка.— Он самый сильный». И кошка побежала за охотником.

— Господин, я хочу следовать за тобой.

— Хорошо, идем.

Они шли, шли и пришли к хижине охотника. Оттуда вышла женщина. Она взяла из рук охотника копье, сняла с его плеча лук, отстегнула пояс с сумкой, в которой были стрелы, и унесла все это в хижину.

А мужчина? Он отдал женщине свое оружие! Он опустился на землю, он сидит, а женщина ходит вокруг него, дает ему пищу и питье.

«Женщина — вот кто поистине самый сильный»,— решила кошка. Она пошла следом за женщиной в хижину и села у очага.

Ты видишь, что и по сей день кошка выгибает спину, увидев женщину, мурлычет свои песни женщине. А на мужчину она и не глядит.

Заяц и мангуста

Однажды мангуста сказала зайцу:

— Нет у меня ни матери, ни ребенка, и ты, заяц, тоже одинок. Почему бы нам не подружиться?

Вот стали они вместе на охоту ходить. Увидали на земле яйца цесарки, поставили силок, цесарка и попалась. Собрали они яйца, взяли птицу, пришли домой.

— Я устал,— сказал заяц.

— Поспи немного,— молвила мангуста,— тем временем я поджарю птицу и яйца.

Заяц уснул.

От жаркого такой пошел запах вкусный, что мангуста не утерпела, откусила кусочек, другой и сама не заметила, как съела все.

Проснулся заяц.

— Мангуста, мангуста, где цесарка?

— Ах, огонь спалил ее.

— Ну что же,— вздохнул заяц,— пойдем поищем какую-нибудь еду.

Но мангуста так наелась, что и пошевелиться не может, где лежала, там и уснула.

Взял тогда заяц палку и ударил мангусту.

— Заяц, заяц, что случилось?

— Ах, палка побила тебя.

Мангуста засмеялась, взяла дудочку и запела, приплясывая:

— Ти-ти-ти! Огонь не виноват, это я, я сама, я съела цесарку! Ти-ти-ти!

Услыхав это, заяц застучал в большой барабан и запел:

— Пу-пу-пу! Палка не виновата, это я, это я, это я побил мангусту! Пу-пу-пу!!!

И начали они драться.

Были у зайца маленькие круглые ушки, мангуста вцепилась в них, они и вытянулись. Уши у мангусты были длинные-длинные, заяц ухватился за них, они и оборвались.

Вот почему теперь у зайца уши длинные, а у мангусты короткие.

Гости с Миона

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение

Проснулись Анна и Скрибин в небольшой комнате, совсем не похожей на ту, куда их привел офицер. На ногах у них были сандалии с толстыми свинцовыми подметками. За стеклами иллюминаторов в черном мраке сверкали звезды.

Выяснилось, что инженера и его дочь усыпили и перенесли в ракетоплан. Через некоторое время к ним пришел Браун. Он говорит, что его насильно втянули в эту авантюру и что он очень сожалеет о случившемся. Браун также сказал им, что ракетоплан по приказанию Старика летит на Луну. Чтобы хоть как-то искупить свою вину, Браун обещает сообщить по радио о похищении. Конечно, если Вега об этом узнает, Брауну несдобровать. Но он готов пожертвовать жизнью. Все равно ведь он неизлечимо болен.

У Скрибина и Анны мало надежды на Брауна. Но кто знает, может, он и вправду решил им помочь? К тому же на Луне, возможно, удастся связаться с друзьями: у Объединенных социалистических республик там тоже есть свои ракетодромы.

РАКЕТА БЕЗ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗНАКОВ

За столиком в небольшой белой столовой обедали четверо. Браун то и дело исчезал за узкой дверью и появлялся вновь с подносом в руках.

— Положи-ка мне кусочек поподжаристее,— сказал Робсон,— у меня сегодня зверский аппетит!

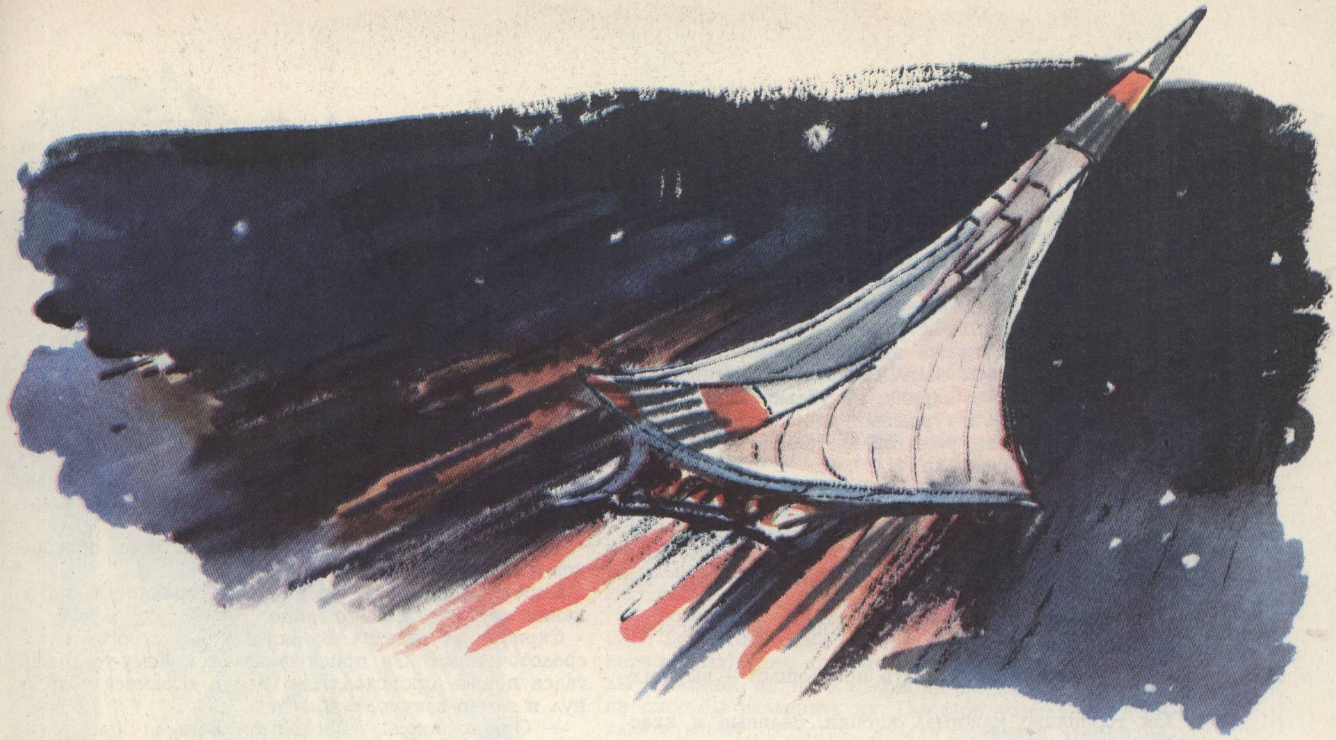
Робсон был первым пилотом «Космоса». Пестрый шерстяной свитер и узкие брюки подчеркивали его мускулистую гибкую фигуру. Ракетоплан в это время вели автоматы, и Робсон мог спокойно наслаждаться обедом.

— На здоровье,— сказал Джеймс и поднял флягу с красным вином. Обрюзгшее лицо его было фиолетового оттенка. Этот приземистый располневший сорокалетний мужчина был механиком и помощником Робсона.

Третий член экипажа, Джерри Гардон, самый молодой из всех, ел молча и сосредоточенно, целиком поглощенный этим занятием.

— А вы почему не обедаете, сэр?—спросил Браун.

Вега не ответил. «Гости», как он называл их, доставляли ему немало хлопот. Он ненавидел пленников, но был вынужден всячески угождать им и доставить их целыми и невредимыми на Луну.

Петр **СТЫПОВ**

Перевела с болгарского
Р. АНДРЕЕВА

Рисунки М. АЛЕКСЕЕВА

Браун вышел. Вега продолжал думать о своем. Потом он положил на тарелку кусок мяса, молча чокнулся с Робсоном и, повернувшись к двери, за которой скрылся Браун, крикнул:

— Браун, захватите содовой!

Браун ничего не ответил.

— Вот тип! — выругался Вега.— Куда он запропал!

Немного подождав, он встал и сам отправился на кухню. Там никого не было. Дверь в коридор была полуоткрыта.

— Браун!

Никто не ответил. Вега быстро вышел в коридор. В противоположном конце его он увидел широко открытую дверь в кабину управления. Оставлять двери открытыми в полете было не в правилах космонавтов. Обеспокоенный, он заглянул в кабину. Браун сидел за столом Джерри с наушниками на голове. Перед ним вспыхивали и гасли сигнальные лампочки радиопередатчика. Он нажимал какие-то кнопки, вертел ручку настройки и напряженно говорил, говорил!

— Алло, Москва! Москва! Вызываю Москву! Или Космоград! Пусть слушают все радиостанции Объединенных социалистических республик! Слышите меня?.. Отвечайте! Москва! София! Космоград! Берлин! Здесь «Космос»...

Наконец Вега пришел в себя, бросился вперед и, яростно рванув шнуры, соединяющие наушники с рацией, закричал:

— Ты что делаешь, негодяй!

Браун выпрямился. Лицо его побледнело, глаза сверкали.

Вега размахнулся и ударил Брауна. Скрипач рухнул на пульт. Вега схватил упавшего и изо всей силы толкнул к двери. Потом оборвал попавший под руку провод. Осколки стекла, стрелки приборов, разбитые сигнальные лампочки посыпались на пол.

— Предатель! — истерично кричал Вега.— Попробуй... теперь... сообщи! Вот тебе!

Он в исступлении топтал хрустящие под его ногами осколки.

Вдруг сильные руки схватили его за плечи и отбросили к противоположной стене.

— Эй, шеф! Ты что, рехнулся!

Радист Джерри впервые говорил ему «ты». Его голос подействовал на Вегу отрезвляюще. Он схватился руками за голову и, глядя на дело своих рук, сокрушенно сказал:

— Это негодяй Браун виноват!

Браун стоял в коридоре, вытирая ладонью кровь, которая струйкой бежала из уголка рта.

— Вы о нас подумали? Теперь мы отрезаны от всего мира,— сказал в отчаянии Джерри и стал собирать разлетевшиеся по полу детали рации.

К Веге возвращалось его обычное самообладание.

— Я чуть с ума не сошел, когда увидел тут этого типа! — сказал он более спокойным тоном.— Джерри, неужели ничего нельзя поправить?

— Не знаю, попробую... Эх, мистер Вега! Что вы наделали! Ведь нам ни на минуту нельзя терять связи с Землей! Вы мне поможете?

— Конечно, Джерри! А вы, Робсон,— обратился он к вошедшему пилоту,— отведите этого типа в его кабину и заприте.

Вега сидел, развалившись в кресле. Он устал — три часа устраняли они вместе с Джерри повреждения. Передатчик начал работать, правда, с шумами и помехами, но они и этому были рады...

Вега посмотрел в иллюминатор и вздрогнул. Нечто, излучающее ослепительный серебристый свет, проплывало в космическом пространстве.

Вега подскочил к иллюминатору. Нет, это не астероид. Он увидел цилиндрический корпус, заостренный нос, корму со стабилизаторами. Ракета рядом с их «Космосом». Но их не предупредили, что между Землей и Луной в это время будет находиться ракета. Что же это? Заблудившийся искусственный спутник Земли?

— Мистер Вега! Мистер Вега, немедленно явитесь в кабину управления! Скорее! — тревожно заговорил динамик.

Через мгновение он уже был у двери со светящейся табличкой «Вход воспрещен!». Дверь открылась, и на пороге появился Робсон — первый пилот.

— Какая-то странная ракета без опознавательных знаков! Видели? — спросил он встревоженно.

— Неужели они преследуют нас? — вырвалось у Веги.

— Вы думаете? Корабль очень странного вида! Смотрите!

Вега бросился в кабину. На экране внешнего обзора был виден необычный космический корабль. Он приближался к «Космосу».

— Двигатели! — приказал пилот.

Джеймс, невозмутимо жевавший жевательную резинку, потянул на себя рычаг.

Вегу отбросило вправо, но он вовремя ухватился за кресло, на котором сидел Джеймс. Веретеноподобный корабль исчез с экрана, но только на секунду. В следующий миг он, огромный, сверкающий и грозный, появился вновь, уже гораздо ближе.

Робсон, нервничая, кричал:

— Джерри! Ты что, спишь? Сообщи Земле!.. Что говорят там?

Радист сидел, склонившись над своей аппаратурой.

— Земля! Земля! «Космос» А-1! «Космос» А-1! Нас преследует неизвестный корабль. Может быть, это советская ракета!

В наушниках слышался только писк и потрескивание.

— А, черт! Что тут опять произошло? — выругался Джерри.

Он торопливо нажимал кнопки. Зеленые и красные лампочки тревожно вспыхивали, но в наушниках по-прежнему раздавался все тот же писк и треск.

— Но мы же починили аппаратуру! — сказал Вега.

— Лучше было бы ее не ломать! Кроме того, очевидно, эта ракета создает помехи! Связь прервана!

Сильный удар потряс «Космос». Двигатели его захрипели и смолкли. Из корпуса неизвестной ракеты выдвинулись и потянулись к «Космосу» длинные извивающиеся щупальца. «Космос» закачался, потом снова принял стабильное положение и вдруг понесся с небывалой скоростью. Контрольная аппаратура не работала, но было очевидно, что «Космос» двигался, увлекаемый неведомой силой. Четверо людей, собравшихся в кабине пилота, молча переглядывались.

Вега первым вышел из охватившего всех оцепенения.

— Что, собственно, произошло? — спросил он.

— Мы в плену,— ответил Робсон.

Неизвестная ракета крепко держала добычу своими эластичными щупальцами и уносила ее... Куда?

— Смотрите! Астероид! Мы летим прямо на него! — воскликнул Джеймс.

Все вздрогнули. На экране появилась гигантская серебристая глыба — такого же цвета, что и неведомый корабль. Она напоминала плоскую рыбу длиной в несколько километров и шириной не менее пятишести сотен метров. Глыба с каждой секундой росла, приближалась, все больше заслоняя собой видимое на экране пространство.

— Нет, мистер! — ответил Робсон.— Это не астероид. Наверное, искусственная планета.

— Планета? Здесь? Это невозможно!

— Почему? А может, это Жемчужная звезда... Советская ракета тащит нас на свою Жемчужную звезду!

— Жемчужная звезда смонтирована из цилиндрических и сферических сооружений,— сказал Скрибин, входя в кабину.— Это не наша искусственная планета.

— Чья же в таком случае? — Вега невольно прикрыл глаза.— Господи, конец!

Но ракета не ударилась о серебристую планету, а легко и плавно заскользила по ней. Все вздохнули с облегчением. Скорость заметно падала. Где-то в центре космического острова взметнулись эластичные щупальца, подобные тем, что охватывали «Космос». Ракета, несущая плененный ракетоплан, медленно приблизилась к ним. Щупальца обхватили ее. Все в «Космосе» почувствовали, что он остановился.

На плоской поверхности космического острова поднялась крышка большого люка. Оттуда появился шар, затем соединенный с ним цилиндр из прозрачного материала, внутри которого двигалось какое-то огромное существо. Другое такое же существо в таком же прозрачном костюме отделилось от ракеты. Оба исчезли в люке, и крышка опустилась.

СУЩЕСТВА ИНОГО МИРА

Они погружались. Погружались медленно и плавно, как будто бесшумный лифт опускал их в какую-то шахту. И странно, с каждой минутой они все меньше ощущали невесомость. Движения становились уверенными, привычными, точными, как на Земле. Сандалии с металлическими подметками, веса которых они до сих пор не чувствовали, теперь стали тяжелыми.

— Что же это такое? — воскликнул Вега, обращаясь к Скрибину.

Выражение страха, крайней растерянности, удивления застыло на его лице.

Скрибин не ответил. Взгляд его был строгим и сосредоточенным. Он прислушивался к чему-то и пытался понять происходящее. Вдруг «Космос» вздрогнул и замер в неподвижности.

— Остановились! — прошептал Вега.

Стены ракеты вдруг как бы исчезли: «Космос» стал прозрачным. Отчетливо видны были машины, аппаратура, кабина, склады... Робсон, Джеймс, Джерри, сидящие в кабине управления, с недоумением и страхом оглядывались по сторонам. Это была уже не ракета, а металлический призрак — удивительный и потому устрашающий. Но вот исчезли и тела людей, видны были только их внутренние органы. Скрибин с изумлением смотрел на бьющееся сердце Веги. Видел, как его кровь пульсирует по густой сети толстых и тонких артерий и вен, как будто Вега превратился в стеклянного человека.

Это продолжалось всего несколько мгновений. Скрибин снова увидел перед собою непрозрачного Вегу, увидел непроницаемую для глаза стену коридора и двери кабин.

— Они рассматривали нас...— прошептал Вега.— Какие фантастические лучи!

Вега вопросительно смотрел на Скрибина, ожидая пояснений.

— По всей вероятности, они приняли меры, чтобы уничтожить все земные микробы.

— А если они уничтожат и нас? — спросил Вега.

— Не думаю,— возразил Скрибин.— Судя по всему, это высокоразвитые существа, и, по-видимому, их моральные принципы выше ваших.

Вошла Анна. Лицо ее было бледным, шаги неуверенными.

— Папа, что это? Что это было? — спросила она.

Скрибин повторил свое предположение.

— Я думаю, что у них мирные намерения,— продолжал совершенно спокойно Скрибин.— Это такие же разумные существа, как и мы... Но достигшие, несомненно, еще более высокого уровня развития. У них ракеты мощнее наших, и искусственная планета совершеннее. И эти странные лучи... Не бойся, Аня! Это замечательно, что мы встретились с ними!

— Это действительно страшно интересно, но я все же немного боюсь,— вздохнула Аня.

Встреча с неземными разумными существами! Сколько раз она мечтала об этом! Как они выглядят? Откуда прилетели?

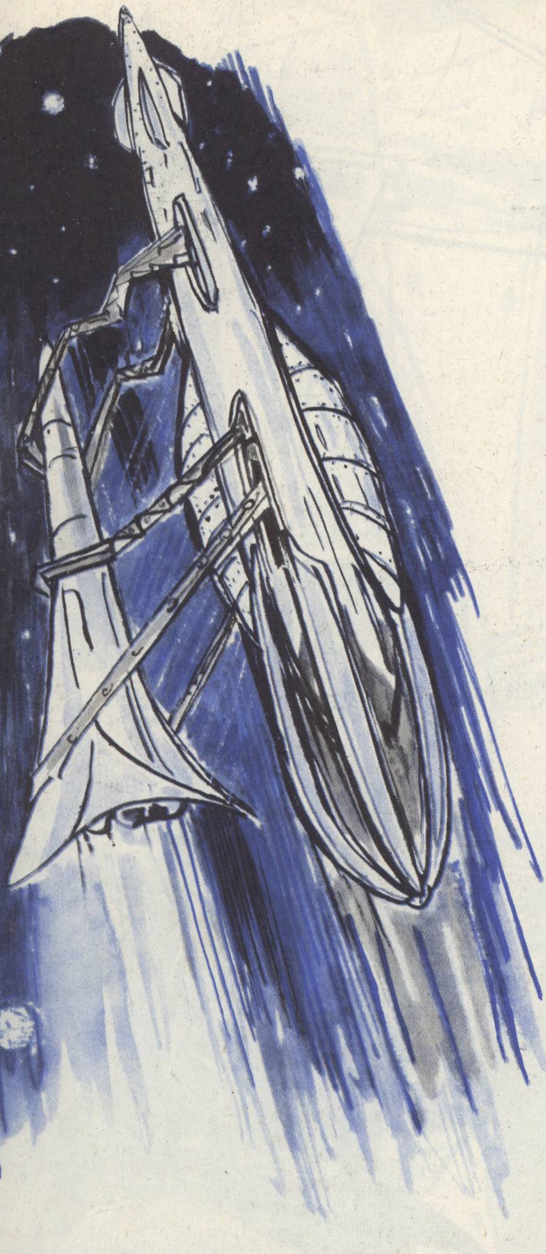
— Откройте люк! — сказал Скрибин.

Вега испуганно возразил:

— Это сумасшествие! Стоит открыть ракету — и мы мгновенно погибнем без воздуха!

— Да, если бы мы находились в космическом пространстве. Но наша ракета сейчас стоит в каком-то ангаре. И эти живые существа должны чем-то дышать!

— Без сомнения, они дышат,— сказала Анна.— Но если состав воздуха иной?

«Космос» двигался, увлекаемый неведомой силой.

— Едва ли. Судя по технике, образ мышления их подобен нашему, надо полагать, что и развивались они подобно земному человеку...

— Может быть, вы правы,— сказал Вега.— Подождите одну минутку!

Он исчез в кабине управления и вскоре появился, чем-то успокоенный.

— Приборы показывают, что все в порядке. Давление снаружи приблизительно равно земному на высоте в восемьсот — тысячу метров над уровнем моря. Состав газов почти соответствует земной атмосфере, только кислорода несколько больше. Я приказал открыть люк.

— Как здесь холодно! — сказала Аня.

В открытый люк со свистом врывался холодный воздух, заполняя все уголки «Космоса», и Анне показалось, чтс дышать стало значительно легче.

— Прохладно,— подтвердил Скрибин,— но я чувствую себя превосходно!

— Можно подумать, что мы находимся в горах.

Вега поднялся по ступеням и выглянул из люка.

— Никого,— проговорил он.

Голос его звучал приглушенно, как бы издалека.

— Мы находимся в зале... огромном зале с голубым куполом над головой,— продолжал он.— Стены сероватые, а пол как будто из свинца. Никого и ничего нет. Освещение неяркое... словно в пасмурный день.

В следующую секунду стена напротив раздвинулась, и в образовавшемся отверстии показался человек. Он был огромного, выше двух метров, роста, в остальном же походил на жителей Земли, только черепная коробка у него была сравнительно шире, объемистее и голова казалась почти круглой; подбородок овальный, нос чуть приплюснутый, глаза, как у земных жителей, но без бровей, или же они были очень светлыми и потому незаметными. Изящно очерченный небольшой рот ничем не отличался от рта земного человека. На голове росли густые волосы. Но, несмотря на человеческие черты, лицо великана казалось страшным и даже уродливым.

В первый миг Скрибин не мог понять причины такого впечатления. Страшно. Большие, абсолютно круглые глаза смотрели на него беззлобно и с любопытством.

Великан стоял неподвижно и разглядывал Скрибина и Вегу. Они тоже смотрели на него. Вскоре из-за первого выступил второй великан, как две капли воды похожий на него. Скрибин ни за что на свете не смог бы различить их. Пока он удивлялся этому разительному сходству, в зале появился третий великан. Он ступал медленно, на всю ступню и при ходьбе размахивал руками, как все люди.

Все трое остановились посреди зала и, глядя вверх, молчали. Вдруг прозвучал мощный голос, хотя губы великанов не двигались. Голос исходил из стен. Наверное, в них были вмонтированы громкоговорители. Слова были краткими и мелодичными. Скрибин ясно различал гласные и согласные звуки, но речь в целом была непонятна.

Скрибин ничего не ответил. Молчал и Вега.

Голос снова задал вопрос.

В ответ прозвучал другой голос — нежный и мягкий, и пораженный Скрибин понял каждое слово. Голос произнес:

— Эти слова мне что-то напоминают.

Скрибин догадался, что это говорит Анна. Оглянувшись, он увидел ее в окружении пилотов и радиста.

— Прошу тебя, папа,— попросила она, протискиваясь к отверстию люка. Увидев молчаливых гигантов, она вскрикнула от неожиданности и замерла, словно утратив дар речи.

— Не бойся,— подбодрил ее Скрибин.— Может быть, мы кажемся им не менее уродливыми и страшными.

В руке одного из великанов блеснул продолговатый металлический предмет, напоминающий огромную авторучку. Он

В открытый люк со свистом врывался холодный воздух.

направил его концом к куполу, от которого тут же отделилась квадратная платформа. Медленно паря в воздухе, она остановилась перед люком «Космоса». Тогда великан махнул рукой, махнул так, как это сделал бы каждый человек, подзывая кого-нибудь.

— Предлагает нам сойти,— проговорил мертвенно бледный Вега.

Скрибин ступил на платформу. Вега воскликнул:

— Что вы делаете, мистер, вернитесь! Мы не знаем намерений этих чудовищ!

— Разве вы не видите, что их намерения самые миролюбивые! — ответил Скрибин, сделав знак рукой, что хочет спуститься.

Великан снова поднял «авторучку», и платформа плавно опустилась на свинцово-серый пол. Скрибин решительно шагнул вперед и приветственно склонил голову. Все три великана ответили ему неловким поклоном. Инженер выглядел перед ними карликом, гномом.

Странное впечатление произвели на него совершенно круглые глаза великана, стоявшего ближе других. Они, казалось, излучали желто-зеленое сияние. У второго великана глаза были оранжевые, а у третьего — красноватые. Эти огромные круглые глаза смотрели с любопытством, смотрели умно. Синеватая пленка век время от времени опускалась на секунду, закрывая глаза. Кожа лица и рук великанов была бело-розовая, гладкая, без морщин. Ушные раковины почти круглой формы казались слишком маленькими для такой огромной головы.

Скрибин чувствовал, как взбудораженные нервы его успокаиваются. Казалось, глаза великанов излучали какой-то ток.

— Иван Скрибин! — сказал он, положив руку на грудь.— Иван! Иван!

Лицо гиганта, стоявшего ближе всех к Скрибину, оживилось. Мускулы его дрогнули, у рта образовались складки, глаза засмеялись. Да, великан смеялся. Смеялся, как всякий земной человек, и лицо его стало от этого привлекательным и добродушным.

— Таомей,— промолвил он, указав на себя.

Скрибин ожидал услышать громогласный рев, могучий и грозный. Но вместо этого губы великана произнесли это единственное слово тихо, как-то по-особенному мягко и тепло. Скрибин взглянул вверх, где у люка ракетоплана стояли Анна и Вега, и громко крикнул им:

— Вы слышали?

Все трое великанов отступили назад, прикрыв ладонями уши. Лица их выражали крайнее недоумение. Они переглянулись, один из них совсем тихо сказал несколько слов. Его голос также оказался мелодичным и приятным.

— Папа, не говори так громко. У них, наверно, более совершенный слуховой аппарат, и твой голос их раздражает,— ответила Анна, стараясь говорить тише.

— Верно, Аня.

Скрибин указал в сторону дочери и Веги и улыбнулся.

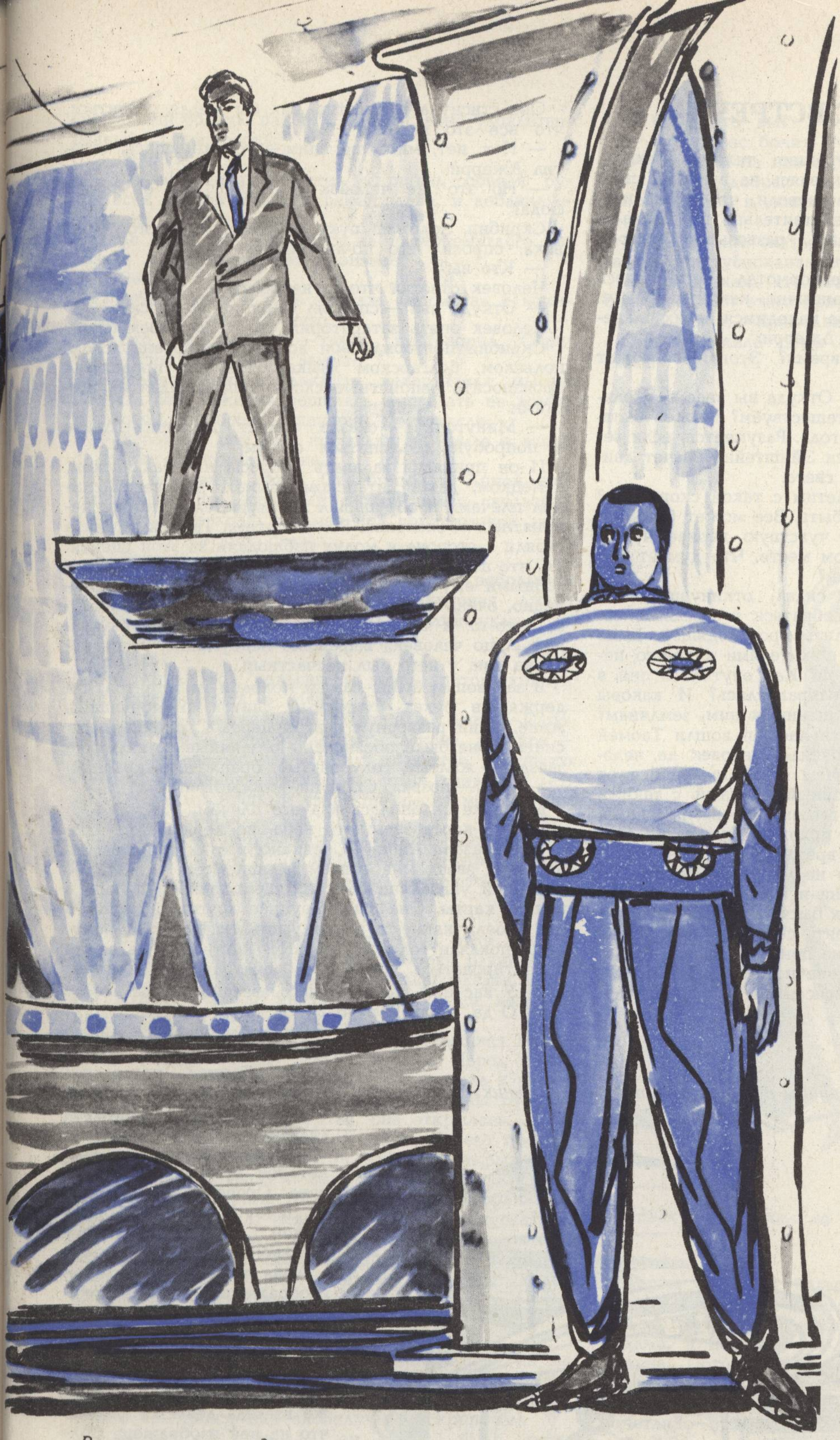
— Айя, айя! — сказал великан и несколько раз кивнул.

В руке его снова блеснул металлический предмет. Он направил его острием к платформе. Она легко поднялась и замерла как раз под люком. Анна и Вега ступили на нее, и платформа плавно опустилась. Из люка выглянули члены экипажа «Космоса». Платформа снова поднялась и опять опустилась вместе с Робсоном, Джерри и Джеймсом.

Один из гигантов вышел из зала и скоро вернулся с белым полированным шкафом, напоминавшим холодильник, который бесшумно скользил рядом с ним. Трое великанов посмотрели на Анну. Один из них, назвавший себя Таомеем, сказал что-то, и дверца «холодильника» открылась. Внутри виднелись лупы, зеркала, циферблаты, экраны, трубки, рычаги, а также сиденье. Таомей указал на Анну, потом на открывшуюся дверцу.

— Он хочет, чтобы я вошла внутрь,— прошептала Анна, побледнев.

Великаны почувствовали ее колебание. Таомей посмотрел на того, что был немного ниже ростом и чуть полнее других. Тот усмехнулся добродушно Анне и вошел в «холодильник». Дверца закрылась. Внутри что-то тихо зажужжало, защелкало, наподо-

Великан снова поднял «авторучку», и платформа плавно опустилась.

бие пишущей машинки. На сером экране над дверью появились какие-то изображения, диаграммы, знаки, снимки внутренних органов человека. Наконец жужжание и щелканье смолкли. Дверца открылась. Оттуда, улыбаясь, вышел великан. Он ткнул себя пальцем в грудь и отчетливо произнес низким баском:

— Мейзо!

— Папа, что он хочет сказать?

Скрибин указал на гиганта и спросил:

— Мейзо?

— Айя, айя! Мейзо! — повторил Таомей, положил руку на плечо третьего гиганта и добавил: — Элий!

Элий добродушно заулыбался, словно ребенок.

Таомей подошел к девушке, взял ее за руку своей теплой рукой и повел к аппарату, настоятельно повторяя «Яое, яое, яое». Преодолев страх, девушка покорно вошла в «холодильник». Скрибин сказал ей вслед:

— Смелее, моя девочка! Они, наверное, хотят исследовать человеческий организм. Не бойся!

На экране опять появились диаграммы, знаки, снимки... Из щели в стенке аппарата выпадали тонкие металлические листки с какими-то обозначениями. Но замечательнее всего было то, что машина говорила — говорила таким же мягким, приятным, мелодичным голосом, как и великаны. Она, видимо, что-то объясняла, и гиганты слушали ее с большим интересом. Самый молодой из них, назвавший себя Мейзо, казался очень взволнованным. Время от времени он произносил какие-то слова, и двое других взглядами выражали свое согласие. Потом Мейзо собрал листки и углубился в них, словно врач (позднее оказалось, что он действительно был врач), который внимательно изучает результаты клинических исследований.

Щелк!

Дверца открылась, и Анна вышла.

— Ты почувствовала что-нибудь? — спросил Скрибин.

— Нет. Я спокойно сидела, дышалось легко, мне даже было приятно.

Скрибин решил было попытаться объясниться с великанами при помощи жестов и знаков, но не решился: они оживленно разговаривали между собой. Великаны не произносили ни слова, даже не жестикулировали. Они объяснялись взглядами, выражение их лиц быстро менялось.

— Ты знаешь, Аня, эти существа пользуются биологической радиосвязью. Они передают мысли посредством телепатии. Поэтому они немногословны.

Таомей подал знак рукой

— Зовет нас,— догадалась Анна.

Перед ними в стене открылась дверь.

Все вошли в просторный зал. Здесь тоже не было окон, но свет был значительно ярче. На стенах висели яркие картины, на них были изображены великаны и высокие куполообразные здания. Столы и изящные стулья в зале были изготовлены из материала, похожего на пластмассу. Таомей указал на них рукой, что-то сказал, поклонился и исчез вместе с другими великанами за дверью...

СТРАННЫЕ ВСТРЕЧИ

— А эти сандалии страшно тяжелы,— сказал Джерри, не без труда усаживаясь на высокий стул.

Только теперь все почувствовали, что металлические подметки сандалий действительно потяжелели. Оба пилота и Вега нагнулись, развязывая шнурки сандалий.

— Черт знает что! — пробормотал Вега.— Здесь чувствуешь себя так же привычно, как и на Земле.

— А может быть, мы уже находимся на их планете? — озабоченно заметил Джерри.

— За такое короткое время? Этого не может быть,— возразила Анна.

— Почему же нет, мисс? Откуда вы знаете, сколько времени мы с вами путешествуем? Может быть, уже прошел целый земной год... Разумеется, если верить теории относительности Эйнштейна насчет движения тел со скоростью света.

— Вы думаете, что мы летим с такой скоростью?

— Не знаю... Но может быть. Все может быть. Во всяком случае, я ничего не чувствую, вернее, чувствую, что мы стоим на одном месте. Что думает обо всем этом мистер Скрибин?

Скрибин не ответил. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и старался собраться с мыслями, сопоставить факты и осмыслить происходящее. Было ясно, что они встретились с жителями какой-то неизвестной планеты. Но какой? Как очутились они в Солнечной системе? Куда направлялись? И каковы были их намерения по отношению к ним, землянам?

Дверь в зал вдруг распахнулась, и вошли Таомей и Мейзо, следом за ними появился человек, да, человек, ростом и обличьем ничем не отличавшийся от земных людей. Он был стройный, смуглый, с такими же, как у жителей Земли, глазами, бровями, ушами. Полные губы делали его похожим на негра.

Человек этот некоторое время рассматривал землян и казался пораженным не менее их самих. Потом он вдруг упал на колени и начал кланяться. Он кланялся и говорил, говорил быстро, захлебываясь, и продолжал торопливо говорить с горечью и мольбой в голосе. Однако Скрибин не понял ни слова.

— Это невероятно! Мы, конечно, все спим! Это нереально! — воскликнула потрясенная до глубины души Анна.

Она стиснула руку отца, как бы желая убедиться, что все это не сон.

— Нет, нет, мисс, не спим,— усмехнувшись, ответил Джерри.

— Но это же человек с Земли! Как он попал сюда?

Скрибин, положив руку на плечо смуглого человека, спросил его по-английски:

— Кто вы?

Человек ответил что-то непонятное.

— Откуда вы? — спросил Скрибин по-русски.

Человек опять затараторил что-то на своем языке.

Скрибин повторил свои вопросы на французском, польском, болгарском языках. Человек продолжал произносить непонятные слова, сопровождая их жестами.

— Минуточку! — сказал радист Джерри.— Дайте я попробую объясниться с ним.

И он принялся задавать вопросы на итальянском, немецком, даже китайском языках. Человек пожимал плечами и обрушивал на слушателей потоки непонятных объяснений. Все это время Таомей и Мейзо стояли в стороне и молча наблюдали за этой сценой. То, что попытки смуглого человека объясниться с подобными ему существами оказались тщетными, очевидно, очень удивило и взволновало их. Таомей сказал что-то, и человек ответил ему на языке великанов. Лицо человека выражало недоумение, разочарование. Вид у него был несчастный...

В зал вошел Элий, самый молодой из гигантов. Он держал в руках бумажный свиток. Улыбнувшись Анне, Элий развернул свиток перед Скрибиным. На синем фоне были обозначены различные по величине звезды — желтые, голубоватые, оранжевые, красные.

— Аня,— позвал Скрибин,— посмотри!

Она уже склонилась над его плечом.

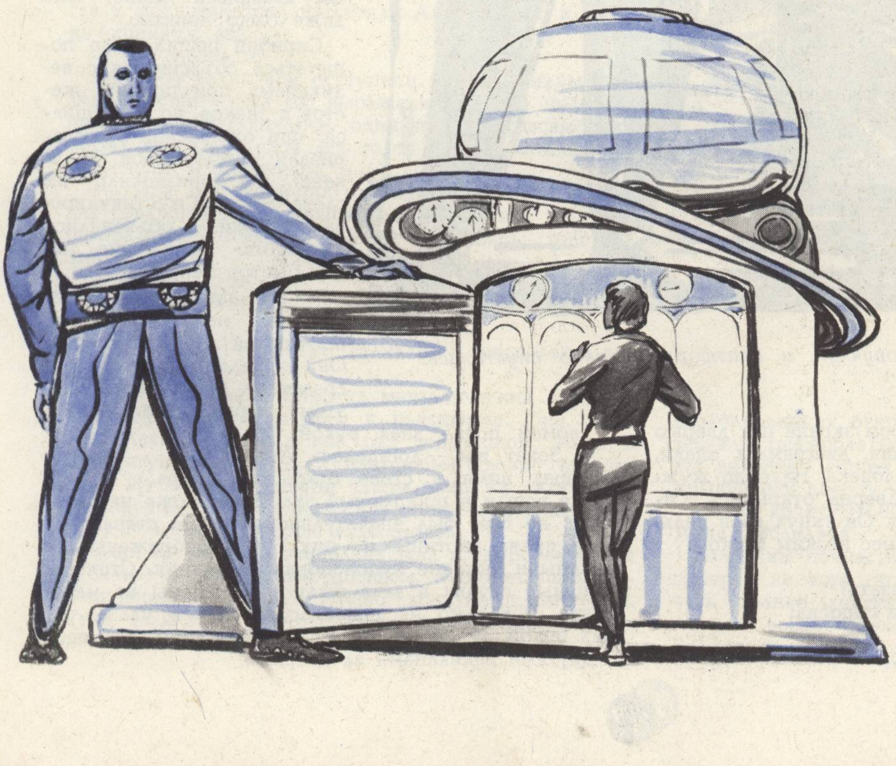
— Это карта звездного неба, но не нашего,— сразу же сказала Анна.— Очевидно, это их небо: расположение звезд мне совсем незнакомо.

Таомей указал на одну из звезд, находившуюся в центре карты. Она была крупнее других, и рядом с ней стояли какие-то знаки. Анна смущенно улыбнулась, покачав головой. На этой карте она не могла ориентироваться. Тогда она обратилась к Робсону:

— У вас есть карта нашего звездного неба?

— О да, мисс! И не одна! Я могу принести.

Преодолев страх, девушка покорно вошла в «холодильник».

Робсон направился к двери и сделал знак рукой, чтобы Таомей последовал за ним, потому что в «Космос» можно было подняться только с помощью платформы, прибор для управления которой находился у великана. Скоро они вернулись, и пилот развернул перед Анной большую карту звездного неба Земли.

Анна указала на Солнце, изображенное в виде ярко-желтого диска. Таомей с Элием обменялись несколькими словами, и Элий тут же развернул перед Анной другую карту. С первого же взгляда девушка поняла, что на ней изображена Солнечная система.

Она закивала головой и, совсем забыв, что великаны не понимают ее, быстро заговорила:

— Да-да! Это наша Солнечная система! Да! Карта совсем точная! — Анна указала пальцем на третью от Солнца планету и пояснила: — Земля! Земля! Наша Земля!

И с любовью погладила пальцем кружочек, изо-

бражавший родную планету. Таомей, явно удовлетворенный, переспросил:

— Земля?

— Да-да! Земля,— ответил Скрибин, обведя рукой всех членов экипажа ракетоплана, и добавил:— Земляне!

Тогда Элий положил руку на плечо смуглого человека и торжественно произнес:

— Земля!

Скрибин, Анна и весь экипаж «Космоса» с изумлением смотрели на него.

— Это невозможно! — глухо проговорил Скрибин.— Этот человек с Земли?

В голове Анны мелькнула невероятная мысль. Сначала она даже не решилась высказать ее вслух, но потом, поборов смущение, произнесла:

— Вероятно, они уже побывали на Земле и взяли с собой одного человека...

Элий развернул перед Скрибиным и Анной еще одну карту. Его огромный гибкий палец скользнул к нижнему ее краю и замер под ярко-красной звездой. Элий отчетливо сказал:

— Зейра!

Неподалеку от звезды все увидели небольшой кружочек оранжевого цвета. Пунктирная линия отмечала его путь вокруг звезды. Элий указал на кружочек и медленно выговорил:

— Мион!

Он ткнул себя пальцем в грудь, потом кивнул в сторону Таомея и Мейзо.

— Мион,— машинально повторила Анна.— Папа, это их планета. Они прилетели с Миона, а Зейра — звезда, расположенная где-то в центре Млечного Пути и отдаленная от нас на сотни световых лет. Даже в самый мощный телескоп мы не можем увидеть ее с Земли.

Все замерли и слушали ее, затаив дыхание. На лицах землян застыло выражение беспредельного удивления. Вдруг в тишине раздался чей-то сдавленный голос:

— Воды!

В дверях стоял Браун. Он протянул руки вперед, словно искал опоры, и тут же, потеряв равновесие, отшатнулся к стене. Он был смертельно бледен, кожа его осунувшегося до неузнаваемости лица казалась прозрачной.

Он долго лежал в своей кабине. Страшная головная боль мешала ему забыться сном. Перед глазами расплывались круги, тошнота подступала к горлу. Наконец, он поднялся и, опираясь о стены руками, подошел к двери. Толкнул ее, она открылась.

Он крикнул, что было сил, но голос его прозвучал, как в гробнице. Заметив, что люк открыт, Браун поднялся по трапу и выглянул наружу. «Космос» стоял посреди огромного ангара. Пыхтя и обливаясь потом, Браун стал медленно, неловко спускаться. Оказавшись на полу, он полежал немного, чтобы отдышаться, затем, шатаясь, направился к открытой двери и потащился по длинному коридору. Услышав за одной из дверей голоса, он вошел и с трудом вымолвил:

— Воды!

Анна подбежала к нему, и он повалился ей на руки. Девушка не смогла удержать обессиленное тело Брауна и опустила его на пол.

Вега склонился над злополучным скрипачом.

— Безнадежен,— сказал он.— Надо было оставить его на Земле, одни только неприятности с ним.

— Где можно достать воды? — спросила Анна.

Мейзо опустился на колени перед Брауном, приподнял ему веки, затем взял его на руки и легко понес к двери. Анна последовала за ним, повторяя, что больной хочет воды. Мейзо вопросительно посмотрел на нее. Тогда Анна поднесла к губам сложенные горстью руки и сделала вид, что пьет воображаемую воду. Мейзо улыбнулся и покачал головой.

Они вошли в какую-то комнату. Мионянин положил Брауна, словно ребенка, на низкую кушетку и отошел к белому шкафу. Анна нагнулась над Брауном. Он с трудом открыл глаза и простонал:

— Ох... Это вы?

— Что у вас болит? — тихо спросила Анна.

Он смотрел на нее с грустью и мольбой.

— Как вы добры, а я... Мне стыдно за себя. Если бы я остался в живых, я бы сумел вам доказать, что...

— Вы будете жить, Браун, не волнуйтесь! — сказала Анна успокаивающе.

Ей было жаль его. Она с участием смотрела на больного, и от этого Браун страдал еще больше.

— Я умру,— промолвил он.

Она положила руку на его лоб. Браун закрыл глаза.

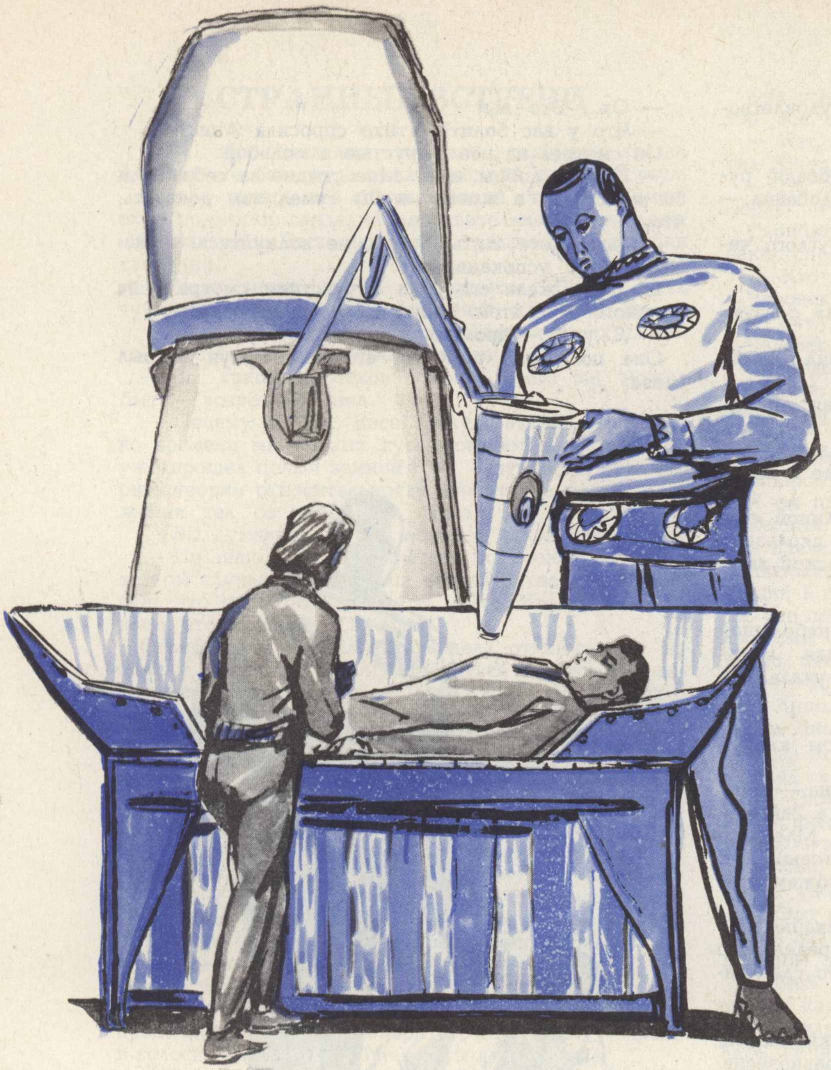

Человек вдруг упал на колени и начал кланяться.

Держа в руках белый эмалированный ящик, к больному подошел Мейзо. Он достал из ящика какие-то трубочки, соединенные разноцветными проводами, и положил их на грудь, живот и голову Брауна. Потом повернул диск, нажал кнопку. На крышке ящика появились синевато-розовые пятна. Мионянин некоторое время рассматривал их, затем отчетливо проговорил:

— Айя, айя!

Убрал аппарат и придвинул к кушетке белый шкаф, после чего направил на грудь Брауна соединенный со шкафом большой воронкообразный прибор и нажал рычаг. Грудь больного сразу стала прозрачной. Анна ясно видела легкие, которые то сжимались, то расширялись, миллионы пузырьков наполнялись воздухом и выталкивали его. В левом легком сразу можно было заметить темное уплотнение, от которого, словно щупальца, расходились многочисленные ответвления, как бы стремящиеся охватить все легкое. Но вот случилось нечто невероятное. Уплотнение понемногу изменило свой цвет, побледнело и, наконец, исчезло совсем, словно ледышка под лучами солнца...

Анна ясно видела легкие, которые то сжимались, то расширялись...

Таомей был явно удовлетворен. Он взмахнул своими огромными ручищами и произнес слово, подобное первому. Затем он нажал маленький рычажок, и аппарат отчетливо проговорил:

— Мей — голова, ал — рука, але — руки.

Скрибин и Таомей поочередно называли находившиеся перед глазами предметы. Мионянин перечислял части тела, двигался, принимал различные позы и вслед за тем произносил их названия на своем языке. Скрибин же, со своей стороны, добросовестно называл эти движения по-русски. Так, аппарат записал глаголы «садиться», «вставать», «идти», «открывать», «спать», «брать»...

Скрибин достал из кармана носовой платок, перочинный нож и с удивлением увидел, что Таомей положил на свою ладонь такие же предметы. Только его перочинный ножик был по меньшей мере втрое больше, а платок из тончайшей ткани напоминал размерами столовую салфетку. Таомей развернул перед Скрибиным карту Солнечной системы. Потом поднял руку вверх и, описав ею круг, произнес какое-то слово.

— Небо,— догадался Скрибин.

Он указал на карте несколько точек, повторяя при этом: «Звезда, звезда...». Таким же образом он объяснил слово «планета», переводя палец с Марса на Венеру, Юпитер, Сатурн. Таомей произносил вслед за ним слова с тем же значением на своем языке. Аппарат послушно записывал.

Сколько времени продолжалась эта игра в слова и фразы, которые должен был «запомнить» электронный мозг аппарата? Наверное, часа два-три. Наконец, Таомей нажал последовательно несколько кнопок и, став перед золотистой сеткой аппарата, произнес какую-то фразу. Послышалось

Браун все еще лежал с закрытыми глазами. Но желтизна постепенно сходила с его лица, на нем проступил румянец. Дыхание его становилось с каждой минутой ровнее, ритмичнее...

ВСЕ ВЫЯСНЯЕТСЯ

Таомей дал знак Скрибину следовать за ним. Они вошли в небольшое светлое помещение, напоминавшее лабораторию,— кругом стояли приборы из пластмассы, стекла и металла. Таомей указал на стул. Скрибин сел. Мионянин подкатил к нему какой-то прибор, похожий на телевизор, но вместо экрана спереди помещалась тонкая, золотистого цвета сетка. Таомей нажал кнопку, и внизу зажегся зеленый глазок.

Потом он указал на свою голову и, пристально глядя на Скрибина, отчетливо произнес:

— Мей!

Заметив минутное колебание Скрибина, мионянин повторил:

— Мей! Мей!

Затем показал на голову инженера и вопрошающе посмотрел ему в глаза. Скрибин быстро ответил:

— Голова!

Мионянин с улыбкой кивнул несколько раз головой. Потом поднял руку и снова сказал какое-то слово своим мелодичным голосом. Скрибин проговорил вслед за ним:

— Рука! — И, протянув вперед обе руки, добавил: — Руки!

тихое гудение и щелканье, как в вычислительной машине, и плотный металлический голос сказал:

— Я вошел в эту комнату.

Скрибин встал и, шагнув к Таомею, воскликнул:

— Я понял!

Машина моментально перевела его слова на язык мионян. Таомей улыбнулся и снова заговорил. Перевод гласил:

— Вы человек с Земли?

— Да,— ответил Скрибин.

— Мы многое знаем о вашей Земле. Прилетевший с нами Асур — землянин. Он покинул Землю на корабле, управляемом нашими предшественниками. У нас есть даже фотографии Земли. Смотрите!

Таомей подошел к одному шкафу и достал оттуда пачку фотографий. Да, это были фотографии Земли. Скрибин рассматривал их и не мог освободиться от впечатления, что они стереоскопичные. Люди и предметы как бы имели объем и казались совсем реальными. На одном из снимков был изображен старик в белом одеянии, с посохом в руках. Рядом паслись овцы. Неподалеку высились стройные пальмы, за которыми начинались высокие дюны.

На следующей фотографии Скрибин увидел человека в набедренной повязке. Он бежал во весь дух по пустыне, а вдали можно было рассмотреть трех людей, преследующих его на верблюдах.

— Узнаете этого человека? — спросил Таомей.

— Узнать его?! — удивился инженер.

— Ну да, взгляните внимательней!

Скрибин снова склонился над снимком. Действительно, лицо бегущего человека показалось ему знакомым. Где он видел его? Эти полные губы, волосы, нос...

— Невероятно! — воскликнул инженер.— Это же приехавший с вами землянин Асур.

— Да, это Асур.

— Эта фотография сделана на Мионе?

— Нет, на Земле. Она сделана... Сейчас я скажу вам точно.

Таомей направился в дальний угол комнаты, остановился перед панелью управления большого аппарата и нажал рычажок. Машина загудела, защелкала, и через минуту в цели показался листок белой бумаги. Таомей взял его и прочел.

— Пять тысяч лет, сто двадцать семь дней, шесть часов и восемь минут прошло с тех пор.

Скрибин прикрыл рукой глаза. Помолчав, он хрипло проговорил:

— Простите, мне как-то трудно осознать все это!..

Вернувшись в зал, где остались Анна и члены экипажа «Космос», Скрибин увидел их сидящими за столом, уставленным едой. Анна встала и пошла ему навстречу.

— Где ты был? Я уже начала волноваться!

Он успокаивающе погладил ее по голове.

— Я никогда не могла бы себе представить такие необыкновенные блюда! И какие вкусные, ароматные. А фрукты! Попробуй, они похожи на наши яблоки и видом и вкусом. А вот это ничем не отличишь от дыни...

Скрибин молча смотрел перед собой.

— Почему ты молчишь? Что с тобой?

— Ничего, ничего...— тихо ответил он.

Он все еще был под впечатлением беседы с Таомеем. То, что они встретились в космосе с разумными существами, жителями другой планеты, было естественным и закономерным. Но судьба Асура, жившего на Земле свыше пяти тысяч лет назад, потрясла его. Значит, в далеком прошлом гости с Миона посетили Землю. Почему же не сохранилось никакого документа, свидетельствующего об этом? Существовали лишь догадки и предположения...

— Представьте себе, настоящее шампанское!— сказал Вега, подходя к Скрибину с бокалом в руке.— Между прочим, напиток безалкогольный.

Скрибин, казалось, не слышал его. Он верил, что наступит день, когда человек вырвется за пределы Солнечной системы на атомных или же фотонных ракетах и полетит в Бесконечность, посетит другие планеты, встретится с неземными разумными существами. Но как могло прийти в голову, что ему самому придется разговаривать с человеком, жившим на Земле пять тысяч лет назад? Мионянин доказал ему, что Асур прожил много веков, так как пролетел сотни миллиардов километров в космосе с околосветовой скоростью. Пока он преодолевал расстояние до Миона и обратно, время практически переставало существовать для него. На звездолете прошло всего несколько десятков лет, в то время как Земля повзрослела на тысячелетия.

Асур мог прожить еще сотни лет, пояснил Таомей, благодаря специальному режиму питания и препаратам, с помощью которых устаревшие, износившиеся клетки подменивались молодыми, жизнеспособными. Вычислительные машины безошибочно определяли малейшее нарушение жизненных процессов в организме и предписывали специальный режим, питание, лекарства, предупреждавшие наступление старости. Средняя продолжительность жизни мионян достигала пятисот—шестисот земных лет, а некоторые из них, как сказал Таомей, живут свыше тысячи лет.

Все это не выходило у Скрибина из головы. Между тем экипаж «Космоса» продолжал наслаждаться предложенным мионянами обедом.

— Папа, ты все молчишь! Что с тобой? — опять озабоченно спросила Анна.

— Все в порядке, Аня,— ответил Скрибин.— Я все думаю о том, что мне рассказал Таомей.

— О, значит вы разговаривали? Как? С помощью мимики и жестов?

— Нет, у них есть переводная машина.

— Кибернетическая?

— Да, компактная, но удивительно смышленая.

— Папа, я тоже хочу поговорить с Таомеем.

— Думаю, что это возможно. Он сейчас изучает русский язык.

— Что?

— Изучает русский,— повторил Скрибин.— Он попросил меня произнести множество слов, фраз, а также сообщить грамматические правила языка. Машина все записала, и он сказал, что теперь они с нею поймут друг друга. В то же самое время он направил себе на голову какой-то рефлектор и объяснил, что его мозг облучается возбуждающими лучами. Достаточно человеку однажды услышать какой-нибудь текст, и он запоминает его навсегда, может повторить его слово в слово.

— Но в таком случае эти мионяне должны быть очень образованными людьми,— сказала Анна.

— Да, знания у них просто невероятные. Таомей сказал мне, что каждый из них является хорошим инженером, механиком, навигатором, физиком, врачом, геологом, математиком! Причем не любителем, нет! Они в совершенстве владеют всеми этими специальностями. А память мионян — это что-то поразительное, Аня. В их мозгу знания запечатлены, как в книге. А вот и он сам.

В зал вошел Таомей. Улыбаясь, он махнул всем рукой и сказал своим приятным голосом по-русски:

— Здравствуйте, товарищи!

— О-о! — воскликнул Вега.— Он знает ваш родной язык, товарищ Скрибин!

Анна, возбужденная, подбежала к мионянину. Она казалась рядом с ним совсем девочкой.

— Как это замечательно! — сказала она.— Папа все рассказал мне. Теперь мы с вами сможем разговаривать!

— Я знаю еще очень мало слов,— сказал Таомей.— Завтра буду знать больше, а потом возьмусь за английский.

— Фью-ить! — присвистнул невольно Джерри.

— А теперь пора спать,— сказал Таомей.— У нас здесь строгий режим. Прошу вас, следуйте за мной.

Он отвел землян в просторный круглый холл со множеством дверей.

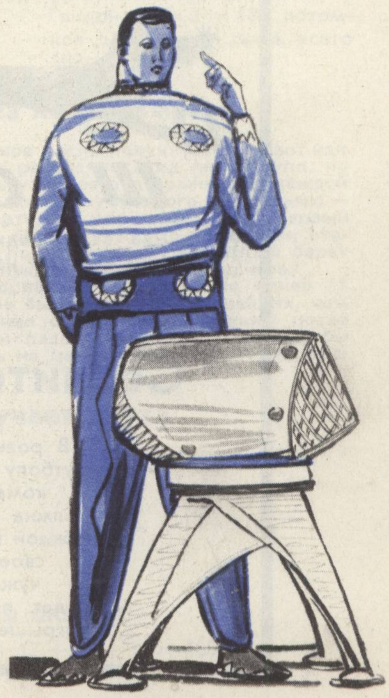
— Здесь находятся ваши каюты,— сказал Таомей.

Открыв одну дверь, он пригласил Анну войти. Комната была просторная, с высоким потолком. Стены излучали приятный зеленоватый свет. Приблизившись к кровати, мионянин потянулся к кнопке над изголовьем, и комната наполнилась прохладой и ароматом горного воздуха, запахом цветов и трав.

— Можно и так,— сказал Таомей.

Анна ощутила дыхание моря, послышался шум прибоя, воздух сделался влажным, солоноватым, насыщенным йодистыми испарениями.

— Видите этот прибор? — Таомей указал на небольшое желтое табло с обозначенными на нем знаками, напоминавшими арабские цифры.— Один, два, три, четыре... до двенадцати. Вы сразу поймете, какая цифра какое число обозначает. Устанавливаете эту стрелку и ложитесь. Вы уснете сразу же, независимо от того, хочется вам спать или нет. И проспите столько времени, сколько пожелаете. Спокойной ночи! Ведь так по-вашему?

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Кто как

Рассказывают, что когда Гаусс, вели-
кий немецкий математик, был еще ма-
леньким и учился в школе, его учитель,
желая выкроить себе во время урока
минутку отдыха, дал ученикам на ред-
кость нудное задание — заставил их
просуммировать все числа от 1 до 100.
Однако надежды учителя на несколько
минут покоя оказались тщетны: очень
скоро маленький Гаусс воскликнул:

Ответ — 5 050!

Учитель должен был признать ответ
правильным. Каким же образом Гаусс
так быстро отыскал результат! Вот его
объяснение:

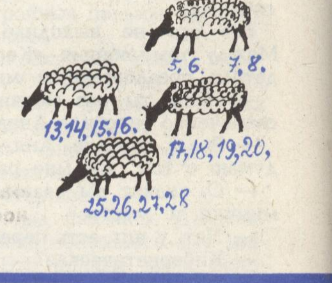
— Я заметил, что

$$1 + 100 = 101$$
$$2 + 99 = 101$$
$$3 + 98 = 101$$

Слагаемые надо было 50 раз брать по
одному из начала и с конца последова-
тельности чисел, а $50 \times 101 = 5\,050$

Метод, придуманный Гауссом, хорош,
если число слагаемых четное. Тогда все
слагаемые можно объединить в пары.
А как быть, если оно нечетное! Немного
усложнив рассуждения Гаусса, можно
получить способ вычисления суммы лю-
бого количества последовательных нату-
ральных чисел. Есть старый анекдот о
человеке, который бросил взгляд на па-
стбище и уверенно заявил: «На этом лу-
гу 357 баранов». На вопрос, как он это
узнал, он ответил: «Очень просто: я
посчитал все ноги и поделил на четы-
ре». Математик часто поступает именно
так.

Пусть, например, мы хотим сложить

Сыновья-книголюбы

Два отца подарили своим сыновьям книги. Один подарил своему сыну 60 книг, другой — 30. Тем не менее у обоих сыновей вместе число книг увеличилось на 60. Как это могло получиться?

Загадочные лилии

На пруду волшебного замка росла прекрасная белая лилия. С каждым днем она становилась все пышнее и пышнее, и ее белые лепестки закрывали все больше места — в два раза больше, чем накануне. За 16 дней под лепестками скрылся весь пруд.

Прошел год. Весной в разных концах пруда раскрылись бутоны двух белых лилий. Как вы думаете: за сколько дней два цветка закроют своими лепестками пруд, если каждая лилия будет расти так же быстро, как в прошлом году?

Собака на шоссе

Два велосипедиста одновременно выехали навстречу друг другу. Выехали они из двух пунктов, расстояние между которыми 100 километров. Один ехал со скоростью 15 км в час, другой — 10. Одновременно с первым велосипедистом выбежала собака со скоростью 20 км в час. Собака бежала, пока не встретила второго велосипедиста. Тогда она повернула обратно — навстречу первому. Встретив первого, снова повернула. Так она бегала между велосипедистами, пока они не встретились. Подсчитайте, сколько километров пробежала собака?

Сосчитай-ка

В розыгрыше первенства по футболу будут участвовать 17 команд. Каждая команда должна сыграть два раза с каждой из остальных: один раз на своем поле, другой раз на чужом. Сколько матчей будет проведено в этом розыгрыше?

СКЛАДЫВАЕТ

первые семь натуральных чисел. Выпишем складываемые числа дважды в двух строчках, причем во второй строке изменим порядок следования:

$$1+2+3+4+5+6+7$$
$$7+6+5+4+3+2+1$$

При такой записи первое из складываемых чисел оказывается над последним, второе над предпоследним и т. д. Сложим находящиеся одно под другим числа. Получаем:

$$8+8+8+8+8+8+8=$$
$$8\times 7=56$$

Это искомая сумма, взятая дважды. Вот мы и получили правило: чтобы найти сумму нескольких последовательных натуральных чисел, надо сумму первого и последнего чисел умножить на число слагаемых (в нашем примере $(1+7)\times 7=56$) и полученный результат поделить пополам ($56:2=28$). В задаче, которую решал Гаусс, сумма первого и последнего чисел равна 101; если мы умножим это число на 100, то получим 10 100; половина этого числа равна 5 050.

Ясно, что такое правило дает нам возможность подсчитывать сумму не только последовательных натуральных чисел, но и вообще сумму чисел, которые отстоят одинаково друг от друга, например, сумму $5+7+9+11+13$ (где каждое следующее слагаемое на 2 больше предыдущего) или сумму

$$10+15+20+25+30+35$$

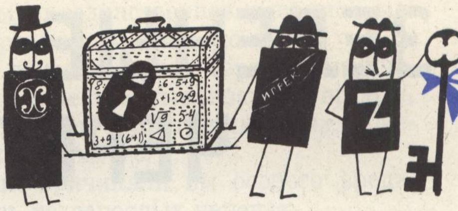
Здесь разница между двумя соседними слагаемыми всегда равняется 5.

(По книге венгерского математика Розы Петер «Игра с бесконечностью»).

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

Ответы на задачи из № 3

На старте улитка

За сутки улитка поднимается на $5-4=1$ метр. Казалось бы, на десятиметровый столб она поднимется за 10 суток. Но не торопитесь с ответом. Ведь к утру шестого дня она окажется на высоте 5 метров, а к исходу того же шестого дня она поднимется еще на 5 метров и достигнет вершины столба.

Загадки древней рукописи

xxxx — xxx = 1
Ответ: 1000 — 999 = 1

xx + xx = x 97
Два ответа: 99 + 98 = 197 или
98 + 99 = 197

Еще одна строка

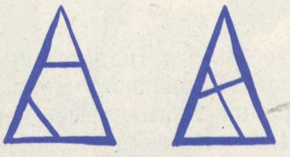
1 2 3 4 5 = 100

Один из возможных ответов:

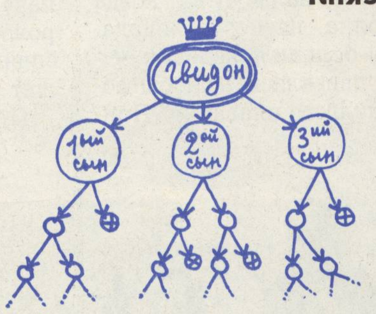
$$(1\times 2+3)\times 4\times 5=100$$

Кусочек сыра

Одним разрезом разрезают кусочек сыра на два ломтика. Вторым разрезом один из этих ломтиков или оба сразу делят на две части. Всего получится три или четыре части.

Князь Гвидон и его потомки

Нарисуем «генеалогическое древо» князя Гвидона. Его потомков изобразим кружочками, причем бездетных потомков — перечеркнутыми кружочками.

Каждый из 93 потомков, имевших детей, добавляет к общему числу потомков князя Гвидона двоих (своих сыновей), значит, у Гвидона $93\times 2=186$ потомков да еще три сына, всего 189 потомков.

В автобусе без кондуктора

Первый вопрос задачи: «Как такое могло получиться?» А вот как. Представьте себе, что пассажиры разделились на пять групп, по четыре человека в каждой. Пусть у первого пассажира в каждой группе одна двадцатикопеечная монета, у второго и третьего — по пятнадцатикопеечной, у четвертого — два гривенника. Первый опускает в кассу свои 20 копеек, берет у второго 15 копеек, второй и третий берут у четвертого по гривеннику, четвертый берет у третьего его пятнадцатикопеечную монету. Все в расчете.

Докажем, что у пассажиров первоначально было не менее 25 монет. В самом деле, ни у кого не было монет более мелких, чем гривенник, значит, каждый получил сдачу. Следовательно, после расплаты у каждого из двадцати пассажиров осталось хотя бы по одной монете и рубль, то есть не менее пяти монет было брошено в кассу. Все доказано.

Как из мухи получается уха

```
−3125 | 25
  25  | 125
 −62
  50
 −125
  125
```

Математики на складе

Да, может: $17+17+17+17+16+16=100$

ЗЕЛЕНЫЕ ЧЕРЕПАХИ— ОБИТАТЕЛИ ОКЕАНА

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Арчи КАРР

Жизнь зеленых черепах — редких и в наше время просто вымирающих животных — до сих пор мало изучена. Сейчас особое внимание зоологов привлекла удивительная способность ластоногих навигаторов ориентироваться в океанских просторах. Ученые не только ведут наблюдения, вместе со служащими специальных заповедников они стремятся спасти зеленых черепах от вымирания.

Мы печатаем в сокращении статью американского зоолога доктора Арчи Карра.

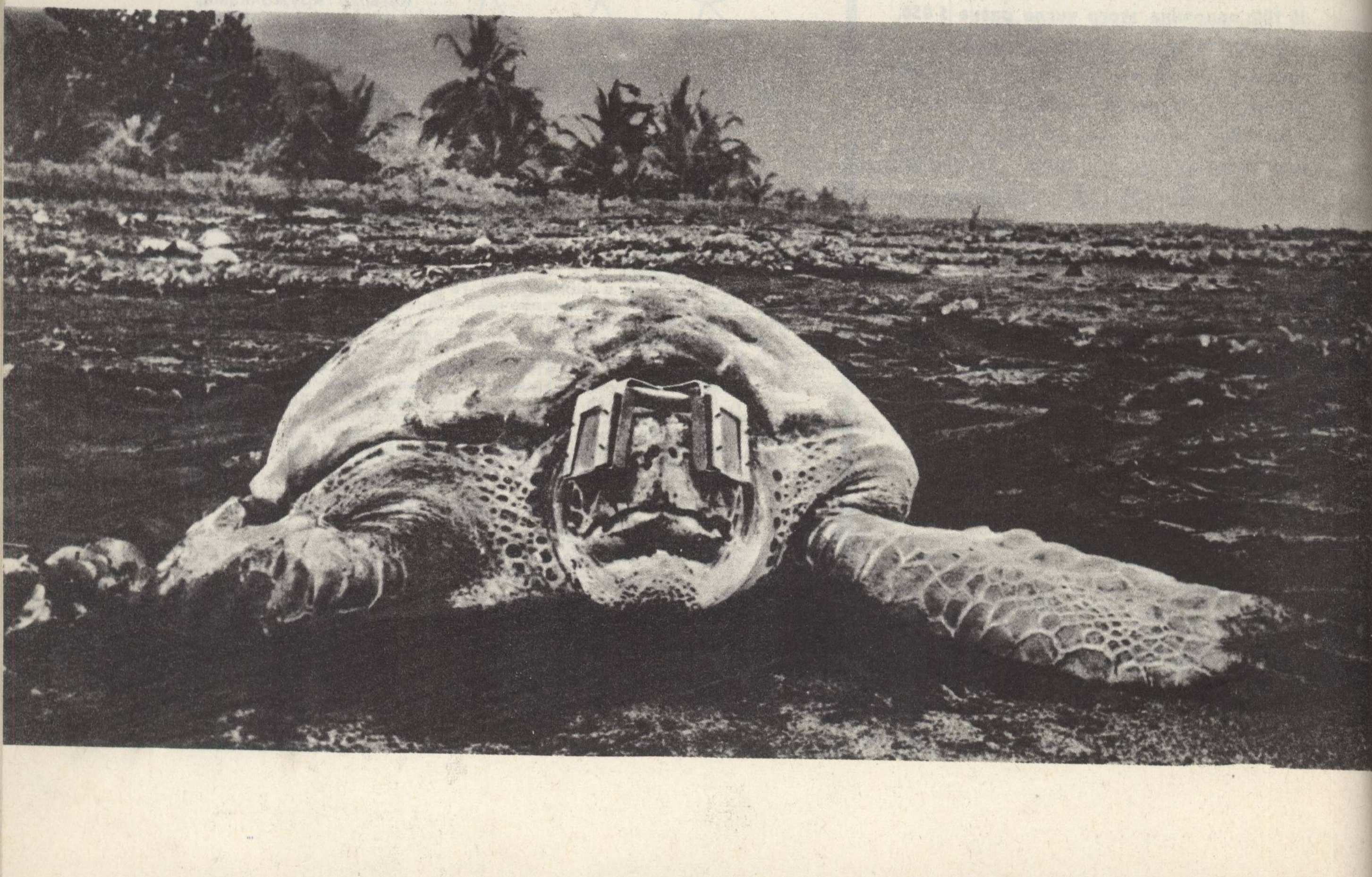
РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Это было пятнадцать лет назад, на берегу теплого Карибского моря. Я впервые попал тогда на знаменитые черепаховые пляжи.

Было темно, как говорится, хоть глаз выколи. Вылетающие на берег волны прибоя светились, словно огненные валы. И вот когда схлынула очередная волна, на песке неподалеку от меня осталась большая зеленая черепаха. Она совсем не двигалась, как бы собираясь с духом после долгого плавания. Прижавшись плотнее к земле, я затаил дыхание и не сводил с нее глаз.

Разве мыслимо было упустить такой случай! Ведь только раз в два-три года это громоздкое создание выходит на берег откладывать яйца. Первые шаги черепахи по суше вообще редко кому удается увидеть. К берегу они подплывают только ночью и очень боятся неведомой им суши. Поэтому они так осторожны, пугливы и капризны. Даже огонек спички, вспыхнувший далеко на берегу, может отпугнуть их снова в море.

Но вот она протащила свое тяжелое тело

дальше — туда, где песок, обдуваемый ветром, совсем сухой.

Как только первое яйцо падает в песок, на черепаховом панцире, как на барабане, можно исполнить дюжину индейских танцев — она даже головы не повернет. Углубление, которое она вырывает в песке своими передними ластами, вскоре заполняется доверху: черепаха откладывает обычно больше сотни яиц. Потом черепаха маскирует гнездо, беспорядочно разрыхляя вокруг него песок, и, завершив самое важное дело своей жизни, медленно бредет обратно в море.

лет, — в этом их единственное уязвимое место, и оно грозило им гибелью.

И все же, пока на берегу черепах встречали только их естественные враги — ягуары, пумы, чайки, грифы и другие хищники, — черепах было очень много.

Индейцы не причиняли им особого вреда: они охотились на взрослых черепах.

И даже когда началось освоение европейцами тропических стран Америки, подводные стада черепах не уменьшались.

В те годы английские военные корабли, путешествовавшие в Новый Свет, грузили на

Черепаха в очках-светофильтрах не видит неба. Потеряв ориентир, она беспомощно тычется в песок. Только после долгих блужданий, двигаясь на ощупь, она в конце концов находит воду. Такие очки черепахе надевали и днем и в ночное время. Удалось установить, что на берегу черепаха ориентируется не по цвету неба, а по окраске горизонта.

Опрокинутую на панцирь черепаху тащат по песку четыре человека. Сейчас сотрудники заповедника произведут все обмеры, а потом на один из ластов укрепят металлическую пластинку с номером. Из 4 200 пластин 175 были сняты с выловленных черепах и возвращены доктору Карру.

В ТРЮМАХ ПАРУСНИКОВ

Взрослая карибская зеленая черепаха — ее еще называют суповой черепахой — весит обычно около ста пятнадцати килограммов. Но встречаются и чемпионы весом раза в два, а то и в три больше. Целые стада этих животных безмятежно разгуливают на подводных пастбищах в теплом и чистом уголке Карибского моря. Мирные создания, поедающие морские травы, они всегда напоминали мне добродушных сплюснутых коров.

В море, в своей родной стихии, они чувствовали себя привольно, здесь они были в полной безопасности: морских хищников пугали их гигантские размеры... Земля, и только земля угрожала этим мирным созданиям. А они вынуждены покидать море раз в несколько

борт живые запасы продовольствия. Черепахи на весь мир славились своим вкусным мясом, их было легко поймать, а кроме того, ничего не стоило по нескольку месяцев держать их живыми в трюмах кораблей или на суше.

Можно предположить, что зеленые черепахи немало помогли и испанскому флоту совершать свои долгие переходы на родину из портов Южной Америки.

Но шло время, и охота на черепах стала настоящим бедствием. Мясо научились продавать в замороженном виде, спрос на знаменитый черепаховый бульон все время растет, охотно раскупаются безделушки из кожи черепах и чучела новорожденных черепашек.

Цены на морских черепах стремительно поднимаются, и не исключено, что все они вскоре исчезнут с лица земли.

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ НА ЧЕРЕПАХОВОМ БЕРЕГУ

Вдоль восточного побережья Коста-Рики тянется узкая песчаная полоса. Это Тортугиеро, или Черепаховый берег. Сюда в одиночку или небольшими стадами приплывают зеленые черепахи Карибского моря.

Местные жители уверяют, что у флотилий черепах, направляющихся из океана к родному берегу, есть верный маяк. Это Керро Тортугиеро — Черепаховая гора. Я знаю, что это народное поверье, но, как зоолог, я давно уже научился не считать народные приметы пустой болтовней.

Впервые я приехал сюда в 1954 году. Мне хотелось узнать, правду ли говорят рыбаки и охотники, что черепахи мигрируют на большие расстояния и что они прекрасные навигаторы, ориентируются в море лучше людей.

ОПЕРАЦИЯ «ЗЕЛЕНАЯ ЧЕРЕПАХА»

Операция «Зеленая черепаха» началась с 1958 года. За прошедшие годы мы перевезли с нашего Черепахового берега более ста тысяч детенышей зеленых черепах. Самолеты с крошечными черепашками брали курс на Центральную и Южную Америку, в Мексику, Вест-Индию, на Багамские острова, в отдаленные районы Флориды и Техаса — туда, где мы обнаружили заброшенные гнездовья черепах.

С июля по ноябрь каждый год мы раскапывали в песке Тортугиеро черепашьи гнезда и, забрав яйца, снова закапывали их в нашем инкубаторе. Здесь они были в безопасности. Два месяца яйца лежат в теплом песке, а после этого, обычно по утрам, крошечные черепашки прорывали кожистые скорлупки и, извиваясь, выбирались из-под песка. Единой копошащейся массой эти крошечные создания с каким-то, видимо, врожденным неистовством устремлялись к морю. Каждое утро мы находили их в той стороне загона, которая обращена к морю. Мы собирали малышей в деревянные бачки и кормили рубленой рыбой.

Отправляя черепашек в дальнее путешествие, мы надеялись, что они запомнят запах, вкус или какое-то иное ощущение, связанное с местом, где их выпустят на волю, и взрослыми вернутся туда для размножения.

Последний этап нашей операции был завершен на острове Барбадос. В окружении толпы любопытных мы вскрыли шесть привезенных с Рио Тортугиеро контейнеров и выпустили на волю тысячу двести маленьких черепашек. Все они стремительно помчались по белоснежному песку к линии прибоя.

— Они уплывают назад, к Черепаховому берегу! — завопил какой-то юный обитатель острова.

Этот малыш высказал мысль, которая постоянно нас тревожит. Кто знает, может быть, он и прав.

Зеленые черепахи еще очень мало изучены, особенно их жизнь под водой. Неизвестно, когда детеныши превращаются во взрослых черепах, и мы пока не уверены, что у перевезенных на самолетах черепашек, когда они станут взрослыми, появится побуждение вернуться туда, где их выпустили в море. Удастся ли операция «Зеленая черепаха», оживут ли заброшенные гнездовья — сейчас никто этого не знает.

В ОТКРЫТОМ МОРЕ

До сих пор никто не знает и другое — как черепахам удается выдерживать направление во время их долгого пути и точно приплывать в нужное место побережья. В том, что они искусные мореходы, я убедился во время работы на острове Аскенсион — клочке суши, затерявшемся в океане между Африкой и Южной Америкой. Там мы окольцевали пятьсот пятьдесят шесть черепах, и через некоторое время охотники с бразильского побережья прислали нам в университет десять металлических пластин с нашими пометками. Видимо, бразильская колония зеленых черепах проплывает по меньшей мере 2 240 километров, чтобы на берегах родного острова соорудить свои гнезда. И за все время этого долгого пути у черепах нет никакого постоянного ориентира.

Как же им удается не сбиваться с курса? Чтобы выяснить это, пробовали разные методы. Несколько лет назад в море уплыла первая черепаха с радиопередатчиком на панцире. Но оказалось, что кривизна Земли сильно ограничивает радиус действия аппаратуры — радиосвязи с путешественницами не получилось. Возможно, в скором времени удастся все же эту связь наладить — сигналы от аппаратов, установленных на черепахах, будут приниматься радиоприемником спутника Земли, а потом ретранслироваться на наземные радиостанции. Эти опыты помогут точно определять и исследовать пути движения знаменитых навигаторов.

Сейчас самым правдоподобным объяснением их искусства может быть такое: черепахи следуют за запахами, которые морские течения несут с собой из определенных мест. И чтобы уточнить движение в нужную точку берега, черепахи еще ориентируются по солнцу.

Возможно, наша система кольцевания поможет разгадать их феноменальные способности навигаторов. А пока не наступят эти дни, никто из нас в Тортугиеро не ждет легкой жизни, особенно в период размножения зеленых черепах.

Перевел с английского
А. КОРКИН.

МАЙСКИЙ ЛИСТОК

Летит в поднебесье курица! Но в это не очень-то верится!

Заметь это себе, читатель, и смекни, что в моем листке надо уметь отличить быль от выдумки.

Антон Загогулин.

МАЙ — ЭТО ВАМ СОВСЕМ НЕ ЯНВАРЬ. Что верно, то верно. У кого хочешь спросите, и подтвердят. А лучше гляньте в окошко — ну, хорошо там? Вот то-то и оно, что очень хорошо. Я и говорю поэтому: май — любимый мой месяц. Пахнет летом, и все лето целиком впереди. Плохо ли?

Полезные предрассудки и интересные заблуждения

(Из записной книжки)

В середине мая, сея горох, в прежние времена пели: «Сею-сею бел горох, уродися, мой горох, и крупен, и бел, и сам-тридесят. Старым бабам на потеху, молодым ребятам на веселье».

Тоже примерно в середине мая выгоняли впервые лошадей в ночное, на луга. Это у ребят праздник: ночь в поле, с лошадьми у костра.

А еще стародавняя примета, что в конце мая змеи из нор выползают, «собираются да идут поездом на каменну горку, на змеиное сборище» (об этом подробнее смотрите в Большой загогулине).

Выписка из моего дневника

Вчера я с утра и почти до обеда был в Химках, в порту. Мне-то по делам надо, а я ни с места. Стою на причале, смотрю и мечтаю. Река чистая, день солнечный. Тепло. И подваливают к стенке беленькие, свежевыкрашенные теплоходы. Из затонов, где зимовали, выводят буксиры всякие грузовые баржи. Еще несколько таких деньков — и расплывутся все эти суда по разным рекам. «Эх, — думаю, — наняться бы тебе, Антон, матросом или хоть поваром, да и пошел по Оке либо по Волге...» Словом, насилу увел себя из порта...

А это мой

ЗАГОГУЛЬКА

(Это я о самом себе написал)

Кладу в сундук ушанку.
Туда же и кожанку.
Да к ним еще тулуп.
Антон не так-то глуп...
Он кепку надевает.
Ботинки обувает.
И, нарядясь, шагает
На майский праздник в клуб!

Телефонный разговор с продолжением

На столбе у трамвайной остановки я прочитал объявление:

МЕНЯЕМ: 2 (два) НАБОРА СОЛДАТИКОВ, 57 (пятьдесят семь) штук, ПОДЕРЖАННЫЕ.
2 (двух) КУКОЛ, глаза закрываются, но НЕ ОТКРЫВАЮТСЯ.
К НИМ ЧАЙНАЯ ПОСУДА.
РАЗНЫЕ ЧАСТИ ОТ ТРЕХ БУДИЛЬНИКОВ.
ВПРИДАЧУ — живой котенок серого цвета.
НУЖНЫ ВЕРЕВКИ!
Телефон Е 4 621 позвать Лиду-Сашу!

Звоню, спрашиваю, как сказано, Лиду—Сашу и зачем веревки? Саши дома не оказалось, а Лида секретничает, сама вопросы задает:

— А есть у вас веревки? Нам много надо. Будете меняться?

— Я бы сменялся: котенок-то мне нужен. Одному жить скучно... Но зачем же вам столько веревок, если не секрет?

— Вообще-то секрет. Мы воздушный шар делаем. Только вы никому не говорите! А то Сашка узнает и меня с собой не возьмет!

— Шар? А меня этот Сашка возьмет? Я не тяжелый! И веревок я дам, у меня их много. Я раньше на почте работал, шпагат у меня есть!

— Шпагат? Несите скорей! Это Сашка с вами и говорит: я нарочно голос маскировал, а Лиды и нет никакой... Скорей только! Улетаю!

Продолжение смотрите в следующем, в июньском, если не расшибусь, листке. На всякий случай прощайте, ваш А. З.

ЗМЕИ

(Большая загогулина)

Прежде я помоложе был и, не совру, до того был верткий, что если в снежки, к примеру, возьмемся, так, бывало, никто в меня не угодит, а я в кого хочешь! Но я о змеях обещал... Значит, о змеях. Ладно.

Змеи, они что? Известно, в конце мая у них слет происходит, ну как бы перевыборы, что ли... И ползут они из своих гнезд повыше, на горку, где солнышко сильней греет.

Ну и вот! Выхожу я раз из лесу — полянка. Посередине бугор из камней, а на нем — ну тыща! Гадюки, медянки и уж не знаю какие еще. А у меня бутылка с собой была пустая, и мысль в уме явилась. Я и полез прямо туда, где кишмя кишит, и шевелится все, и головки поднимает, ротики свои разевает, и шипит, шипит... Никто мне потом про это не верил, говорят: «Враки!» Я им: «А вы сами проверьте!» Не хотят проверять. Ну, влез я в этот клубок, и только мне она в руку прицелится тяпнуть, я ей пузырек сую: на-ка! За ноги я не беспокоился: в сапогах был. Словом, почти что полную четвертинку яду в аптеку снес. И барометр купил на те деньги за яд. Давно мне был барометр нужен...

НЕ СПРОСИШЬ — так и не отвечу...

«Антон Загогулин, а что вы больше всего любите?»

Ответ. Больше всего люблю кино, собак, читать интересные книжки, мороженое «Сахарный рожок», справедливость вообще, всех птиц, летом рыбалку, зимой топить печку, гулять и разговаривать про разные интересные случаи.

«А что не любите?»

Ответ. Не люблю злость, болеть не люблю. Вот и все, пожалуй...

Антон Загогу.....

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

ДОЛОЙ КЛЯКСЫ

Глубокоуважаемый Дед Буквоед! Мы, буквы и слова, обращаемся к Вам с просьбой: спасите нас от клякс! В конце учебного года кляксы ужасно обнаглели. Во время письменных работ они попадают на отдельные буквы, слоги и даже на другие слова, которые находятся внутри этих слов.

Мы посылаем Вам фотографии, на которых видно, как дерзко ведут себя кляксы. Помогите нам выбраться!

С уважением слова: Писк, Крот, Нора, Репа, Кобра, Нос, Овод, Орех, Осел, Икота.

Ребята! Помогите Деду Буквоеду определить, какие слова спрятались под кляксами?

ШКАТУЛКИ С АЛМАЗАМИ

Барон Мюнхаузен показывал гостям трофеи, привезенные из разных стран. Один из гостей залюбовался великолепным алмазом в золотой оправе и спросил, откуда он у барона.

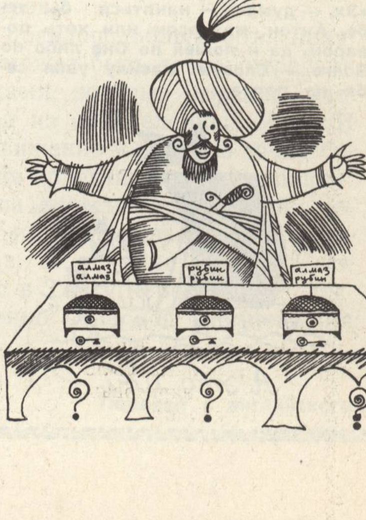
— Из Турции,— ответил барон.— Когда я гостил у султана, при его дворе жил торговец драгоценностями. У него было три бесценных рубина и три алмаза, которые он не хотел продавать.

Он прятал два алмаза в одну шкатулку, два рубина — в другую, рубин и алмаз — в третью. Потом торговец раскладывал на шкатулках дощечки с надписями: «алмаз — алмаз», «рубин — рубин», «рубин — алмаз» — и предупреждал, что надписи на дощечках не соответствуют содержанию шкатулок. Покупатель мог снять любую дощечку и достать из шкатулки, на которой она лежала, не заглядывая в нее, один драгоценный камень и по нему определить содержание всех трех ларчиков.

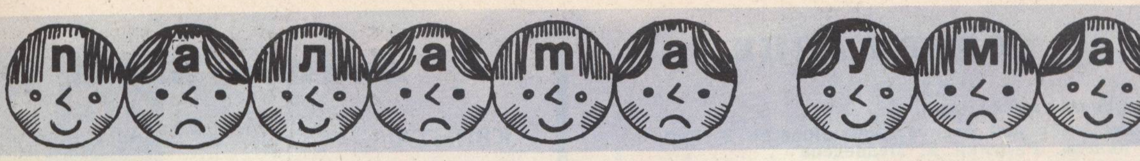
Покупателям, которые угадывали правильно, торговец даром отдавал все камни. Если же покупатель не мог разгадать хитрость торговца, то должен был заплатить за них. Торговец, конечно, шел на риск, но султан трижды проиграл ему огромные деньги.

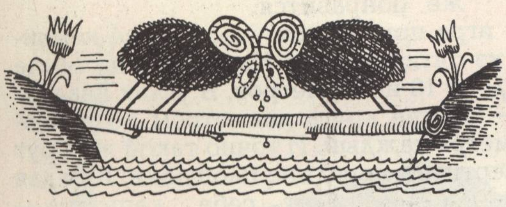
Я, конечно же, с первого раза выиграл все камни, но, разумеется, вернул их торговцу, придумавшему столь остроумную забаву. В знак благодарности торговец подарил мне этот великолепный алмаз.

Соврал ли барон Мюнхаузен?

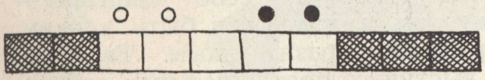

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

НАХОДЧИВЫЕ КОЗЛЯТА

Помните сказку о том, как два барана встретились на узеньком мостике, не хотели уступать друг другу дорогу и оба свалились в речку? А вот четыре козленка, два белых и два черных, поступили гораздо умнее.

Они не торопились, не бодались. Они двигались сначала только на одну клеточку вперед, если она свободна, и перепрыгивали друг через друга, если свободна клеточка за тем козленком, через которого они прыгают.

Попробуйте переправить на правый и левый берег сначала четырех козлят, а потом увеличьте количество клеток до семи, а козлят до шести: три черных, три белых. А чтобы легче было играть, вырежьте эту игру из картона.

пятеро друзей

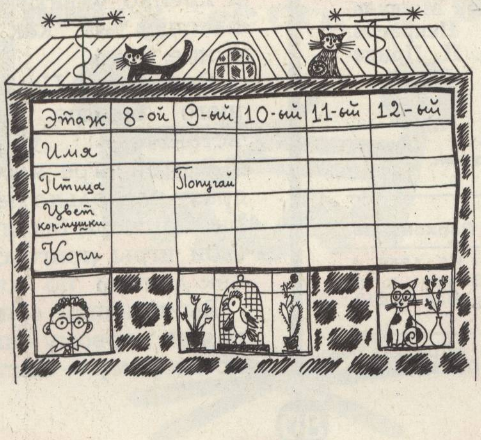

Пять друзей живут в высоком, новом доме. Их квартиры расположены одна под другой. У каждого из друзей разные птицы. Все кормушки у птиц разного цвета. По утрам ребята насыпают в кормушки просо, вику, гречку, хлебные крошки, овес.

1. Мальчик, который кормит свою птицу викой, живет тремя этажами ниже, чем его друг Женя.
2. Одним этажом ниже, чем мальчик, у которого голубая кормушка, живет Петя.
3. Коля кормит свою птицу просом.
4. Миша живет на одиннадцатом этаже.
5. Снегирь не любит овса.
6. У чижа красная кормушка.
7. Мальчик, у которого красная кормушка, живет не на девятом этаже, а этажом выше, чем владелец дрозда.
8. Владелец попугая живет на девятом этаже.
10. Мальчик, у которого оранжевая кормушка, живет этажом выше, чем Миша.

Кто кормит свою птицу хлебными крошками? Какая птица у Вовы? У какой птицы в клетке желтая кормушка?

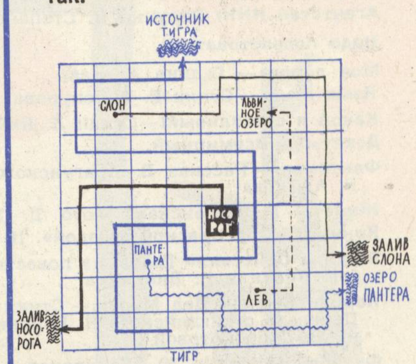
Эта задача на первый взгляд кажется очень запутанной. Но решить ее несложно. Нужно только расположить все сведения в таком порядке, чтобы можно было бы заполнить нарисованную здесь таблицу.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В «ПИОНЕРЕ» № 4 В ОТДЕЛЕ «УМА ПАЛАТА»

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

Решать эту задачу нужно так:

Странная история

Вы догадались, какие профессии у друзей Деда Букворода?

Старужилин — журналист
Кохуджин — художник
Тирахтерко — архитектор
Терапальпедов — преподаватель
Ререатевин — ветеринар
Алербина — балерина
Стибукин — букинист
Ромхетабкин — бортмеханик
Цепрадов — продавец

Магический квадрат

Вот как вначале Нострадамус уложил квадратики с цифрами.

16	3	2	13
5	10	11	8
9	6	7	12
4	15	14	1

Надписи на Марсе

Расшифровать загадочные надписи совсем не трудно. Все они означают: с первым апреля!

Отклонения от копии (на экспертизу)

1. У школьника, который стоит в левом углу, рот больше, чем на снимке. 2. Портфель у отца, несущего ученицу, стал больше. 3. Не видно левой руки матери, догоняющей дочь. 4. Изменен галстук у отца справа. 5. Похудела мама у мальчика на роликовых коньках. 6. Изменена фигура у матери, которая уговаривает лежащего школьника. 7. Изменена прическа у девочки наверху слева.

СОДЕРЖАНИЕ

●

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:
Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

●

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00061. Подписано к печати 11.IV. 1968 г. Формат бумаги 60×84$^{1}/_{8}$. Объем 9,33 усл. п. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 938 200 экз. Изд. № 812. Заказ № 978.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Летние игры

КВИНТА

Квинта — любимая игра литовских ребят. Думаем, что и вам она тоже понравится.

В игре принимают участие две команды из пяти человек. Начертите на земле квадрат 10 на 10 метров. В углах квадрата — четыре круга диаметром по полтора метра каждый. И точно такой же круг начертите в середине площадки. Каждая команда выбирает себе капитана — квинту. Капитан должен быть ловким, быстрым, сообразительным. Ведь он один выступает против четырех противников.

Итак, начинаем играть!

Четыре участника из первой команды встают в четырех угловых кругах, средний круг занимает капитан другой команды. Теперь четыре игрока начинают перебрасывать друг другу мяч, стараясь попасть им в квинту.

Квинта — капитан может увертываться от мяча, но дотрагиваться руками до мяча он не может. Если же он поймает мяч, это дает противнику выигрышное очко. Из своего круга капитану и игрокам выбегать не разрешается.

Один «сет» — тайм продолжается пять минут. Если за это время в капитана ни разу не попали мячом, его команда выигрывает очко.

Затем команды меняются местами. В четыре угловых круга встают четыре человека другой команды. Теперь она противостоит капитану первой команды. А он занимает круг в центре.

Соревнования продолжаются до тех пор, пока одна из команд не завоюет заранее условленное число очков.

ПОПРОБУЙ СЕСТЬ И ВСТАТЬ

Думаете, это просто? Давайте попробуем! Выходите в круг. Встаньте со своим партнером спиной друг к другу, сплетитесь руками в локтях. Можно встать и лицом друг к другу и крепко ухватиться обеими руками за палочку так, как это показано на рисунке.

Внимание! По первому сигналу ведущего быстро сядьте, по второму — встаньте.

В этой игре могут принимать участие сразу несколько пар. Нужно только, чтобы партнеры были одного роста. Еще для этой игры приготовьте несколько палочек длиной по пятьдесят сантиметров.

Выигравшей считается та пара, которая по первому сигналу быстрее сядет, а по второму — быстрее встанет.

10 м
10 м
КВИНТА
1,5 м
Попробуй сесть и встать

МЫ ИГРАЕМ В КУКЛЫ...

Послушайте, девочки! Хотите играть с нами в куклы? Скоро лето, вы собираетесь путешествовать, и вашей Марине или Светлане нужно сшить и связать красивые платья, купальники, сумочки, шляпы.

Найдутся у вас лоскутки, разноцветные шерстяные нитки? Ну, конечно! А еще нам понадобятся ножницы, спицы, вязальный крючок, маленькие пуговицы и непременно сантиметр, как у настоящих портних.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Цена 25 коп.
Индекс 70694.